Елена Ларина

Романтический Декамерон

Диктофон, фата и два кольца

Annotation

В далекие 90-е двенадцать молоденьких девушек встречаются в астрологическом кружке «Зодиак». Они попадают в мир таинства небесных светил, мистических загадок правящих миром стихий. Недоступные звезды улыбаются, манят, обещают, взирая с непостижимой высоты на тех, перед кем только открывается дорога самостоятельной жизни.

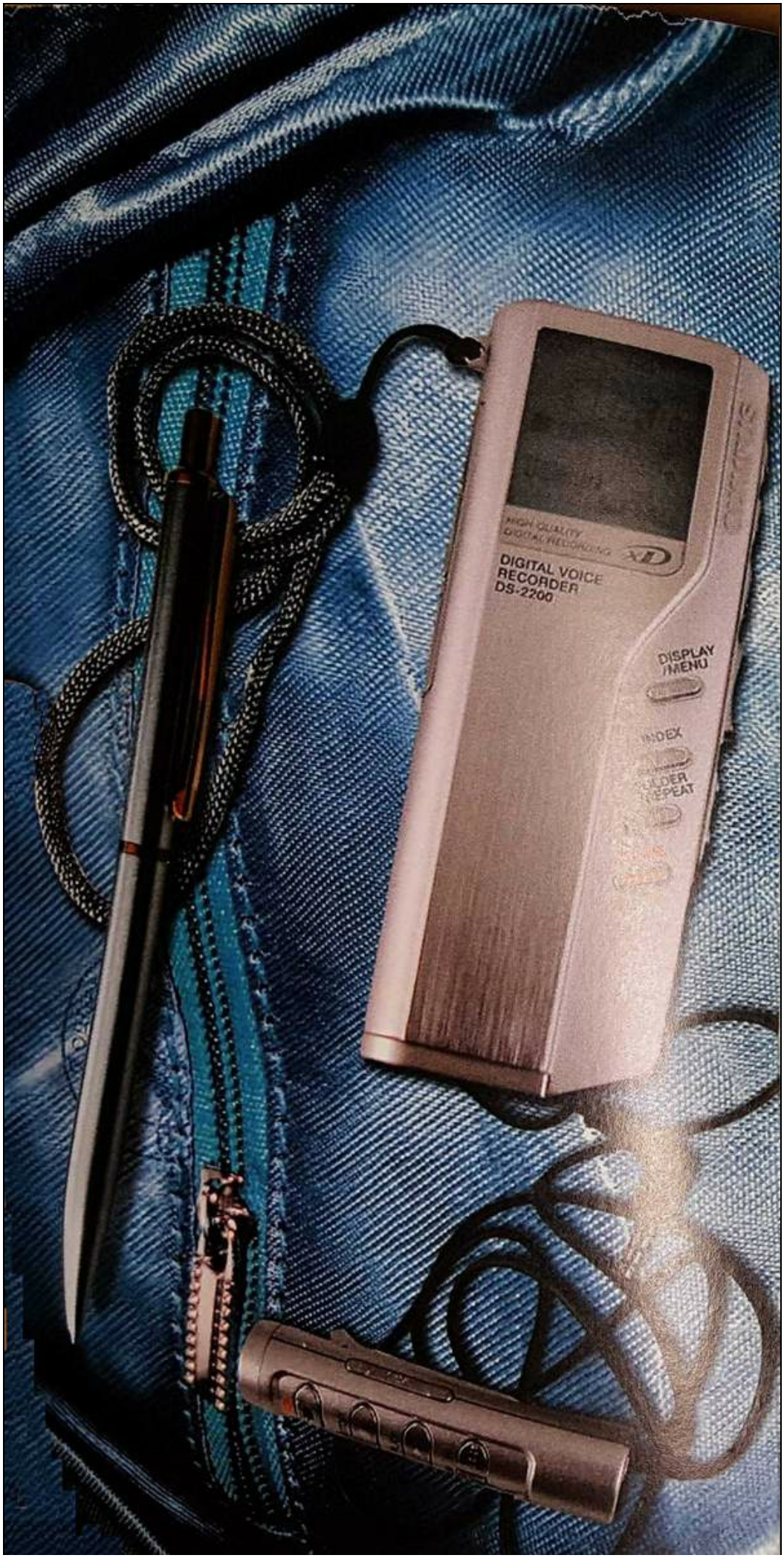
Тернист и прихотлив путь героинь. Небесные силы то благосклонно поднимают к свету и блаженству, то низвергают вниз, в пучину несчастья, горя и обмана.

Взрывоопасная смесь добродетелей и пороков Скорпиона; нежность, сострадание и чистота помыслов Девы; неторопливое обаяние и житейская мудрость Тельца; непостоянство Близнецов; упрямство и скрытность Козерога… Двенадцать характеров, двенадцать дорог, двенадцать профессий: медсестра, секретарша, гувернантка, учительница, гадалка, писатель… Героини романов бесконечно разные, но объединяет их одно — стремление к женскому счастью. Помогут ли звезды осуществиться девичьим грезам? Встретит ли каждая из них того единственного и неповторимого, что предназначен судьбой?

Следуя данному 10 лет назад обещанию, повзрослевшие девушки встречаются вновь. Как сложились их судьбы? Какие сюрпризы, повороты и зигзаги уготовили им звезды? Об этом — каждая из историй, рассказанная на чудесной заснеженной вилле в Рождественскую ночь.

Лера Стрелкина, талантливая журналистка, родившаяся под знаком Льва, дала себе зарок не связываться с женатыми мужчинами. Но влюбилась. Он — сложный и скрытный человек, состоятельный банкир, хозяин роскошной усадьбы, в которой Лера разбирает старые архивы. Как и положено дворянскому особняку, здесь водится призрак несчастной графини… Прошлое и настоящее смыкаются: жена банкира пропала без вести, как когда-то графиня. Лера, которую безумно тянет к хозяину усадьбы, пытается разобраться в загадочных исчезновениях, чтобы понять, не станет ли она новой женщиной Синей Бороды…

Елена Ларина
Диктофон, фата и два кольца,
или История Валерии Стрелкиной, родившейся под знаком Льва


HIGH QUALITY
DIGITAL RECORDING
DIGITAL VOICE
RECORDER
DS-2200
DISPLAY
/MENU
INDEX

Мужчины обнажают свою душу как женщины тело — постепенно и лишь после упорной борьбы.

Андре Моруа

ПРОЛОГ

Я люблю Рождество, пожалуй, даже больше, чем Новый Год и все другие праздники. Наверное, оттого, что до сих пор в самом названии этого праздника мне чудятся отголоски чего-то волшебного, сказочного — того, что в обычные дни произойти не может ни при каких обстоятельствах. В общем, несмотря на все прозаические реалии жизни, Рождество для меня — это предчувствие чуда. Именно в этот день с нами происходит нечто необычное. Так случилось и в этот день.

Я вела машину по загородной, заснеженной дороге навстречу далекому прошлому. И думала, что погода под стать моему настроению. День выдался морозным, выпало много снега, и порой казалось, что я действительно попала в сказку. Вот удивительно, я сама живу за городом, в очень живописном месте, но до сих пор не перестаю восхищаться красотой нашей северной природы. Ах, какие ели вдоль дороги! В такие минуты я всегда жалею, что не умею рисовать, как отец. Остановить бы мгновение, запечатлеть…

Я посмотрела на указатель вдоль дороги; до виллы Евы осталось совсем чуть-чуть, и я улыбнулась, предчувствуя радость встречи. Надо же, а я волнуюсь! А ведь действительно мы не виделись десять лет… Шутка ли! Сколько времени прошло с тех пор, как двенадцать девчонок впервые пришли в астрологический кружок. И я словно наяву увидела Дом культуры, где мы исправно собирались, его облупившийся фасад, ободранные стены небольшого помещения, в котором Эльга Карловна посвящала нас в тайны непонятной по тем временам науки астрологии.

И все же… Наряду с радостью, охватившей меня после неожиданного звонка Ева и ее предложения собраться всем вместе на Рождество, я испытывала беспокойство. Ведь десять лет — это приличный срок. Мы успели здорово измениться, и, в сущности, люди, с которыми я встречусь, уже совсем не те девочки, которых я знала раньше. И может быть, благоразумней было не соглашаться? И лучше оставить светлые воспоминания?

Тогда, поговорив с Евой, я отключила трубку и задумалась… Нужно ли мне ехать? Тем более что для меня и Новый год, и Рождество — это семейные праздники. И я люблю их проводить дома. Сомнения развеял муж. Он позвонил из Лондона и сказал, что сможет приехать не раньше восьмого… Он был очень расстроен, и тогда я ему рассказала про наш девичник и девчонок, с которыми хочу встретиться… В общем, все сложилось само собой.

А впрочем, не все ли равно, какими они сейчас стали? Главное — есть то, что нас объединяет. И я верю, что мои подружки в этой жизни не пропали, не потерялись, все-таки очень интересные были девчонки. Каждая — личность яркая, неповторимая, такое, в общем-то, бывает нечасто. Страшно интересно, как у них жизнь сложилась?

…И вот я останавливаюсь. Время еще есть, и хочется вылезти из душного салона, вдохнуть целительного воздуха.

Вылезаю, расправляю плечи. Ни души кругом. Тишина. Какое все-таки чудо — природа! Мы, городские жители, погрязшие в суете и ежедневных проблемах, забываем, что вечное, прекрасное — рядом с нами, только остановись, протяни руку, и вот оно.

Увязая в снегу, я направилась к выводку маленьких елочек, стоявших чуть поодаль. И не успела дотянуться до одной из них, как вдруг…

Раздавшийся за спиной скрип тормозов и последующий звук удара заставили меня подпрыгнуть на месте. Чуть не свалившись в снег, я рванулась к трассе.

В мою новенькую «десяточку» въехала какая-то сволочь!

В шоке я застыла на месте и молча смотрела, как из грязной иномарки, прижимая к себе сумочку, выскакивает весьма симпатичная особа в меховом коротком пальто. Собираясь произнести длинную непечатную тираду, я только открывала и закрывала рот. Особа тем временем, не обращая на меня ни малейшего внимания, присела на корточки, внимательно осматривая повреждения.

— Да-а-а, Василиса Андреевна, и здесь умудрилась влипнуть, — бормотала она себе под нос. — Ну что тут у нас с бензобаком?..

Стянув перчатки, она деловито ощупывала место удара.

Я продолжала стоять, словно в столбняке. Василиса?.. Дежа вю какое-то… Что делать? Звонить мужу? Раздались трели мобильного, песенка из «Простоквашино», она раздраженно порылась в сумке, разыскивая телефон. Перчатки упали на снег.

— Да! — рявкнула в трубку. — Петя, мать твою, не вовремя ты! Все хорошо? — через длительную паузу продолжила уже более спокойно: — Да, да, у меня тоже все… — и в голос захохотала: — Все в полнейшем ажуре! Зашибись, Маруся! Так папочке и передай. Все, отбой.

Нажала на кнопку и кинула трубку обратно в сумку.

— Сыночек мой, — пояснила она, обращаясь в этот раз уже ко мне. — Ну что, девица-красавица? Комиссара вызывать будем, давай знакомиться!

Я подошла ближе.

— Вася? — прошептала одними губами.

Она вгляделась в меня и завопила:

— Белка! Вот это да! Белка!!!

И кинулась мне в объятья. Мимо нас по трассе проносились автомобили. Я представила себе эту картинку со стороны: две сумасшедшие бабы обнимаются на фоне двух пострадавших транспортных средств, на заднем плане — елочки.

И тут повалил снег, настоящий рождественский снег. Он мгновенно облепил наши машины, падал за шиворот.

Василиса Скворцова! Они со Светой Черновой были самыми отвязными в нашем девичьем «клубе по интересам». Помню, как недовольно хмурилась Эльга Карловна, когда они, сидя рядом на задней парте, своей болтовней и хихиканьем мешали всем слушать.

Наобнимавшись, Вася набрала номер страховщика, я с интересом прислушивалась к разговору. То-то он обрадуется сейчас — сочельник, смеркается, а ему ехать к черту на кулички к клиентке!

— Леонид Степаныч, здрас-с-те… Да, верно, я это, Скворцова. Так уж получилось — да, да! — не ругайте только, умоляю, Леонид Степаныч, но вышла у меня промашка ужасная… Под поселком Ольгино ожидаю вас, и на вас надежда моя, Леонид Степаныч… Ну, сегодня все же не 31-е — и даже не 1-е января, а уже 6-е… Ну да, Рождество, с Рождеством вас! Жду!

Вася уверила меня, что «все будет в ажуре», что «ерунда, дело житейское» и что ее страховка покроет все расходы на ремонт. В ожидании аварийного комиссара мы сидели в Васиной машине и говорили, говорили, говорили… В моей находиться было невозможно: на заднем сиденье стояли бутылки с алкоголем, и одна — «Джек Дэниэлс» — все-таки разбилась. Кое-как мы выгребли осколки из салона, но запах стоял одуряющий, и мы решили открыть дверь. «Хорошо, что ты не купила красного вина — пришлось бы делать химчистку

салона», — со знанием дела заметила Вася. Вдруг я опомнилась.

— Вась, надо, наверное, позвонить девчонкам, предупредить.

И полезла за телефоном. Но Василиса уже набирала номер на своем мобильном.

— Мэри? Тут засада полная! Мы с Белкой только что, представляешь, «поцеловались»…

Снег постепенно стал переходить в настоящую зимнюю метель, грозящую оставить нас надолго в плену у Деда Мороза. Лобовое стекло залепило, мы сидели и говорили.

Страховщик приехал на удивление быстро — то ли Василиса выгодный клиент (это называется страховка «каско»), то ли машин на дорогах мало, все уже празднуют. Сфотографировав наши бедные машинки и записав что-то в блокнот, он откланялся и умчался, заверив Василису, «что все будет в полном порядке — но после того, как кончатся праздники».

Я села за руль, и мы потихоньку тронулись. Запах немного выветрился. Василиса специально ехала за мной — «если что, ты встаешь, и я беру тебя на буксир», — но до этого не дошло.

Особняк Евы оказался совсем недалеко. Мы выбрались из своих машин и, прихватив свертки и подарки, бросились к дому.

В доме тепло и уютно. Горели свечи, раздавался веселый перезвон бокалов с шампанским, Ева в легком красивом платье выскочила к нам. Мы обнялись так, будто всю жизнь ждали этой встречи и не было тех десяти лет, что нас разделяли.

— Белка! Василиса! — воскликнула Ева. — Как здорово, что вы приехали! Пойдем, мы уже вовсю рассказываем…

Мы прошли в комнату. Девчонки… Они все сидят за рождественским столом. Мэри, Светка Чернова, Танюшка, Надя, Регина… Мы бросаемся друг к другу обнимаемся целуемся. И что-то наперебой рассказываем. Да… Вот оно — настоящее рождественское чудо. То, что мы опять вместе. Мы с Василисой с пониманием переглядываемся. Столько лет прошло, но мы смогли сохранить то, что объединяло нас раньше. И в то же время за эти десять лет мы превратились в успешных молодых женщин, и если бы Эльга Карловна нас видела… Она бы порадовалась.

Ева проверяет видеокамеру — нельзя пропустить ни одного момента нашей встречи. Все истории, что рассказывали девчонки, пока мы с Васей сидели в ее машине в Ольгине, мы сможем послушать потом в записи. А сейчас — бутылка из-под шампанского крутится и…

И пришла моя очередь поведать об осени, столь круто изменившей мою жизнь.

С чего же все началось? Наверное, с того октябрьского утра, когда Антон Тимофеевич вызвал меня к себе в кабинет…

СКАНДАЛ В БЛАГОРОДНОЙ КОМАНДЕ

— Это ваш текст?

Шеф швырнул мне отпечатанный лист бумаги. Выглядело это довольно странно и, мягко говоря, необычно. Во-первых, за те пять лет, что я работаю в передаче «Страна и мы», он впервые обратился ко мне на «вы», а во-вторых, изобразил самую «дешевую» мизансцену из всех придуманных начальством. Директор восседает за дорогим столом из красного дерева, утопая в широком финском кожаном кресле, а напротив него стоит нерадивый работник, то есть я, с блокнотом и ручкой, готовясь записывать его новые распоряжения. О том, чтобы предложить мне сесть, не было и речи. И это совершенно выпадало из привычного русла наших отношений. Обычно, как только я входила, он тотчас вставал и любезно приговаривал: «Присаживайся, присаживайся, дорогуша… Кофеек будешь?» И, зная мою любовь к сладкому, доставал из своих закромов либо коробку дорогих конфет, либо столь же хорошее печенье. Но сегодня все было не так, как всегда. Он сидел с видом грозного судии, а я стояла, точно обвиняемая перед вынесением приговора. И все же… Шеф, несмотря на самоуверенный вид, чувствовал себя явно не в своей тарелке. Он был холоден и неприступен, как китайская стена, и при этом изо всех сил старался не смотреть мне в глаза.

«Ох, не к добру это!» — пронеслось у меня в голове.

Я молча взяла текст и пробежала его глазами. Да, это писала я, когда делала материал по «Восточному альянсу».

— Да, мой, — чистосердечно призналась я. — А что случилось?

— Госпожа Стрелкина, довожу до вашего сведения, что банк «Восточный альянс» подает на нас в суд, из-за того что вы посмели дать непроверенную информацию в эфир.

«Опаньки! Приехали!» — только и подумала я. Вот это да! Такое у меня действительно впервые! Но вслух я сказала совсем другое:

— Как это непроверенную?

— А кто ее вам подписал? — вопросом на вопрос ответил шеф.

— По сути, никто. Вы же помните: материал «горел», его срочно нужно было дать в эфир, и я согласовала все по телефону с пиар-менеджером банка.

— Я не знаю, что она с вами согласовывала, но президент банка господин Громов… — Антон Тимофеевич вышел из-за стола, достал из внутреннего кармана платок и тщательно протер стекла очков, а потом столь же тщательно принялся складывать этот платок, чтобы убрать в тот же карман.

Я смотрела на него так, будто видела в первый раз. Тучный мужчина, которому скоро стукнет полтинник, маленькие глазки бегают за стеклами очков в золотой оправе и не могут сфокусироваться ни на одном предмете, зеленоватого цвета костюм «украшает» аляповатый безвкусный галстук.

«Интересно, кто ему подбирал такую красоту? Жена или любовница?» — совершенно некстати подумала я.

— Так вот… Сегодня утром через своих адвокатов он передал, что информация, прозвучавшая в новостях, не только порочит репутацию банка, но и ставит под сомнение его финансовую состоятельность и может сорвать предстоящую важную сделку.

— Антон Тимофеевич — это чистой воды недоразумение! Дайте мне время до вечера, и я все утрясу. Я не дала в эфир ни единого слова, не согласованного с «Восточным альянсом».

— А комментарии аналитиков? Вы давали банку их читать?

— Нет, — ответила я. — С какой стати? Это мнения независимых экспертов по поводу закрытия филиала на Малой Садовой.

— Какие, к черту, независимые эксперты? — заорал он, внезапно потеряв всякое спокойствие. — Ты что, с дуба рухнула? Тебя зачем в банк послали?! Навести мосты, подготовить почву для спонсорской помощи и сделать полурекламный сюжет! А ты!..

— Я так и сделала! И в тех комментариях ничего оскорбительного для банка не было.

Антон Тимофеевич тяжело вздохнул и сел за стол. Я же по-прежнему стояла, ожидая своей участи.

— К сожалению, госпожа Стрелкина, мы вынуждены с вами расстаться. — медленно произнес шеф. — Программа не может позволить себе работать с непрофессионалами.

Я вздрогнула, будто меня ударили. Мне показалось, что кто-то неведомый со всей силы шарахнул меня чем-то тяжелым по голове и лишил способности соображать и понимать происходящее… Всего неделю назад на общем собрании шеф хвалил меня, называл лучшим журналистом в команде и говорил, что только благодаря моим материалам «Страна и мы» была номинирована на «Тэффи» в категории лучшая информационная программа. А теперь, надо же… При первой опасности он готов избавиться от меня, как от ненужной ветоши. Выбросить на помойку, даже не попытавшись прояснить ситуацию.

Я машинально опустилась в кресло, не дожидаясь разрешения шефа. Села и тупо уставилась в стену. На стене в золотистых рамочках висели фотографии. Шеф и президент. Шеф и Ричард Гир. Шеф и… многие другие известные люди. Половина из них фотографировались с ним после моих интервью. С тем, что по части интервью мне нет равных, соглашались все без исключения, даже те, кто откровенно меня недолюбливал. А уж шеф после каждого такого снимка готов был носить меня на руках.

— Лера, — услышала я блеющий голос шефа. — Твое увольнение — это условие Громова. Он хочет вкатить нам иск в два миллиона у. е.

Мы оба помолчали. Я сидела и изо всех сил старалась «сохранить лицо». Точнее сделать хорошую мину при плохой игре. Он протянул мне чистый лист бумаги.

— Пиши.

Я не отреагировала. Мне казалось, что все происходящее — дурной сон, вот только я никак не могу проснуться.

— Не напишешь по-хорошему, уволю по статье! — «загремел» шеф.

Я лишь усмехнулась и в упор посмотрела на него. Да он до смерти боится! Наверное, уже весь вспотел от страха. Ну да, а вдруг я заартачусь, вдруг вспомню про то, что черным по белому написано в трудовом кодексе. Или пригрожу рассказать о его делишках конкурирующему каналу. Ведь я журналист, и у меня, по мнению многих, вообще нет ничего святого. В принципе и по определению. А уж если журналист — женщина, то она непременно должна быть стервой. Причем первостатейной, иначе в масс-медиа не выжить. До сегодняшнего дня я думала, что весь этот бред — мнение людей, весьма далеких от телевидения, и меня это особо не трогало. Но чтобы начальник, проработавший с тобой пять лет и знающий тебя, как облупленную, так себя повел… Я взяла ручку и стала крутить ее в руке, рассматривая так, будто раньше никогда не видела сей предмет. Потом посмотрела на шефа. Он сидел красный как рак. И мне почему-то стало жаль его. А еще стало очень противно! До тошноты, которая предательски подкатывала к горлу.

— Я напишу заявление, Антон Тимофеевич.

В этот момент, точно по заказу, раздался телефонный звонок.

Шеф, тяжело вздохнув, взял трубку.

— Я слушаю. Ах, это вы, господин Северский. Да, я обдумал ваше предложение. Не могу сказать, что в восторге от него, но, думаю, вы правы. Худой мир лучше доброй ссоры. Да… Опровержение вы услышите в новостях через пятнадцать минут. Что касается вышеупомянутого журналиста, то больше в нашей команде он не работает. Да… И вам того же.

Шеф швырнул трубку на рычаг. И послал мне выразительный взгляд, сопровождающийся не менее выразительным жестом.

— Сама все слышала. Это был адвокат Громова, — сказал шеф и, немного помолчав, добавил: — Вопрос решен. Так что разбежимся с тобой, как в море велосипеды.

— Вы правы, давайте расстанемся друзьями. И будем вспоминать друг о друге с нежностью.

— Перестань паясничать!

— Ну почему же паясничать?

Умом я понимала, что нужно сдержаться и достойно выйти из этого, мягко говоря, неприятного положения. Но, увы, не смогла. Волна злости уже поднималась во мне и рвалась наружу.

— Вы не поверите, но я даже рада, что ухожу отсюда. Давно нужно было это сделать.

Шеф уставился на меня так, будто у меня неожиданно случился приступ белой горячки и я несу несусветную чушь.

— В самом деле, — продолжала я. — Мне надоело, что все эти пять лет мною руководит человек, не знающий, а главное, даже не желающий понять азов журналистики. Человек, который при первой же опасности открещивается от своего подчиненного. Что ж… Каждый народ достоин своего правителя, а каждая программа — своего руководителя. Видимо, «Страна и мы» ничего лучшего не достойна!

Мы смотрели друг на друга в упор, шеф сопел, и я понимала, что он сейчас сделает какой-нибудь ответный ход. Но мне уже было все равно, хотелось только высказаться до конца.

— А еще, Антон Тимофеевич, вы не поверите, но я очень люблю свою работу. И, как говорили в эпоху доисторического материализма, дорожу своим добрым именем и репутацией.

Шеф побелел, раздуваясь, как воздушный шарик, но молчал и только дышал тяжело. Так и хотелось сказать: «Выдохните, Антон Тимофеевич, расслабьтесь — вы получите это заявление». Я взяла чистый лист бумаги, лежащий передо мной, и четким, аккуратным почерком вывела на нем слова, которые он с таким нетерпением ждал. Поставила точку и подвинула к нему вожделенный документ. А потом резко встала и пошла к двери.

— Стрелкина! Ты уволена с сегодняшнего дня, отрабатывать две недели нецелесообразно. — Мой бывший начальник попытался оставить последнее слово за собой.

Я не стала ничего отвечать и молча вышла из кабинета.

Миновав приемную и оказавшись в наших длинных коридорах-катакомбах, я неожиданно остановилась и посмотрела вокруг. Только сейчас до меня с отчетливой ясностью дошло то, что произошло у шефа. У меня уже нет работы! Утром, я была преуспевающим журналистом, обожавшим программу, в которой работала, и искренне любившей дело, которым занималась. А теперь…

Глаза предательски наполнились слезами. Только бы никого не встретить, пока буду добираться к себе в комнату, где теснились четыре стола, и среди них мой, на котором уютно соседствовали кипы бумаг, фотографий и компьютер, отнюдь не последней модели. Компьютер, за которым я столько раз засиживалась допоздна, готовя срочный материал к эфиру. Компьютер, который уже давно стал для меня предметом одушевленным… Как-то раз, после одного интервью, мы с моим приятелем Женей даже придумали ему прозвище — Вася. А все потому, что герой того материала частенько приговаривал: «Поздно, Вася, пить боржоми». Фраза эта выражала целый сонм эмоций и служила нашему герою палочкой-выручалочкой на все случаи жизни. Мы с Женей тогда едва сдерживались, чтобы сохранить серьезные мины лица. А потом эта фраза таки проскочила у меня в тексте, и мы хохотали как ненормальные. И Женька, глядя на компьютер, сказал: «Смотри, Вася, твоей хозяйке, явно пора домой. А то уже слишком поздно… пить боржоми. Пошли, Белка, возьмем пива и срежемся в бильярд». Господи, наши походы с Женей и другими ребятами по всяким уютным местечкам — обычное дело! А теперь… Этого уже может и не быть.

Я шла и думала: «Только бы… что? Только бы поскорей оказаться дома!»

Еле передвигая ноги, я скользила взглядом по стенам, выкрашенным в жуткий зеленый цвет, дешевому линолеуму, местами протертому до дыр, и отчетливо понимала: я больше никогда всего этого не увижу. Будут другие стены, другие интерьеры, но этого коридорчика, такого знакомого и такого родного, уже не будет.

Я шла и мысленно прощалась со всем, что стало мне безумно дорого за эти пять лет. Шла и твердила, как заклинание: «Только бы не расплакаться здесь! Только бы продержаться и не показать им, до чего же мне больно и обидно!» Да, вот оно, точное слово. Именно обидно. И совершенно непонятно, почему банк себя так повел. Ведь только позавчера все было в полном порядке, и с банком мы расстались в наилучших отношениях.

Но тут я подошла к комнате, где сидела наша команда. Из-за полузакрытой двери до меня донеслись обрывки диалога. Я сразу узнала голоса. Резковатый, будто со скрипом, принадлежал нашему главному редактору — Виктору Петровичу. Ему возражал низкий, грудной и весьма сексапильный. Его обладательницей была Аллочка Преображенская, лицо нашего канала и любовница шефа.

— Это просто дикость какая-то! Неслыханно! Уволить талантливую журналистку, даже не разобравшись в ситуации! — гремел Виктор Петрович.

— Да где вы видели этот талант? — томно промурлыкала Преображенская. — Я, например, рада, что она уйдет! Мы, в конце концов, не можем себе позволить работать с непрофессионалами.

— Да бросьте, Аллочка! Вы всегда были к ней несправедливы. Лера — профи с большой буквы! Я не понимаю мотивацию шефа. Но попомните мои слова: он горько пожалеет о своем решении. Такими кадрами не разбрасываются!

— Виктор Петрович, на вашем месте я бы не вмешивалась. У вас у самого рыльце в пушку, вы же пропустили этот злосчастный материал.

Преображенская помолчала, а потом елейно-противным голоском добавила:

— И вообще, скажу вам по секрету, ее увольнение было только вопросом времени.

Это была последняя капля, прорвавшая плотину моей сдержанности. Даром, что ли, я львица по гороскопу. Я уже не могла больше все это терпеть. Мне хотелось рывком открыть дверь и отпустить на волю чувства… Выдать Преображенской по полной программе. Сказать все, что на самом деле о ней думаю, напомнить, каким именно образом она

получила свое место в нашей команде. Я уже приготовилась к «прыжку», чтобы вцепиться во врага, но… Тут я словно услышала голос отца: «Никогда не отвечай хамством на хамство. Учись сдерживаться! Ты же королева зверей, не тушканчик!» И мне стало стыдно, что я хотела опуститься до уровня базарной разборки…

Я остановилась, мысленно сосчитала до десяти и, только после того как успокоилась, открыла дверь и зашла в комнату.

— Добрый день, — сказала я, одарив присутствующих улыбкой «на миллион долларов».

Преображенская ответила пренебрежительным кивком, а Петрович сразу же подошел ко мне.

— Лера…

— Давайте без соболезнований. Никто не умер. Я просто хочу собрать вещи.

Преображенская картинно встала и, окинув меня взглядом с головы до ног, сладко промурлыкала:

— Всего наилучшего, Лерочка.

— И тебе того же, Аллочка, — ответила я, продолжая улыбаться. До боли в лицевых мышцах. Улыбка, казалось, приклеилась к лицу намертво, ощущение омерзительное.

Преображенская томно выплыла за дверь, Петрович стоял и смотрел на меня. А я… Я наконец убрав с лица фальшивую улыбку, подошла к своему столу. Не спеша взяла несколько фотографий, имевших ценность исключительно для меня, и убрала их в сумку. Потом нежно погладила Васю по корпусу, вот, пожалуй, и все. Больше мне здесь делать нечего…

Тут наконец обрел дар речи Виктор Петрович.

— Лера! Я уверен, скоро все разрулится. Это недоразумение. Рано или поздно…

— Поздно, Виктор Петрович. Уже поздно.

— Лера… Мне нужно обязательно поговорить с вами.

Он подошел ко мне и доверчиво, как-то даже по-детски заглянул в глаза. И столько в этих глазах было теплоты и понимания, что меня стало понемногу отпускать.

— Виктор Петрович, мы обо всем поговорим. Но не сейчас. Ладно?

— Конечно. Вы позволите вас проводить? Он взял меня за руку и очень по-доброму улыбнулся:

— Пойдем?

Я едва заметно улыбнулась ему в ответ, и мы вместе вышли в коридор, где все-таки простились. Ему было неловко, он мялся, стараясь сказать мне что-нибудь не совсем банальное, хотя отлично понимал, что сказать тут нечего. А мне… Мне тоже было неловко и хотелось поскорей избавить его от неприятных минут. Поэтому я тепло улыбнулась, чмокнула его в щеку и, помахав рукой, гордо удалилась.

Выйдя на улицу, я окунулась в теплый осенний день, явление редкостное для нашего питерского климата. Ласковый ветерок, резвясь и дурачась, решил растрепать мне волосы. Но сегодня все лишь раздражало меня. И этот ветер, и лица прохожих, и шум машин, пролетавших вдоль набережной, по которой я шла…

Я остановилась. У человека всегда есть как минимум два пути, по которым он может пойти. Нужно только выбрать. Так и я. Наша студия располагалась на набережной Фонтанки, а жила я на Пестеля. Поэтому я могла сесть на маршрутку, а могла идти пешком. Благо недолго, максимум минут двадцать. Но тут мимо меня прошла компания подростков, они чему-то весело смеялись. Смех показался настолько резким и оглушающим, что меня передернуло. Нет, маршрутка явно не для меня. Мне необходима максимальная доза

одиночества, чтобы прийти в себя и разобраться в случившемся. И я поняла, куда мне нужно идти. В Михайловский сад. Там есть старый-престарый дуб, к которому мы приходили еще с отцом.

* * *

— Когда мне плохо, — сказал тогда отец, — или хорошо, я всегда прихожу к нему. Он меня заряжает. Дает силы и защищает.

Два месяца назад умерла мама. В тот день, впервые после ее похорон, мы пошли гулять в Михайловский сад. Отец стоял ко мне спиной, прижавшись к старому, могучему дубу.

— Подойди к нему, Белка.

Отец называл меня Белкой. Помните двух славных собачек, которые много лет назад полетели в космос? Белка и Стрелка. Он мне про них рассказывал. А еще из-за фамилии Стрелкина. Но нельзя же звать девочку Стрелкой, поэтому отец выбрал Белку. К тому же он говорил, что иногда я ему напоминаю веселого любопытного щенка, которого выпустили в жестокое мироздание, огромное, как космос, искать смысл жизнь. Я тогда не очень поняла, что такое мироздание и зачем мне нужно искать этот самый смысл, ведь в жизни есть гораздо более интересные вещи. Например, ходить с ним в тир, или смотреть, как он играет в бильярд. Отец улыбнулся мне и не стал ничего объяснять. Но прозвище это так и осталось, приросло ко мне. И, сколько я помню, отец и близкие друзья всегда называли меня именно так.

Я обожала своего отца. Он был высокий, немного вальяжный и безумно красивый мужчина. Когда он смотрел на меня ярко-зелеными глазами, в которых прыгали чертики, я верила, что никогда не сделаю ничего такого, что могло бы его разочаровать.

— Прижмись к этому дубу, — велел он мне. — Почувствуй его!

Я покорно подошла к дубу и прижалась к нему. И тотчас поняла, о чем говорил отец. По моему телу стало разливаться приятное тепло, словно старый дуб забрал в себя мою боль, оставшуюся во мне после ухода мамы, и стал вливать в маленький организм свою могучую силу.

— Ты просишь у него сил, когда придумываешь свои декорации? — спросила я, отчасти чтобы скрыть истинные чувства, одолевавшие меня.

Я так и не смогла понять, почему, ну почему именно моя мама должна была уйти?! Почему именно у меня теперь не будет никакой мамы — ни хорошей, ни плохой. Наверное, будут другие женщины, ведь вряд ли отец останется один, но все равно это будут заменители. Как заменитель сахара, который раньше пила мама. Это все будет фальшивкой. А настоящее умерло два месяца назад. Отец внимательно посмотрел и ничего не ответил. Наверное, он задумался о своей работе. Отец работал на «Ленфильме» художником-оформителем, он любил дело, которым занимался, и считался в киношной тусовке одним из лучших декораторов. Даже, наверное, не столько лучшим, сколько самым нестандартным, постоянно ищущим новые ходы, новые цветовые решения

— Нет, — ответил он и потрепал сильной рукой меня по волосам. — Не тогда.

— Когда пишешь картины? — не отставала я.

Отец пожал плечами. Он писал в манере импрессионистов. Не модной и не очень востребованной в те годы, но невероятно близкой ему. Я любила сидеть в его мастерской на

Большой Морской и наблюдать, как он работает. В этой маленькой, но очень светлой квартирке были две крохотные комнатки-вагончика. Одна из них и была собственно мастерской, а вторая служила спальней, поскольку отец частенько оставался там ночевать.

…Я стояла у старого дуба и вспоминала своего отца. Иногда, в трудные моменты жизни, очень нелегко бывает ощущать, что на самом деле ты одна на этом свете, а все твои по-настоящему близкие люди покинули тебя, ушли в невероятную даль, без возврата… И только память осталась.

…Помню, прошло уже несколько лет после смерти мамы. Отец работал тогда над портретом какой-то актрисы. Вообще-то он не любил писать портреты, тем более на заказ. Но, видно, это был особенный случай. Я же сидела молча, стараясь вовремя подавать ему нужные кисти.

— Пап, а почему у нее лицо треугольное? И глаза такие большие? Так ведь в жизни не бывает!

— Это картина, а не жизнь. Если человек хочет быть на портрете, как в жизни, ему проще сделать хорошую фотографию.

— В смысле?

— Понимаешь, Белка, картина отражает нутро человека, его сущность. Вот и ты, когда станешь журналистом и будешь брать интервью у разных людей, ты вначале пойми человека, почувствуй, настройся на его «волну» и уж потом приступай к работе.

Я задумчиво посмотрела на отца. Мне было почти пятнадцать. Но уже сейчас мы оба понимали, что писать — это мое. Отец довольно рано заметил во мне склонности к литературным опусам и старался по возможности их развивать.

Отец отошел от мольберта и долго и пристально смотрел на свое творение. Видно было, что он недоволен результатом. Он то ближе подходил к картине, то опять отходил на несколько шагов, и наконец, нахмурившись, сказал:

— Никак не могу «схватить» ее. Уж слишком неуловима.

Я не очень поняла, о чем он говорит. А он повернулся ко мне и как-то очень серьезно посмотрел. По взрослому.

— Запомни, Белка, дело свое нужно делать хорошо, выкладываясь до последнего, или не делать его вовсе. И еще… когда ты говоришь себе: «Я могу сделать это!» и когда говоришь: «Я не могу!» — и в том, и в другом случае ты говоришь правду.

Я согласно кивнула, хотя на самом деле ничего не поняла. Смысл его слов дошел до меня намного позже, когда отца уже не было в живых, а я стала покорять вершину под названием «журналистика» и набивать себе свои собственные, персональные шишки. Я готова была работать сутками, выискивая острые темы, а потом, не жалея времени сидеть за компьютером, тщательно шлифовать и выстраивать материал, сомневаясь в себе и находя новые решения. Ведь так и только так, учил меня отец, приходят мастерство и профессионализм.

…Я прикоснулась губами к резной коре старого дуба, глубоко вздохнула и отняла ладони от шершавой поверхности ствола. Мне действительно стало легче. И теперь можно идти домой, чтобы спокойно сесть и разобраться, что же все-таки произошло…

МЕНЯ ПОДСТАВИЛИ!

Я открыла дверь и переступила порог своей маленькой двухкомнатной квартиры. Переоделась и сразу же отправилась на кухню. Я вообще больше всего люблю кухню. Наверное, еще и потому, что это слово имеет для меня несколько значений. Кухня — это не только место, где готовят еду, кухня еще во многом — изнанка человеческих отношений.

Я побывала в очень и очень многих домах и давно вывела для себя простое правило. Если хочешь по-настоящему узнать хозяев квартиры, не суди о них по гостиной и даже по спальне. Там можно увидеть парадную часть их жизни, так называемый фасад. Нужно отправиться на кухню. Именно здесь все станет ясным и понятным. Живет ли здесь аскет, не придающий большого значения земным радостям, или, наоборот, сибарит, частенько балующий себя различными изысками. Дружна ли семья, обитающая в этой квартире, и часто ли они проводит вместе вечера, чаевничая, под уютным абажуром. Или, напротив, здесь предпочитают фаст-фуд и живут на бегу, точно это не дом, а зал ожидания на вокзале, куда обитатели квартиры заскочили на минутку. Кухня раскроет вам все нюансы отношений.

Хотя… Может быть, я люблю свою кухню еще и потому, что обстановка в комнатах осталась такой, как при жизни отца. Старинная массивная мебель, несколько его работ, сохранившихся у меня, несмотря па жестокое безденежье последних месяцев его жизни. А вот кухня — это уже мое творение. Яркая, стильная и современная. Достаточно вместительная, около пятнадцати метров, она была словно создана для меня. Я выкрасила стены в теплый янтарный цвет и обставила ее стильной итальянской мебелью в красно-бежевых тонах. Посередине кухни стоит большой круглый стол из светлого натурального дерева, а вокруг него — светлые плетеные кресла. В общем, как любая львица, я обожаю солнце, и моя кухня даже в самую пасмурную погоду создает иллюзию, что на дворе ясный, солнечный день. Помимо этого, моя кухня вполне могла бы рассказать гостям, что ее хозяйка в меру любит комфорт и в меру — баловать себя. А еще… что я человек одинокий, но не очень этим одиночеством тягощусь и научилась вполне сносно с ним сосуществовать.

Я сделала ремонт и обустроила все по своему вкусу только благодаря внушительной премии, которую год назад выдал шеф после моего материала о бездомных детях. Та передача имела сумасшедший рейтинг, и шеф был на седьмом небе от счастья. Мне же этот сюжет стоил двух недель без сна и изрядно потрепанных нервов: реальность, с которой я столкнулась сама и которую успешно донесла зрителю, была просто жуткой.

Я прошла на кухню, заварила себе чай и, завернувшись в старый уютный махровый халат, стала прокручивать в голове события, связанные с банком. Итак, с чего же все началось?

Пожалуй, с того момента, когда несколько дней назад я надолго задержалась в монтажной. У меня было срочное интервью с одной актрисой. Когда-то, на рубеже шестидесятых и семидесятых годов, Ксения Измайлова была звездой. Причем настолько яркой, что все мужское население страны откровенно сходило по ней с ума, а женское — столь же откровенно и бездумно ей подражало и, как водится, тихо ненавидело. Но сейчас она ничем не отличалась от стареющих полудив, изводящих окружающих своей стервозностью.

Впрочем, при встрече госпожа Измайлова меня приятно удивила. Она оказалась не просто капризной дамой в возрасте, а умной и саркастичной собеседницей, которая все

понимала с полуслова. Поначалу она нервишки помотала изрядно, но потом мы сработались. Это был тот случай, когда ты почти сразу попадаешь с собеседником на «одну волну».

И теперь мне хотелось как следует отшлифовать этот материал и сделать из него конфетку. Он действительно того стоил. Интервью получилось одновременно жестким и душевным. Но самое главное — оно было нестандартным. И Виктор Петрович прекрасно это понял уже с первых реплик. Оттого он и нещадно торопил меня. Ему хотелось поскорей поставить материал в программу. Не в силах дождаться моего появления в кабинете он несколько раз нетерпеливо заглядывал в нашу «каптерку» и проверял, какими темпами идет работа. Мне стало даже немного смешно. Неужели он не понимает, что я сама хочу закончить все как можно скорее? Но вот знаменательный момент настал, все сделано, и я наконец поставила жирную финальную точку в этой работе. А затем с чувством глубокого внутреннего удовлетворения отдала ему кассету. Он внимательно посмотрел на кассету, потом на меня и многозначительно произнес.

— Лера, ступайте домой. А то ненароком свалитесь прямо здесь. — А потом, видно сжалившись, добавил: — И знаете… приходите завтра к одиннадцати. Постарайтесь выспаться.

— Спасибо, так я и сделаю.

— Вот и чудно.

И он, тихонько что-то насвистывая, вышел из кабинета. Я посмотрела на часы и ужаснулась: начало десятого. Славно же я засиделась! Усталость навалилась плотной волной, и захотелось, закрыв глаза, тотчас оказаться дома. В этот момент открылась дверь, и на пороге возник Женька. Тонкая косичка из русых волос спускалась до середины спины, лысину прикрывала бейсболка, а очки с толстыми и круглыми стеклами придавали ему по-детски незащищенный вид, который многих, кто впервые сталкивался с ним, вводил в заблуждение. Женя был чуть навеселе, выглядел немного уставшим, но добродушно улыбался.

— Белка, коньяк будешь?

Я устала настолько, что хватило сил лишь отрицательно покачать головой.

— А «Хеннесси»?

— А, это другое дело. С какого плеча барская обновка? — удивленно бросила я, собирая сумку.

— С моего. Завтра улетаю в командировку, потому и проставляюсь. Заканчивай свои дела и двигай к нам. К тому же у меня к тебе дело на миллион баксов.

— Украсть или заработать?

— В смысле серьезного разговора, о серьезной компании. Сам хотел этот сюжет сделать, да времени нет из-за командировки. Так чего ж добру пропадать. Лучше отдать в хорошие руки.

Вот так с Жениной подачи мне и достался «Восточный альянс». А точнее, набросок о том, что банк, который сейчас раскручивается со страшной силой, закрывает один из своих филиалов. И, соответственно, вопрос — к чему бы это? То ли у банка плохи дела, то ли ведется новая маркетинговая политика, то ли бизнес-маневр. Сюжет просто идеален для наших деловых новостей. Я хорошенько его обдумала и пошла согласовывать с нашим продюсером.

Выслушав мои соображения по «Восточному альянсу», Антон Тимофеевич радостно потер руки. Оказывается, он уже давно подбирался к банку, чтобы раскрутить его на

посильную спонсорскую помощь. И мой материал должен был стать той ниточкой, которая могла бы привести команду к щедрой кормушке.

— Только смотри, Стрелкина, чтобы не было никаких непоняток. Вывернись наизнанку, но сделай так, чтобы они взвыли от восторга.

Он немного помолчал и добавил.

— Ты их похвали. Пусть это будет полурекламный сюжетец.

— Вы хотите, чтобы я встретилась с президентом банка и взяла у него интервью?

— Вопрос не в том, хочу ли я, чтобы ты с ним встретилась. Вопрос в том, захочет ли он с тобой встречаться. Громов мужик занятой да и…

— Что?

— Понимаешь… В принципе, он человек вполне адекватный, но…

— Есть некоторые особенности психики?

— Вот именно. Мало того что он человек настроения, но еще и очень вспыльчивый. И никто не знает, какая вожжа ему под хвост попадет в тот день, когда ты будешь делать материал. Лучше встретиться с его пиар-менеджером. Она у него на хорошем счету и вообще тетка толковая.

Пиар-менеджера звали Настасья Никитична, и она назначила мне встречу в десять утра. Будильник взвыл в семь, я наспех выпила чашку кофе, а потом открыла платяной шкаф и призадумалась. В чем мне отправиться на столь знаменательную встречу? Выбор одежды, мягко говоря, был невелик.

Во всех гороскопах пишут, что Львицы любят хорошо одеваться и у них врожденный вкус. Они интуитивно чувствуют, что мужчину делают деньги, а женщину — одежда. Поэтому всегда одеты с иголочки — и к месту. Но, видимо, я не типичная львица. Еще когда я ходила к Эльге Карловне на занятия по астрологии вместе с другими девочками, старающимися с помощью звездной науки лучше понять себя и своеобразно устроенные человеческие отношения, я не переставала удивляться многим вещам. Например, тому, как иногда точно соответствовал некий человек своему знаку Зодиака. А еще частенько спорила с Эльгой Карловной, утверждавшей, что львицы интуитивно чувствуют моду и свой стиль. У меня это не получалось. И Светка Чернова, с которой я сошлась наиболее близко, вопреки всем зодиакальным прогнозам, поскольку она была скорпионом и являлась моей противоположностью как знак воды, однажды съязвила, что я перевернутый лев. А потом добавила: «Белка, в тебе бездна обаяния и кошачьей грации, только ты это мастерски скрываешь. Ну нравится тебе играть эдакую серую мышку. Хотя, поверь мне, подруга, придет день, и ты всем покажешь, что значит быть царицей зверей».

Я тогда долго крутилась перед зеркалом, но никакой особой грации не заметила. И вообще должна признаться, со всякими женскими штучками у меня с детства были нелады. Может быть, оттого, что отец всегда хотел сына, а на свет появилась я и меня наперекор природе воспитывали, как мальчика. А может быть, оттого, что мама умерла, когда мне было всего тринадцать, и просто не успела научить меня быть женственной.

Отец же больше учил меня всяким мужским штучкам. Он водил меня в тир, где из десяти очков я старалась выбить все десять, и если получалось, то, забрав приз, я с гордо поднятой головой шла с отцом в какую-нибудь кафешку отмечать наши спортивные достижения. Когда же я немного повзрослела, отец привил мне любовь к бильярду, в который сам играл мастерски. И я научилась вполне сносно играть, периодически обставляя Женьку и других ребят со студии.

Но вот одеваться, кокетничать, быть эдакой кошечкой отец меня не научил хотя бы потому, что был мужчиной и сам не очень-то разбирался в женских уловках. Впрочем, выбранная мною профессия корреспондента тоже не предполагала особых изысков в одежде. Когда ты в любую погоду делаешь репортажи, главное требование к туалетам — комфортность. В жару тебе должно быть относительно прохладно, а зимой… главное не окочуриться от холода и внятно донести мысль до аудитории. Хотя… Несмотря на мое глобальное равнодушие к одежде, одна страсть у меня все-таки была. Это хорошая обувь. Что продиктовано было опять же не женским кокетством, а исключительно здравым смыслом. Ведь добротная, из хорошей кожи обувь — это и комфорт, и возможность много часов находиться на ногах, а главное — здоровье. Поэтому на этот предмет туалета мне никогда не было жалко денег, я старалась отдавать предпочтение ботинкам и туфлям на низком каблуке, произведенным в Германии или Австрии. О, конечно, я вовсе не походила на Керри Бредшоу из любимого многими сериала, но все же… Выставка кроссовок и ботинок у меня в прихожей была достаточно внушительная.

Я подошла к зеркалу и придирчиво посмотрела на себя. Не могу сказать, что мне понравилось то, что там я увидела. Из зеркала на меня смотрела девушка среднего роста, чья фигура была далека от модных стандартов. Хотя бы потому, что ноги были толстоваты, да и вообще имелось в наличии несколько лишних килограммов, что, на мой взгляд, сразу же бросалось в глаза окружающим. Темные волосы нуждались в хорошем парикмахере, но из-за вечной нехватки времени я никак не могла до него дойти. И поэтому мои изначально коротко стриженные волосы уже успели прилично отрасти и не слишком хорошо держали форму. Лицо, как и у многих по утрам, тоже ничем особенным не радовало. Кожа не потрясала свежестью и персиковым цветом. Большие, светло-серые глаза, которые, когда я злилась, становились почти темно-карими, глаза, которыми отец так часто восхищался и предрекал им «большое будущее» по части разбивания мужских сердец, сегодня, увы, были какими-то грустными. И хотя обычно я не слишком переживала из-за своего внешнего вида, сегодня был совсем другой случай — сегодня я представляла лицо программы. И, следовательно, это лицо должно было соответственно выглядеть. Что ж… Нужно исходить из того, что есть, и попытаться придать себе как можно более эффектный вид.

Итак, я открыла дверцы шкафа и принялась просматривать свой нехитрый гардероб. И никак не могла сообразить, что же все-таки выбрать. В любимых джинсах идти в банк неприлично, свитер и юбка выглядели на мне так, будто я являла во плоти образ старой девы из английского романа. А мой единственный деловой костюм… Последний раз я надевала его, когда получала диплом в институте. Это было пять лет назад. Конечно, нельзя сказать, что он безнадежно устарел. Хотя бы потому, что никогда и не был на вершине моды. Он был выбран исходя сугубо из принципов практичности — серенький, немаркий и не бросающийся в глаза. Такой костюмчик можно было носить лет двадцать, и все это время он служил бы верой и правдой своей хозяйке, пока под гнетом прожитых лет у нее не деформировалась бы фигура.

Я надела костюм и посмотрела на себя в зеркало. Если во мне и были какие-то задатки женственности, то строгий пиджак ловко скрыл их от посторонних глаз. А юбка только подчеркнула, что ноги и бедра у меня далеки от стандартов, воспетых женскими журналами.

Нет, я себе в этом костюме определенно не нравилась, и сидел он на мне ужасно. А может быть, я настолько привыкла к джинсам, что уже не могу воспринимать на себе ничего другого? Ну, хватит. Времени на психоанализ нет, еще не хватало опоздать на встречу. И я,

прекратив комплексовать по поводу одежды, вылетела на улицу.

Могу сказать сразу, что банк мне понравился. Ничего вычурного, ничего кричащего. Попав в святая святых финансового монстра, вас сразу охватывало чувство, что здесь все надежно и стабильно. Я не успела прождать и пяти минут, как вышла Настасья Никитична. Это была мужеподобная женщина лет сорока пяти, одетая в дорогой, но безвкусный костюм. Украшал ее солидный гарнитур из сапфиров и бриллиантов, оправленных в золото, но выглядел он на ней немногим лучше бижутерии. Модная стрижка тоже не исправляла общего впечатления. Глядя на нее, я подумала, что, если я не займусь своей внешностью, то лет через двадцать в лучшем случае буду выглядеть именно так.

Но все изменилось, как только Настасья Никитична улыбнулась.

— Пойдемте ко мне и спокойно обо всем поговорим, — сказала она.

И я сразу, по этой первой фразе, почему-то поняла, что мы сработаемся. И действительно, едва переступив порог ее кабинета, мы сразу приступили к делу. Настасья оказалась профи, хорошо знающим нашу журналистскую братию. Мы неплохо понимали друг друга, и потому работалось легко.

На следующий день я ей позвонила и прочитала текст, где содержалась информация о достижениях банка, небольшой сравнительный анализ текущего года и предыдущего и упоминалось о закрытии филиала. Она все одобрила, вставив в материал небольшие поправки. Потом я сдала сюжет в эфир и благополучно забыла о нем. Даже не удосужилась посмотреть, как его будет озвучивать наша звезда — Преображенская.

А через два дня «Восточный альянс» взвыл. Только не от восторга, а от бешенства. И я оказалась без работы. Вот такая совершенно непонятная история.

Вывод напрашивался вполне однозначный. Меня подставили. Вот только кто? Кому это было нужно? В принципе, в этой ситуации есть два варианта. Первый — сам «Восточный альянс». Но зачем? Ответа на этот вопрос у меня не было, и я отбросила версию о банке. Во всяком случае, пока. Второй вариант — меня подставили в своей же команде. Значит, нужно искать того, кто хочет занять мое место. Либо того, кто хочет поставить на мое место своего человека.

А вот здесь уже есть зацепки. Поскольку есть человек, который меня на дух не выносит и который… Я чуть не поперхнулась чаем, который прихлебывала в процессе размышления. Который и озвучивал текст! А значит, мог сместить акценты, слегка исказить содержание и выдать вообще совсем не то, что я написала.

И этот человек — наша звезда Преображенская. Наша взаимная женская неприязнь началась почти сразу, как только Алла впервые переступила порог студии. Но бурным цветом расцвела в последний год. Хотя… все это объясняло личные неурядицы, а вот на мотив для подставы не тянуло. Нет, должно было быть что-то еще, что-то, о чем я пока даже не догадывалась. Может быть, у Аллы появился свой протеже? Человек, которого она хочет пропихнуть любым способом на телевидение? Но тут мои мысли прервал звонок в дверь.

«Кого это еще принесло?» — раздраженно подумала я и пошла открывать дверь.

РАЗБИТЫЕ МЕЧТЫ

На пороге стоял Максим и с гордым видом держал шикарный букет из темно-красных роз. Я от неожиданности слегка обалдела. Он же вручил букет, молча сгреб меня в охапку и поцеловал. Потом немного отстранился и нежно провел рукой по лицу.

— Привет! Напоишь чаем бедного художника?

Я могла лишь улыбаться и согласно кивать головой, словно заведенный китайский болванчик. Максим прошел в коридор, снял куртку и двинулся на кухню. Я поплелась следом, не в силах справиться с вихрем чувств, настигавшим меня всякий раз, когда я его видела. Макс хозяйничал, как человек, который может ориентироваться в этом пространстве уже с закрытыми глазами. Он достал вазу, вынул у меня из рук цветы, водрузил их в наполненную водой емкость и включил чайник. Сел на угловой диванчик и, пародируя какого-то артиста, стал нараспев читать…

Передо мной стоят
Четыре простые чашки.
Смотрю на цветы один.

Макс цитировал японского поэта Басе. Японская поэзия, как и японский фарфор — две мои большие слабости. Коллекция неплохого фарфора мне досталась еще от отца. Он однажды побывал в Стране Восходящего Солнца, и с тех пор стал увлекаться их поэтами и посудой. Я бы не сказала, что он проникся духом и традициями этой, в сущности, почти незнакомой нам страны. Отец был русофил до кончиков ногтей. Но ему казалось, что фарфор и поэзия придают его облику особый шарм, как шейный платок и старинный перстень со змеей, который он никогда не снимал. А вскоре и я пристрастилась к его новым увлечениям, особенно к хайку. Макс отлично это знал.

Он подошел ко мне, обнял и тотчас, без всяких вступлений, принялся страстно целовать. И вскоре все происшедшее на работе показалось мне мелким и незначительным. Я чувствовала, как приятная теплая волна обволакивает мое тело, как я вся целиком отдаюсь его ласкам. Но неожиданно он остановился.

— Я соскучился по тебе, Белка, — полушепотом произнес Макс. — Однако чайник сейчас взорвется…

— Я тоже. — И, немного помолчав, добавила. — Очень, очень. Хорошо, что ты пришел.

Взгляд Макса стал очень пристальным и внимательным. Цепким взглядом художника он ухватил и осунувшееся лицо, и заметно проявившиеся круги под глазами.

— У тебя неприятности?

— Неприятности — это когда колготки некстати рвутся. У меня дела покруче.

— А кому сейчас легко? — перебил он меня. — Я тоже сижу в полном дерьме. Но… ты мне все расскажешь, и я буду тебя успокаивать.

Он погладил меня по волосам, точно я была маленьким ребенком. А я и правда чувствовала себя пятилетней девочкой, которая еще пять минут назад была до смерти напугана, а теперь пришел взрослый, сильный дядя, погладил по головке и сказал, что отныне у нее все будет хорошо. А может быть, наконец-то у них все будет хорошо. И девочка

успокоилась. Я невольно усмехнулась. Эта зарисовка почти верна, исключение составляет лишь один момент. Макс мне ничего не говорил и… ничего не обещал. Более того, он несколько раз довольно твердо давал понять, что связывать себя какими-то серьезными обязательствами он не намерен. И я должна была с этим смириться. Или не смириться. Это уже на мое усмотрение.

…Я смотрела, как он разливает чай. Высокий, красивый и до умопомрачения сексапильный, Макс мог вполне рекламировать мужской одеколон. Внешность у него была более чем подходящая, а уж обаяния… Этого добра хоть отбавляй. Одна улыбка чего стоила. Именно она и сразила меня два года назад, когда я пришла на выставку, посвященную памяти отца, без которого к тому моменту жила уже пять лет.

В небольшом зале Дома журналистов горели прожектора, было много журналистов и телевизионщиков. Люди, которые хорошо знали отца, говорили подобающие случаю слова. О том, какой талант потеряла наша страна, о том, какой широкой, светлой души был человек, ушедший от нас. Я стояла в черном платье, стараясь сохранить на лице подобающее выражение. Дело в том, что ни я, ни отец терпеть не могли официальных собраний с их почти всегда фальшивыми речами. В этот момент ко мне подошел красивый молодой человек.

— Я Максим Шацкий.

— Очень приятно, — ответила я.

— Я хорошо знал вашего отца и преклоняюсь перед его талантом.

Я улыбнулась ему. Он улыбнулся в ответ, слегка наклонив голову, и я вдруг увидела, как в его ярко-зеленых глазах запрыгали чертики. А сама улыбка была точь-в-точь как у отца. И я почувствовала, как сердце ухнуло куда-то вниз. Окружающие меня предметы растворились и стали ирреальными. Все как-то потускнело и отдалилось, кроме лица мужчины рядом со мной и его улыбки.

— Мы с ним довольно часто общались, — тем временем продолжал Максим. — Я даже считаю его в какой-то степени своим учителем.

— Он был открытым человеком и охотно делился тем, что знал сам, — услышала я свой голос.

— Простите, а вы тоже?.. — Максим не закончил фразу, но я отлично поняла, что он хотел спросить.

— Нет, Бог миловал. Я журналист. Конечно, я рисую, но именно рисую. Исключительно для себя.

— Понятно, — кивнул Максим и вновь улыбнулся. — Хуже нет доли, чем быть ребенком известного человека и пойти по его стопам.

— Вот именно.

В этот момент, я увидела высокого и очень полного человека, который направлялся ко мне. Это был Карпыч, старый друг отца. Карпыч небрежно кивнул Максиму и хозяйским жестом взял меня под руку.

— Белка, идем, мне нужно с тобой поговорить.

«Надо же, как не вовремя», — подумала я и посмотрела на Максима. Он стоял, не сводя глаз с меня и Карпыча, и едва заметно улыбался.

— Извините, — я набралась храбрости снова посмотреть в зеленые глаза.

— Ничего, — ответил он. И нерешительно добавил: — Я надеюсь, что мы еще встретимся?

Я ласково кивнула и ушла с Карпычем. Как я и предполагала, ни о чем важном речь не шла. Карпыч посвятил меня в некоторые подробности предстоящего издания книги об отце. Точнее, воспоминаний тех, кто его хорошо знал. Я внимательно его выслушала, сказала, что мне все нравится, и поспешила вернуться к Максиму. Но его уже не было.

Да… Его самого уже на выставке не было… Зато весь вечер его лицо, его улыбка стояли перед моими глазами. И я решила сыграть с собой в одну игру. Я позволю себе сегодня мечтать об этом мужчине столько, сколько моей душе будет угодно. А вот завтра… Завтра я стану умненькой и благоразумненькой и не буду думать о несбыточном.

Но назавтра в десять часов утра раздался телефонный звонок. И, к своему удивлению, я, услышала голос Макса.

— Лера, это Максим. Прошу прощения, за столь ранний звонок. Я вас не разбудил?

— Нет, все нормально. Я рано встаю.

— Просто я подумал… Может быть, у вас еще нет планов на сегодня?

Я засмеялась. Планы… Это почти, как в детском мультике: «Есть ли у вас план, мистер Фикс?» — «О! У меня множество планов!» Так и у меня. Множество планов. По воскресеньям я убираю свою небольшую квартиру, занимаюсь всякими домашними делами, а потом сажусь за компьютер и стараюсь поработать, создать задел на следующую неделю.

Правда, бывают исключения из этого правила, которые только подтверждают его. Иногда по выходным я встречаюсь с приятельницей, и мы с ней идем в недорогую кофейню, чтобы выпить по чашке кофе с пирожным. А иногда с ребятами со студии отправляемся бильярдную, чтобы сразиться в нескольких партиях и пропустить по кружечке пива. Но все эти встречи бывают совсем не часто. И именно это воскресенье должно было пройти по плану. Уборка, стирка, готовка. Я молчала и не знала, сразу ли мне сказать о том, что никаких планов у меня нет, или выждать паузу. Максим заговорил первым.

— Но, может быть… у вас вечером найдется время?

— Может быть, — ответила я.

— Мы могли бы сходить куда-нибудь…

И опять молчание, которое он опять прервал первым.

— Вы любите японскую кухню?

— Люблю.

— Тогда давайте встретимся в семь.

— Хорошо, договорились.

И мы встретились. И продолжаем встречаться по сей день. Но чего я не могу понять до сих пор, так это почему Макс запал на девушку с такой заурядной внешностью. Впрочем, Макс художник. А с художниками никогда не угадаешь, какой типаж им понравится.

— Так что у тебя случилось? — прервал он мои мысли.

— Да так… Ничего особенного.

Макс выжидательно смотрел на меня, потом пожал плечами.

— Не хочешь, не говори.

— А почему ты пришел? Ведь сегодня не наш день.

Мы встречались строго два раза в неделю, по четко установленным не только дням, но и часам. И такое отступление от правил было, мягко говоря, неожиданным.

— Почувствовал, что именно сегодня я буду тебе особенно нужен.

У меня помимо воли глаза наполнились слезами. Все-таки он меня любит!

— Ты прелесть, я тебя просто обожаю, — произнесла я, а потом добавила: — У тебя все в порядке?

Макс пожал плечами и с грустью стал рассматривать узор чашки. Я слишком хорошо знала этот взгляд, чтобы не понять, что я снова должна выступить в роли «скорой помощи».

— Белка, мне нужна твоя помощь.

Ну вот… Не сосчитать, сколько раз я слышала эту фразу. И каждый раз это касалось профессиональных проблем Макса. Дело в том, что Максим очень стремился попасть в элиту наших художников. Он очень старался, но видно, одного старания было недостаточно. Его картины, хоть и были самобытными, но большой популярностью не пользовались. Жил он в основном на случайные заработки, да и я ему кое-что подбрасывала. Но куда более значимая помощь от меня была в профессиональном смысле. Я была своей в том мире, куда так стремился попасть Макс. До сих пор слишком многие помнили моего отца и с уважением относились к моей персоне. Поэтому я помогала Максу участвовать в престижных выставках и уделяла его работам повышенное внимание, если выставку снимала наша программа.

В общем, я, как могла, способствовала его карьере и довольно неплохо продвинула Макса. Хотя временами и приходилось выслушивать, что ничего особенного собой мой протеже не представляет.

— Белка, — прервал мои мысли Макс, — через два месяца выставка в Манеже.

— И что?

— Для меня очень важно там участвовать.

Если бы он это сказал хотя бы вчера, я бы сразу стала думать, как его туда протащить. Но сегодня у меня просто не было сил.

— Почему? — спросила я.

Макс посмотрел на меня так, будто я страдала крайней степенью кретинизма. А я продолжала не спеша отхлебывать чай. Потом встала и со вздохом поставила на стол коробку конфет, которую сама же от себя спрятала. Макс невольно улыбнулся. В очередной раз моя борьба с любовью к сладкому потерпела фиаско.

— Белка, не строй из себя идиотку. Все ты прекрасно понимаешь. Выставка международная. Холст и масло. Там будет очень жесткий отбор, и выставляться будут лучшие из лучших молодых авторов… А потом их работы отправятся в Париж, где пройдет второй тур. Тебе ведь не нужно объяснять, что это верная ступенька к международному признанию.

Я продолжала сидеть молча и чуть насмешливо поглядывала на него. А потом, не удержавшись-таки, взяла конфету. Это были мои любимые, с фундуком. Нет, все-таки тому, кто придумал шоколад, благодарное человечество должно поставить памятник. Но тут я столкнулась с настороженным взглядом Макса. Он внимательно наблюдал за мной. Затем встал, подошел и нежно обнял.

— Лера… Мне вкрай нужно на эту выставку.

Зеленые загадочные глаза… И снова он чем-то неуловимым напомнил отца. Нет, это не Макс пристально вглядывался в мое лицо, на меня смотрели глаза отца. Но вот Макс улыбнулся, и в его улыбке промелькнуло что-то хищное, никак не свойственное папе. И наваждение рассеялось. Передо мной стоял только Макс. Он провел рукой по моим волосам, а затем стал покрывать мое лицо нежными и легкими поцелуями. Я никогда раньше не могла устоять против этого. Но сегодня, кажется, был особый день. Эти ласки меня

совершенно не возбуждали. Я слегка отстранилась и посмотрела на Макса так, будто увидела его впервые. Красивое лицо и выражение нетерпения. Интересно, отчего? От желания поскорей заняться со мной сексом? Или от нетерпения услышать, что я сделаю все, что в моих силах?

— Макс, а чем, собственно, я могу тебе помочь?

Меня удивила столь быстрая смена выражения его лица. Теперь это были недоумение и раздражение.

— Валери…

О, как давно он меня так не называл. Почти сразу Макс стал звать меня так же, как и большинство друзей, — Белка, а в особо торжественных случаях — Лера.

— Что? — спросила я.

— Тебе стоит сделать только один звонок.

— Кому?

— Понимаешь, какая история…

Он взял мои руки в свои и стал нежно их целовать.

— Я могу попасть туда только как член Союза художников.

— Ты спятил! Каким образом ты собираешься попасть в Союз?

— С твоей помощью, моя дорогая. Ты прекрасно знаешь Михаила Карповича. И он вряд ли тебе откажет в малюсенькой, малюсенькой просьбе. И дело в шляпе.

— Ты так считаешь?

— Ну, Лера! Ну что ты сегодня, как мегера! Что тебе стоит помочь бедненькому Максику? Ты же на самом деле хорошая девочка.

Я разглядывала Макса. Он пребывал в недоумении. И, видимо, решил прибегнуть к самому железному аргументу, безотказно действующему в любых случаях. Он снова стал меня целовать. Но мне этого уже не хотелось, и я отодвинулась.

— Белка! Что ты, в самом деле! Ты же знаешь, без крепкой волосатой руки туда не пробиться! И потом, не боги горшки обжигают. Вот и твой отец достиг своих высот, хотя… Не обижайся, но художник он был так себе.

Я вывернулась из его объятий.

— Не тебе судить, каким он был художником!

— Надо же! Задели святое! А где был бы твой папочка, если бы не Карпыч?! Все знают, что Карпыч его продвигал, потому что они еще с «Мухи» дружили!

Я резко поднялась. Видимо, настолько резко, что Макс не удержался и скатился на пол. Я смотрела на него сверху вниз и едва сдерживала нахлынувшую ярость. Но тут я увидела, нет, скорее, почувствовала каким-то седьмым чувством, насколько он жалок и… я просто купилась на его смазливую внешность!

— Макс… Ты весьма средний художник. И тебе даже рядом не стоять с отцом. Если бы не мои связи, о тебе вообще бы никто не знал.

— Слушай, что ты строишь из себя обиженную добродетель? Любые отношения — это сделка!

— Ты о чем?

— Ни о чем… а может, о нашей высокой любви?

Он знал мои болевые точки и бил без промаха, точно рассчитанным ударом. Я хотела ответить, но остановилась. Все верно и названо своими именами. Именно сейчас я отчетливо поняла, почему он столько времени со мной встречался. Я была для него той

движущей силой, которая могла помочь ему покорить вершины Олимпа. Мой горячо любимый друг оказался банальным альфонсом. И только такая идиотка, как я, могла несколько лет смотреть на него через розовые очки и не замечать очевидных вещей.

Но тут Макс понял, что хватил лишку, и решил все уладить миром, пока еще есть такая возможность.

— Ты сегодня не в духе. У тебя неприятности… Но я же ни при чем? Что ты на мне срываешься?

— Не трать времени зря. Звонить Михаилу Карповичу я не буду!

Наши взгляды столкнулись. Злость, обида, непонимание — еще немного, и искры полетят!

— С чего ты взъерепенилась?! Что ты о себе возомнила?! Ты!..

— Ну, договаривай… Что я?! Ну что?!

— Да пошла ты!

Он резко развернулся и пошел к дверям. Я стояла и молча смотрела, как уходит мужчина, который еще вчера был самым главным человеком в моей жизни.

— Макс, — с трудом проговорила я, — ты со мной встречался только из-за отца? Точнее, из-за его связей?

Он зло повернулся ко мне. Его взгляд был точной копией того, которым хотел меня пронзить Антон Тимофеевич.

— А ты сама отгадай. С трех раз.

Макс открыл дверь и с грохотом захлопнул ее за собой. У меня зазвенело в голове и показалось, что нечто тяжелое разорвалось внутри. Боль была физической, и я стала медленно оседать на пол. Видно, мой отнюдь не нежный организм не выдержал двух ударов, нанесенных с одинаковой силой.

ПОЛУНОЧНЫЙ ВИЗИТ

…Я из последних сил бежала по бесконечно длинной аллее под проливным дождем. Меня трясло от безотчетного ужаса, охватившего весь мой организм, и доводящего меня чуть ли не до ступора. Вымокшая до нитки, с единственной мыслью добраться до какого-нибудь жилья, я собрала волю «в кулак» и продолжала бежать под холодными хлесткими каплями, бьющими в лицо. И вот, когда я почти отчаялась, передо мной возник ДОМ. Он был сказочно красив. Построенный в старинном стиле, с колоннами и башенками. Я сделала последнее усилие и рванула к нему. Вот уже дверь, на которой виднелась старинная ручка в виде львиной головы, а рядом висел шнурок. Я остановилась, взялась за шнурок и дернула. Еще секунда, и раздастся звонок. В окне второго этажа отодвинулась штора. И я увидела мужское лицо. Увидела смутно неясные, размытые дождем очертания… А потом действительно раздался звонок, который почему превратился в крохотные молоточки, безжалостно стучащие мне в виски. Их звук становился все противнее.

«Да это же будильник» — пронеслось у меня в голове. Я протянула руку и машинально хлопнула его по кнопке, чтобы он наконец замолчал. Однако звук не пропал, и тогда я поняла, что это не может быть будильник. Я ведь больше не работаю и, следовательно, уже никуда не спешу. Сон слетел с меня, будто его и не было. А звук молоточков остался. Я села на кровати, посмотрела на часы. Второй час ночи. И только тогда сообразила, что звонят в дверь. Набросив халат, я поплелась в коридор.

«Кто бы там ни был, убью на месте. Или сразу же вызову милицию. Придурки!». Но тут звонок смолк, и в дверь стали нещадно колотить, а вскоре раздался голос, который я не могла не узнать. Орал Женька.

— Белка, открой! Мы знаем, что ты дома!

«Ого! Мы! Интересно, с кем это Женька заявился в такую пору!» Я открыла дверь и увидела на пороге Женю и Петровича. Они стояли, чуть раскачиваясь. В одной руке Женя держал наполовину пустую бутылку водки, а в другой — полудохлую гвоздику. Петрович же с гордостью демонстрировал большой торт в слегка примятой коробке, обвязанной розовой ленточкой.

— Лера, — оправдываясь сказал Петрович, — мы звонили. Телефон не отвечал.

— Мобила тоже, — вставил Женя.

— И мы… — продолжал Петрович. — Мы волновались.

— Да заходите же! — прошипела я. — А то весь дом перебудите.

Я втащила их в квартиру. Пока Петрович избавлялся от куртки, Женька прямиком пошел на кухню.

— Лер… Я тут о многом думал…

Он поставил бутылку на стол и как-то жалобно на меня посмотрел. Ох, только бы не стал меня утешать, а то я могу буквально взорваться от его жалости и разразиться Ниагарским водопадом слез.

— Жень, вы есть хотите? — спросила я, чтобы предотвратить поток его сожалений по поводу бедственного положения моей персоны.

— А что, здравая мысль. В час ночи в самый раз, — весело подмигнул мне Женя. — Вообще-то из закуси у нас была одна шоколадка на двоих. Торт Петрович, как истинный джентльмен, сберег для тебя. А есть хочется до жути. Того и гляди, рухну прямо на пол.

Посереди твоей возлюбленной кухни.

— Так давай, шустри, знаешь ведь, где что лежит, — сказала я и ободряюще кивнула в сторону холодильника.

…Женя крутился юлой, доставая из холодильника сыр и колбасу. Я же резала хлеб и изо всех сил старалась сдерживать нахлынувшие на меня чувства. Все-таки хорошие они ребята. Пришли утешить. Мне стало до чертиков приятно, и моя омерзительная зеленая тоска постепенно начала отступать, освобождая место для совсем иных чувств. В этот момент вошел Петрович.

— Лера, я тут торт купил… Пражский, как вы любите.

— Да, — подхватил Женя, — ты не сердись, что мы так беспардонно к тебе завалились. Мы правда весь вечер пытались дозвониться. Знаешь, Белка, у нас, конечно, везде маразма хватает. Но чтоб такое… Даже в голове не укладывается. Я как представил, что ты тут одна сидишь… Вдруг тебе слова доброго некому сказать или, на худой конец, за хлебом сбегать…

И тут я опустилась на стул, закрыла лицо руками и, напрочь отбросив свою интеллигентность и гордость, в голос, по-бабьи зарыдала.

— Лер…

Женька подошел ко мне и стал гладить по голове.

— Я информацию нарыл. Как приехал и обо всем узнал, сразу копать стал.

— И что?

— Раскопал. Это хренова звезда тебя подставила, Преображенская наша! Ей было нужно твое место. Знаешь, зачем? А очень просто! Взяли недавно одного мальчика, который на твое место метит. Молоденького-молоденького, глупенького-глупенького! Зато с большой и волосатой лапой. Папа у него генеральный продюсер ТРТ. И, как проговорился шеф, хороший стратег может пожертвовать конем, чтобы подстраховать ферзя. Но ты, Лерка, не дрейфь, я сделал копию с кассеты Преображенской. Она быстренько ее стерла, думала, никто ничего не узнает. Но я все-таки успел. И теперь ты ее можешь засудить. Или даже их. Я, конечно, утверждать не берусь, но не решилась бы Аллочка на это без ведома шефа.

У меня начался очередной приступ рыданий. Женька на секунду замолчал, а Петрович сел на корточки передо мной и протянул свой измятый носовой платок. У меня, точно у заправской героини мелодрамы, в самые душераздирающие минуты не оказалось под рукой платка. Я с благодарностью на него посмотрела и тотчас уткнулась в этот платок.

— Я и доказать это могу, — продолжал Женя.

— Не нужно… — всхлипнув, протянула я.

— Что не нужно? — спросил Петрович.

— Ничего не нужно. Никаких доказательств.

— Это ты брось! Тоже мне христианское милосердие! Непротивление злу! Таких нужно не наказывать! Их нужно… — разошелся Женя.

— …в детстве убивать, из рогатки — подсказала я и, глядя на Женю, невольно улыбнулась.

— Лера, я чай заварил — подал голос Петрович. — Зеленый.

— На вот, бутер держи, а то наверняка ничего с утра не ела. — Женя одной рукой протянул мне бутерброд с сыром и колбасой, а другой хозяйским жестом принялся разливать водку по стопкам.

Мы, точно по команде, чокнулись.

И в голове у меня пронеслось: «Бог ты мой, я ведь вообще водку не пью. Коньяк иногда,

изредка пиво, чуть-чуть вино…»

— Давай за нас! За хороших людей. Мало нас осталось. А чай после выпьем, с тортиком.

Мы выпили, и приятное тепло стало разливаться по всему телу. Я прикрыла глаза и неожиданно почувствовала себя очень хорошо. Наверное, впервые за это время. Из блаженного состояния меня вывел Женькин голос.

— Лерка, а насчет восстановления подумай. Я простить себе не могу, что дал тебе наводку, на тот чертов банк.

— Спасибо, Женька, но в программу я не вернусь. Пусть они сами играют в свои игры. Ты же понимаешь, что если тебя сдали один раз, то это непременно повторится еще раз.

Мы замолчали.

Петрович взял сигарету и закурил. Он курил очень сосредоточенно, будто обдумывая нечто очень важное.

— Лера… Я должен повиниться перед вами. Я… после того, что случилось, должен был подать заявление об уходе. В конце концов, я редактор, я пропустил ваш материал и обязан был разделить с вами…

Я почти с нежностью посмотрела на Петровича. Недавно ему стукнуло пятьдесят пять. Но он выглядел намного старше. Бесцветные волосы не скрывали тусклых залысин. Худая, практически высохшая фигура. Мы еще подтрунивали по этому поводу с Женей, что это его так высушила семейная жизнь. И действительно, жена у него давно оставила работу и ему приходилось вкалывать, как папе Карло, чтобы достойно содержать семью. Трое детей — не шутка. Денег требовалось все больше и больше. Дочери уже были почти взрослыми. Одна из них в этом году заканчивала школу, и Петровичу предстоял кошмар наяву под названием: «Какой вуз выбрать и, главное, как в него поступить». Да уж… И мог ли человек, отягощенный таким семейным положением, даже подумать о рыцарском поступке? Конечно, нет. Уж какой из него рыцарь. Но все же я была благодарна ему за порыв. И нисколько не сомневалась, что сказано все было от чистого сердца.

— Да бросьте, Петрович, — сказала я ему, — какое увольнение. Господь с вами. И вообще… — я задумалась, а потом продолжила: — Отец всегда говорил, что все, что ни делается, — к лучшему…

— А мой батя, — тотчас вступил Женя, — говорил иначе: только почему все это лучшее — не для меня?!

Мы рассмеялись. И мне стало легко, будто свалилась тяжелая гранитная плита, которая точно приросла к плечам за это время.

— Мальчики, мы торт есть будем, или как?

— Будем, будем, — откликнулся Петрович и стал резать торт.

Женька же отвел меня в сторону.

— Белка, если ты не вернешься в программу, я буду чувствовать себя последним…

— Т-с-с, — перебила я, и приложила палец к губам. — Не наговаривай на себя и не ляпни чего-нибудь, чтобы нам обоим не стало неловко.

Женя задумчиво посмотрел на меня. По-моему, мы оба одновременно вспомнили недолгий романчик, который промелькнул между нами. Это произошло почти сразу, как я пришла в программу. Совсем зеленая, не знающая толком, с какой стороны подойти к журналистике. Дело в том, что в институте учили очень многому, но почему-то не тому, что нужно на самом деле. Как ни банально это звучит, но в жизни все выходило по-другому. А

мне нужна была эта работа. Во-первых, чтобы доказать самой себе, что я действительно нашла свое место. А во-вторых… чтобы заработать денег. Нам с отцом они были необходимы. Приходилось не только как-то сводить концы с концами, но еще нужно было умудриться отложить немного на его похороны. К тому моменту я уже отчетливо понимала, что болезнь прогрессирует и отец медленно, но верно идет к своему финалу. Вот тогда Женя и Петрович и взяли меня под свою опеку. Они стали теми, кого впоследствии с неизменной теплотой называют: «мои учителя». И я, как сотни учениц передо мной и сотни после, увлеклась одним из них. Конечно, мысль о том, чтобы влюбиться в Петровича, не могла прийти в голову. Выбрать отца троих детей и прирожденного подкаблучника… Это уже была бы крайняя степень женского мазохизма. Проще было влюбиться в мраморный бюст Дзержинского, который Женька как-то приволок в нашу комнату и написал на нем: «Отсутствие вашей вины не ваша заслуга, а наша недоработка».

Женя… Всегда веселый, вечно придумывающий разные розыгрыши… Он был весьма подходящим объектом. Видимо, я ему тоже понравилась, и мы стали встречаться. Хотя… Справедливости ради нужно сказать, что бурных чувств не было изначально ни с чьей стороны. Мы иногда оставались ночевать то у него, то у меня, и постепенно эти вялотекущие любовные отношения переросли в настоящую дружбу.

Женя смотрел на меня и улыбался. Я не смогла удержаться и не улыбнуться ему в ответ.

— Белка, ты чудо, — сказал он мне. — Ты даже сама не знаешь, какое ты чудо.

— Ребята, хватит секретничать, — крикнул Петрович. — Идите к столу.

На столе уже дымился чайник, приготовлены были чашки, сахар, лимон, а в центре, точно гвоздь программы, красовался аккуратно разрезанный на кусочки торт. Мы сели за стол. И какое-то время молча наслаждались чаепитием. Первым прервал молчание Женя.

— Белка, не хочешь возвращаться в программу, твое дело. Но… Где-то же тебе нужно работать.

— Нужно. Но я еще не думала об этом.

— Это потому, что сейчас ты в депрессии. Но, слава богу, у тебя есть друзья, которые всегда держат руку на пульсе.

— Ты о чем?

— О том, что в «Комсомолке» есть вакансия, и ее могут придержать для тебя.

Я немного опешила, такого поворота событий, тем более вот так, с места в карьер, я не ожидала. И оттого просто молчала, не зная, что ему ответить. Но тут вступил Петрович.

— Лера, если вам не нравится перспектива работать в газете, я могу вам предложить другой вариант. На ТСТ есть программа, аналогичная нашей, и им требуется хороший журналист. Я уверен, вы им подойдете. Можете прямо завтра позвонить и, сославшись на меня, справиться об условиях работы.

Они оба вопросительно смотрели на меня. А я так не знала, что ответить, хотя и понимала, что пауза неприлично затянулась.

— Спасибо. Но я… Я пока не готова даже думать на эту тему. Не могу логично это объяснить, но… понимаете, я себя чувствую, будто выжатый лимон. Мне бы поначалу просто прийти в себя.

— Понимаю, — ответил Петрович. — Лера, а когда вы в последний раз по-настоящему отдыхали?

Я задумалась: что значит по-настоящему? Это когда ты уезжаешь хотя бы на неделю из города. И неважно, куда… Хочешь — в деревню Урюповку, а хочешь — на Канары. Главное,

прочь из города. Такой отдых был у меня года два назад. Мы с Максом на неделю уехали в Болгарию. Макс… Я неожиданно почувствовала себя так, будто с разбегу поднялась на высокую гору, а там оказался разреженный воздух. Причем до такой степени, что я начала задыхаться.

— Понятно, — прервал мои мысли Женя. — Старушка, тебе срочно нужно сваливать отсюда. У меня есть классная девочка, она туроператор и может устроить чудную путевку в Чехию. А что? Карловы Вары, вода… воздух… тишина. Супер для измученного организма.

У Жени везде работали классные девочки, готовые ради него расшибиться в лепешку, и я никак не могла понять, каким образом он обрабатывал их до состояния готовности всегда прийти на помощь. Но что я хорошо понимала, так это две вещи. Мне действительно нужны отдых и кардинальная смена обстановки. Но совершенно не хотелось куда-то ехать и терпеть чье-то общество.

Петрович словно угадал мои мысли.

— Я думаю, — сказал он, — что Чехия будет слишком утомительна для вас. Может быть, просто отдохнуть за городом, в каком-нибудь тихом пансионате?

— Тьфу! Ну и идейка! Отдых для пенсионеров! — встрял Женька.

— Вот что, давайте-ка ложиться. Я постелю вам в гостиной, а завтра обещаю обо всем подумать. На трезвую голову.

На том и порешили.

МИЛОСТИ МАТЕРИ ТЕРЕЗЫ

Утром, когда я проснулась, их уже не было. На кухонном столе я обнаружила лист бумаги с адресами туристических агентств, где можно было получить информацию по поводу поездки. А рядом на тарелке красовались еще теплые бутерброды, явно приготовленные Петровичем. Волна умиления исподволь нахлынула на меня. Я поставила чайник, приготовила себе чашку кофе, взяла бутерброд и подошла к окну. День обещал быть ясным и солнечным, и негоже сидеть дома, предаваясь грустным мыслям о своей разбитой судьбе.

Я села на диван, взяла салфетку и стала рисовать. Со мной этого не было уже лет пять. Я рисовала дом, который увидела во сне. С колоннами и башенками. Вышло очень похоже. Отложив ручку в сторону, я долго смотрела на дом и понимала, что он мне безумно нравится. Наверное, счастливы люди, которые живут в нем. Жаль, что мне никогда не светит стать хозяйкой такого дома. Я отложила в сторону рисунок. Хватит мечтать. Самое лучшее, что я могу сделать, это одеться и выйти на улицу. Хотя бы для того, чтобы прогуляться.

Я пошла в Таврический сад. И решила, что немного поброжу по саду, а потом пойду в одно агентство на Кирочной и куплю путевку дней на пять в какой-нибудь пансионат в Репине.

В саду ноги сами привели меня к бару со смешным названием «Три ступеньки». Я мысленно улыбнулась. Чашка кофе — это именно то, что мне нужно.

Интерьер бара меня порадовал. Здесь было ненавязчиво уютно, и обстановка располагала к тихому и спокойному времяпрепровождению, что, собственно, мне и было нужно. Я заказала чашку кофе, а к нему только что испеченную булочку с вишней, которую настоятельно рекомендовала мне барменша.

С подносом в руках я направилась к ближайшему свободному столику. И вдруг услышала:

— Присаживайтесь. Я очень рада вас видеть.

Я обернулась и увидела Ксению Измайлову. Она сидела почти напротив меня, элегантная, подтянутая, одетая в брючный костюм, который невероятно ей шел. Ксения приветливо мне улыбалась и жестом приглашала за свой столик. Не могу сказать, что я обрадовалась этой встрече. Скорее наоборот. Мне хотелось побыть одной. Подумать, прислушаться к своим чувствам. К тому же прошедшая ночь не прошла бесследно. Я чувствовала себя разбитой и опасалась, что светская беседа может лишить меня остатка сил.

— Я действительно очень, очень рада вас видеть, — сказала Ксения, когда я подсела к ней. — Мне понравилась ваша работа. Поверьте, я знаю, что говорю. Я работала со многими журналистами, и далеко не всегда меня радовало то, что получалось в итоге.

— Спасибо, — пробормотала я и попыталась вымученно улыбнуться.

Ксения вытащила из золотого портсигара длинную тонкую сигарету и вставила ее в мундштук. Медленно закурила и задумчиво посмотрела на меня, пуская тонкие колечки дыма.

— Все-таки удивительно, что судьба снова свела нас. Вот так, случайно.

Я лишь пожала плечами. Подумаешь, пересеклись в кафе. Наш город только кажется таким большим, на самом деле случайные встречи происходят сплошь и рядом. Но Ксения, видимо, придерживалась другого мнения.

— Я не верю в случайности. Их просто нет. Каждая встреча обязательно что-нибудь значит.

— Правда? — переспросила я. — И что же означает наша встреча?

— Пока не знаю.

Ксения глубоко затянулась и снова поглядела на меня так, что мне показалось, будто она проникла в самые сокровенные глубины моей души.

— Вы чем-то расстроены?

— Что, так заметно?

Она промолчала, предоставляя мне право выбора. Я могла ответить, а могла перевести разговор на другую тему. Например, поговорить о погоде или о тряпках. Что, собственно, в данной ситуации было почти равнозначно.

Я оценила ее деликатность. И подумала: все равно она скоро узнает, так уж пусть лучше от меня.

— Меня уволили с работы.

— Не может быть! Вы шутите!

— Да нет, я говорю абсолютно серьезно. Я больше не работаю в программе «Страна и мы».

— Почему? В чем причина?

— Мой непрофессионализм. Я вам процитировала шефа. Это была его формулировка.

Брови Ксении недоуменно поднялись вверх. Она отпила глоток кофе, помедлила с ответом, а потом твердо сказала.

— Ваш шеф — недальновидный человек. Впрочем, это, как теперь говорят, его проблемы. Но мне кажется, я поняла, зачем мы встретились.

— Интересно бы узнать.

— Вы мне посланы свыше, и я буду буквально умолять вас спасти меня.

Я удивилась такой неожиданной фигуре речи, но потом поняла: Ксения — актриса, актриса с большой буквы. И сейчас наверняка находится в образе. Так что, сама того не желая, я попала на спектакль, пусть и одного актера.

— Буду счастлива, если смогу помочь, — вежливо ответила я, убежденная, что дальше какой-нибудь банальности дело не пойдет.

— Вы понимаете, моя соседка — отменная кулинарка. И это было бы еще полбеды, но она еще и большая моя поклонница. Понимаете… Она выражает свои чувства единственно доступным ей способом. Она меня закармливает. Например, вчера принесла мне шикарную фаршированную рыбу.

Ксения снова эффектно замолчала. Я же, как могла, подыгрывала ей и смотрела на бывшую кинодиву широко открытыми глазами.

— А я, естественно, просто не в состоянии съесть это произведение искусства по той причине, что уж слишком оно велико.

— Чем же я вам могу помочь?

— Так спасите меня! Приходите ко мне в гости на рыбу!

— Когда? — опешила я.

— Да прямо сейчас! А то ведь пропадет любезная.

Мне стало смешно. Ксения так уморительно-умоляюще на меня смотрела, что я не в силах была устоять.

— А давайте, — согласилась я.

* * *

В своей квартире Ксения смогла создать, то, к чему так стремилась я, и то, что у меня пока не очень получалось. Свой мир. Едва я переступила порог, как тотчас почувствовала особую атмосферу, царившую здесь. Атмосферу уюта, обволакивающую со всех сторон и расслабляющую помимо воли. Все было подобрано со вкусом, но главное, каждая деталь, каждая мелочь, подчеркивала индивидуальность хозяйки.

Мы прошли в просторную комнату, которую Ксения называла столовой. Посередине — большой стол, покрытый белой льняной скатертью ручной работы. Вокруг него выстроились шесть изящных стульев очень удобной конструкции… «Наверняка, они стоят кучу денег», — подумала я, оценивающе глядя на них. Вдоль стены стоял массивный буфет с дорогой фарфоровой посудой и безделушками. Но что меня поразило больше всего — это обилие цветов. В красивых вазонах, в специальных подставках и кашпо, они создавали эффект некой оранжереи. А еще вазы… Они были самых разных причудливых форм, и в них стояли хризантемы, составленные в невероятные букеты.

— Присаживайтесь, — сказала мне Ксения. — Знаете, терпеть не могу есть на кухне. Мне кажется, это место исключительно для приготовления пищи.

— Не только, — возразила ей я. И потом неожиданно для себя добавила. — Мы с отцом очень любили сидеть на кухне, пить чай и болтать. Обо всем на свете.

И я немного рассказала ей об отце.

Она очень внимательно слушала меня, не перебив ни разу.

— Вы действительно очень его любили, — задумчиво сказала Ксения.

— Да… Мне до сих пор его не хватает.

— Некоторые потери невозможно восполнить. Но жизнь идет, и в самый близкий круг входят новые люди. Однако что ж мы все беседуем. Давайте же пробовать рыбу.

И Ксения принялась накрывать на стол. А я стала исподволь наблюдать за ней. Интересно, сколько же ей лет? Нет, не по киношной легенде, а на самом деле. Наверное, уже под шестьдесят. Но выглядит она… Мне бы так в ее годы! Не знаю, каким образом ей это удавалось, но Ксения была по-прежнему красива. Темно-русые волосы с сединой, которая органично вплеталась в них, тонкие изящные черты лица, ставшие от возраста еще более точеными. Она напоминала мне хорошее вино, которое чем старше становится, тем больше ценится. И я невольно подумала: как жаль, что отец после смерти мамы не встретил такую женщину. Возможно, он прожил бы дольше и, возможно, мы оба были бы избавлены от самого темного периода в его жизни. Дело в том, что отец лет за пять до болезни пустился, как сейчас говорят, вразнос. Он словно пытался удержать если не молодость, то вполне устраивавшую его зрелость. Нет слов, чтобы передать, как я страдала тогда от его романов с молоденькими девицами, годящимися мне по возрасту в подруги. Только потом я поняла, что таким образом он пытался отсрочить приближение ЕЕ. Старости. Пытался и боролся с ней, как мог. А вот если бы рядом с ним была такая женщина, как Ксения, наверное, он принял бы старость очень даже достойно.

Я смотрела, как Ксения доставала тарелки. Тончайший фарфор, расписанный изящным узором из цветов и листьев. Наверняка антиквариат. Женщина перехватила мой взгляд.

— Люблю старинный фарфор. Особенно японский.

Я улыбнулась, удивительно, сколько общего у меня с этим, в общем-то, чужим

человеком. Она поставила на стол посуду и повернулась ко мне.

— Я оставлю вас… Принесу ее, любезную. Я мигом.

И Ксения выскользнула из комнаты. Пока я усаживалась поудобней, она вошла, толкая перед собой небольшой столик-каталку. В центре него возвышалось старинное блюдо, на котором и находилась виновница сегодняшней посиделки. Ее даже не нужно было пробовать, поскольку рыба буквально кричала о том, что она неимоверно хороша, а главное, вкусна. Рядом с ней на тарелке лежали малюсенькие кусочки хлеба, обжаренные до золотистой корочки, с ними соседствовали нарезанные овощи, и завершал этот натюрморт маленький запотевший графинчик с водкой. Ксения принялась расставлять эти яства. А я с удовольствием наблюдала за тем, как ловко у нее все получается.

— Что ж вы не пробуете? — спросила Ксения, после того как положила мне на тарелку огромный кусок рыбы.

— Сейчас. А вообще-то она так живописно выглядит, что даже рука не поднимается отправить в рот.

— Знаете, а давайте рыбу под водочку? Ведь нам же нужно отметить и встречу, и наше знакомство, которое, надеюсь, со временем перерастет в приятельство.

Мы чокнулись и с воодушевлением принялись за еду. Но все это время меня не отпускало ощущение, что Ксения пристально за мной наблюдает. И точно прочитав мои мысли, она спросила.

— Лера, вы расстроены так из-за увольнения?

— Не только.

— Может быть, расскажете? Иногда это помогает. На душе становится легче…

Я задумалась. Мне очень хотелось выговориться. Рассказать о том, что произошло на студии, о разрыве с Максом. Но к своему удивлению, я обнаружила, что все-все-все — мне рассказать некому. Так уж сложилось. У меня ни с кем не было настолько доверительных отношений, чтобы я могла вот так, запросто, говорить о самом сокровенном. Слишком долго я жила в какой-то раковине, которая автоматически закрывалась от чрезмерного внимания. Меня давно стали воспринимать как человека закрытого, и, как правило, не находилось никого, горящего желанием перейти черту и сократить дистанцию. Но сейчас, видимо, настало время самой разрушить барьер. Я взяла сигарету, закурила и стала рассказывать.

Ксения очень внимательно слушала. Когда же я закончила, то увидела, что она смотрит на меня с нежностью.

— Лера, я думаю, ваши друзья правы. Вам обязательно нужно отдохнуть.

— Да… — машинально ответила я. — Но… я не могу простить себе, что влюбилась в Макса. А что еще хуже, мне его очень не хватает. Я скучаю и… если бы он появился, то простила бы ему все. И опять согласилась бы на то немногое, что он может мне дать.

— Он ничего не может дать. Хотя бы потому, что привык только брать. Да и полюбили вы не его.

— Вот как! А кого же?

— Копию своего отца. Макс ведь чем-то напоминает его?

— Да… Что есть, то есть. Жесты, манера поворачивать голову, улыбаться. У них похожая улыбка. А еще глаза… У Макса такие ярко-зеленые глаза, в них точно чертики прыгают.

— Ваш отец был по-настоящему талантливым человеком.

— Вы так говорите, будто знали его.

— О… совсем чуть-чуть. Мы несколько раз встречались в компаниях, на выставках. Но этого было достаточно, чтобы у меня сложилось мнение о нем. Он действительно был незаурядной личностью, и именно это делало его картины такими необычными.

Я смотрела на Ксению и блаженно улыбалась. А она тем временем продолжала.

— Простите меня, но Макс — это пустышка. Красивый фантик, яркая вывеска, за которой ничего нет. Рано или поздно вы бы это сами поняли. Так что… жалеть особенно не о чем. Скажите ему спасибо, вы ведь хорошо провели время, и… отпустите его.

Она замолчала, а я сидела, стиснув руки, не в силах справиться с самыми противоположными чувствами, нахлынувшими на меня. Здесь была и злость на себя, на пустом месте придумавшую героя, а затем влюбившуюся в него. Получилось почти как в дурацкой песне: «Я тебя слепила из того, что было, а потом, что было, то и полюбила». И все возрастающая симпатия к Ксении, благодарность за то, с какой теплотой и деликатностью она отнеслась ко мне.

— Вы уже решили, куда поедете отдыхать? — перевела разговор Ксения.

— Пока нет. Но вы правы, уже пора что-то решать.

— Но есть хотя бы наметки?

— Одно я знаю точно, я хочу уехать за город.

— Вам нравится Выборг?

— Я была там всего несколько раз, и то в детстве. Практически не помню этот город. Кажется, там есть замок, он очень древний.

— Средневековый.

Мы улыбнулись друг другу.

— Лера… я хочу вам предложить пожить в моем доме под Выборгом. Дом — это, конечно, громко сказано… Подождите, не отказывайтесь, выслушайте меня! Вы принесли мне удачу. После нашего интервью мне предложили роль в двенадцатисерийном проекте. Большую роль. И интересную. Роль отъявленной стервы. Там есть что играть, да и сама идея фильма мне нравится. Через неделю начинаются съемки.

— Поздравляю! Я очень рада за вас.

— А уж я-то как рада… Это здорово поправит мою финансовую ситуацию. Но давайте вернемся к нашему разговору. Я хочу хоть как-то отблагодарить вас. Поэтому и прошу погостить в моем доме столько, сколько вы сами сочтете нужным. Места там замечательные, да и мне будет спокойней.

— Ксения, спасибо, но я не могу… я, право, не знаю, но…

Мне было крайне неловко. С чего это вдруг на нее напал приступ благотворительности? Почему она предлагает мне, практически незнакомому человеку, которого она видела всего несколько раз в жизни, не только стол и кров, но еще и проживание чуть ли не в святая святых — собственном доме? Это совсем не укладывалось у меня в голове, и я ждала разъяснений Ксении.

— Я ведь уже сказала — вы принесли мне удачу. Без вашей программы мне бы не сделали это предложение. А потом… — Ксения задумалась.

— Что? — спросила я.

— Дом не может стоять пустым. В нем должны быть люди. Я в последнее время редко там бываю. Прошу вас. Не отказывайтесь.

Она так проникновенно на меня смотрела, что у меня язык не повернулся сказать «нет». Хотя я так до конца и не поняла, зачем Ксении заниматься благотворительностью. И чтобы

не расстраивать радушную хозяйку, я выдавила из себя, что подумаю. Но внутренне я уже знала, что соглашусь.

ДАЧНЫЙ СЕЗОН

Мы с Ксенией стояли возле старинного дома, отгороженного от внешнего мира изящным резным забором, который и сам по себе вполне мог претендовать на звание произведения искусства. Это здание вот уже несколько дней волновало мое воображение, и невольно передо мной всплывали картины, рисующие нечто таинственное, связанное с обитателями дома. Но самое главное, то, из-за чего я каждый вечер приходила к этому дому с Ксенией, лежало в области ирреального. Этот дом был как две капли воды похож на дом из моего сна. Те же колонны, те же две башенки, украшающие с двух сторон крышу, та же необычная смесь готического и колониального стиля. Видимо, его хозяин видел нечто подобное в иных странах и воплотил это в чертежах усадьбы. Но больше всего мне нравилась старинная ручка в форме головы льва, с кольцом, торчащим из его пасти. Я не могла отвести глаз от усадьбы.

— Какая прелесть! — не удержавшись, воскликнула я. А потом повернулась к Ксении. — Давно хочу спросить вас, кому раньше принадлежал этот дом?

— Это усадьба графа Белопольского. Их род владел этой землей двести лет.

— А что потом?

— Известно что… Революция. Экспроприация экспроприированного. Белопольские эмигрировали не то во Францию, не то в Новый Свет, как тогда называли Штаты.

— А теперь? Кто здесь живет? Мы столько раз приходили к этому дому, но я ни разу не видела его обитателей.

— Теперь это снова усадьба. Одного богатого человека, не помню его имени. Он здесь практически не появляется. А живет тут его управляющий. Он должен был вчера вечером приехать из Москвы.

Я исподволь взглянула на Ксению. Вот уже несколько дней, как я живу в ее доме. Вернувшись домой после нашей случайной встречи, я долго размышляла над ее приглашением. И поняла, что хочу поехать. По многим причинам. Но главная — это возможность побыть в обстановке, где тебя совершенно никто не знает, и в абсолютном одиночестве. Ксения как раз и делала упор на то, что пробудет со мной максимум несколько дней, а потом возвратится в Питер, где должны начаться съемки.

Если уж быть до конца откровенной, общество Ксении мне очень нравилось и ничуть не тяготило. Более того, мне хотелось сойтись с этой удивительной женщиной как можно ближе. Всякий раз, общаясь с ней, я испытывала то, о чем часто писала, но никогда не чувствовала в общении с незнакомыми людьми. Духовное родство.

В общем, в тот вечер я позвонила и сказала, что согласна. И уже на следующий день утром заехала за ней на своем стареньком «Форде», чтобы вместе отправиться в Выборг. Ксения по дороге много рассказывала о городе, куда мы держали путь. Ведь Выборг славен не только старинной крепостью, но еще и тем, что находится в Карелии, краю лесов и озер. И это означало, что жить мне предстоит в местах удивительных, знаменитых не только своей природой, но и целебным воздухом, который будет так полезен моим прокуренным легким.

Впрочем, поселок, где жила Ксения, был довольно далеко от Выборга, да и сам город мы проскочили, стараясь до темноты попасть домой. Поэтому осмотр достопримечательностей я оставила до лучших времен. Зато сам поселок мне очень понравился. Это было довольно живописное место, в котором причудливо соседствовали

пятиэтажки, деревянные домики и внушительные строения недавних лет, выставляющие напоказ материальную состоятельность своих владельцев.

Дом Ксении был очень старым. Как она мне рассказала, он принадлежал еще ее родителям, а им достался по наследству от двоюродной тетушки, которую сама Ксения ни разу не видела. Вначале они часто приезжали сюда всей семьей и проводили здесь лето, а потом Ксения выросла, у нее началась другая жизнь, и она стала навещать стариков все реже и реже. Пока… Пока в ее жизни не настал момент, когда ей самой понадобились тишина и уединение. Вот тогда дом переродился заново. Ксения, как могла по тем давнишним меркам, благоустроила его. Во всяком случае, «удобства» перекочевали со двора в дом, также она установила котел, который отапливал дом и нагревал воду. Провела газ и телефон. И теперь здесь можно было чувствовать себя так же комфортно, как и в городской квартире.

Рядом с домом располагался сад. Он не был ни ухожен, ни подстрижен, как это теперь модно, не коснулась его и рука дизайнера. Наоборот, он производил впечатление некой заброшенности, которая придавала ему особую прелесть, избавляя от чрезмерной прилизанности. В саду была беседка, где мы, если вечер был теплый, пили чай, и разговаривали. О чем только мы с Ксенией не переговорили за эти дни! И я часто ловила себя на мысли, что после этих бесед чувствую себя обновленной.

А еще я думала о том, как же все-таки странно устроена жизнь. Мама умерла, когда мне было тринадцать. То есть я была уже достаточно взрослой и хорошо помнила наши с ней отношения. Безусловно, их нельзя было назвать плохими. Но почему-то в них напрочь отсутствовали теплота и нежность, сквозившая в каждом слове, каждом жесте Ксении. Точно мама боялась, что, если покажет мне, как сильна ее любовь, то сделает уязвимой меня. А может быть, себя? Не знаю. Но свои чувства она тщательно скрывала за излишней требовательностью и придирчивостью. Во всяком случае, я не помню, чтобы мы с ней сидели за чашкой чая и доверительно беседовали. С отцом — да, а с ней нет. Если же разговоры и начинались, то заканчивались они неизменно какими-то разборками, ссорами, после чего я обиженно уходила к себе в комнату, а отец говорил ей: «Леля, ну нельзя же так! Она ведь перестанет с нами делиться». Я не очень понимала, чем же таким я с ними делюсь, ведь у меня ничего не было, а игрушки мои родителям не нужны. И частенько ворочалась в постели без сна, пытаясь понять, как мне вести себя с мамой, чтобы она перестала меня ругать.

— О чем вы задумались? — прервала мои мысли Ксения.

— О доме. Точнее, о домах. О своем, о вашем и об этом.

— Каждый фасад — лицо хозяина?

— Да… Что-то в этом духе. Интересно бы узнать историю этой усадьбы.

— Она и в самом деле довольно любопытна. Этот дом раньше называли домом с привидением.

— Шутите?

— Нисколько. Жена последнего графа внезапно исчезла. Точно растворились. Уж судейские ее искали, искали, но без толку. Однако уголовное дело против графа возбудили. Подозревали его весьма серьезно.

— И что?

— Да ничего. Не нашли ее. Графа отпустили за недоказанностью улик. Но пятно на нем осталось на всю жизнь, и даже родные подозревали его в убийстве.

— Не понимаю. Что же он мог с ней сделать?

— В лесу, рядом с озерами, много пещер. Они как катакомбы. Если знать ходы, то можно спрятать тело так, что его никто и не найдет.

— А при чем здесь привидение?

— Ну как же! Графиню-то не похоронили. Вот она и бродит по ночам, все пытается найти убийцу и отомстить. А я думаю, что душа ее не может успокоиться, все бродит, неприкаянная.

Я пристально посмотрела на свою старшую подругу и увидела, как в глазах Ксении появились смешинки.

— Ловко вы меня! А я чуть было не поверила.

— На самом деле я лишь чуть-чуть приукрасила. Об этом привидении много говорили, но только очень давно. Когда я еще была девчонкой. Но пойдемте, у нас еще уйма дел.

Ксения сегодня уезжала, и ей нужно было еще собраться. Зная мою слабость к этой усадьбе, она так повела меня через лес, который окружал дом, чтобы по дороге мы могли увидеть его со всех сторон. И вот мы с Ксенией вышли на тропинку, которая, если по ней чуть-чуть пройти, упиралась бы прямо в выход с торца усадьбы.

— Давайте покурим, — предложила я. — А то у меня сейчас начнется кислородное отравление.

Я достала сигарету и уже щелкнула зажигалкой, как дверь дома отворилась. И на дорожку вышли двое мужчин. Одному из них было лет тридцать. Внешне он был чем-то похож на викинга, каким его растиражировал наш кинематограф. Высокий, атлетически сложенный, с длинными светлыми волосами, спускающимися до плеч. Довершая сходство с героем киноэкрана, лицо его украшала аккуратно подстриженная бородка, которая придавала его облику благородные штрихи.

Другому мужчине было около сорока. Он был коренаст, невысок, русоволос, с неправильными, но приятными и мужественными чертами лица. В принципе, такие не в моем вкусе. Но как только я увидела его, я уже не могла отвести глаз от его лица. Более того, я даже выронила сигарету. Сердце ухнуло куда-то вниз, и, несмотря на довольно прохладный день, меня обдало жаром. Я даже немного расстегнула куртку, поскольку стало тяжело дышать.

Что же это такое? Нечто острое и щемящее пронзило меня изнутри, и мысль о стреле Амура, поразившей прагматичную городскую девушку, промелькнула у меня в голове почти на полном серьезе. Я застыла на месте, ловя на себе удивленные взгляды Ксении. Когда-то я читала, что у каждого человека — и мужчины, и женщины — есть свой, подсознательно сформированный психотип идеального партнера. И если мы вдруг, нечаянно-негаданно, встречаем человека, один к одному похожего на этот глубоко спрятанный внутри образ, то… влюбляемся, очертя голову. И окунаемся в это чувство, точно в омут головой, невзирая ни на какие доводы рассудка.

Тем временем мужчины шли, о чем-то оживленно беседуя, я бы даже сказала, споря. Потом тот, который был постарше, подошел к машине, рывком открыл дверь, плюхнулся на сиденье. Хлопнув дверцей, он рванул с места, даже не попрощавшись со своим визави. «Викинг» с недоумением смотрел вслед отъезжающей машине. Затем он обернулся и увидел нас. Некоторое время он еще постоял, точно о чем-то раздумывая, а потом, словно, приняв решение, пошел к нам навстречу.

— День добрый, Ксения, давно вас не было, — сказал «викинг» низким, но в то же время бархатным, завораживающим голосом.

Он улыбался, а я удивленно смотрела то на него, то на Ксению.

— Добрый, добрый, Митя. Рада нашей встрече. Я показывала Лере вашу красоту. Очень уж ей нравится этот дом.

— Да… — протянул Митя. — Дивное место.

Он пристально посмотрел на меня. У него были синие-синие пронзительные глаза. Казалось, они проникали глубоко в душу, почти до самого дна…

— Знакомьтесь. Моя дальняя родственница Лера. А это — управляющий всего этого великолепия…

— Дима, — представился «викинг».

— Очень приятно.

— Я рада, что мы встретились, а то уже хотела вам звонить, — сказала Ксения.

Она вообще как-то очень приветливо смотрела на Диму. И он тоже чуть ли не светился, когда говорил с ней. Глядя на них, я поняла, что они куда больше, чем соседи, скорее всего, добрые приятели. А еще — что Диме очень приятно общество Ксении. Как только она закончила фразу, его лицо тут же приняло обеспокоенное выражение.

— Что-то стряслось? — спросил он.

— Нет, к счастью, ничего. Просто я завтра рано утром уезжаю, и Лера остается здесь одна. Мало ли что ей может понадобиться, так вы уж за ней присмотрите.

— О чем речь! С превеликим удовольствием.

— Спасибо. Ну мы пойдем, а то мне еще собираться, — заторопилась Ксения.

— Как? — удивился Дима. — И даже в дом не зайдете? Показать родственнице все великолепие изнутри?

Ксения насмешливо улыбнулась и в упор посмотрела на Диму.

— В другой раз. Мне и правда сейчас некогда. А вы… при случае обязательно ей все покажете.

— Ну ладно, — добродушно согласился он. — И все-таки жаль. Зашли бы… Хоть чаю бы попили. Что ж… Если вы не возражаете, я возьму шефство над вашей родственницей.

Ксения кивнула. Дима подошел ко мне. Взял мою руку и церемонно поднес к губам. Ксения чуть насмешливо за ним наблюдала, а я слегка растерялась. Но он, не выпуская моей руки, тотчас же заговорил.

— Очень рад нашему знакомству. Надеюсь, теперь мы станем чаще видеться?

— Может быть, — неопределенно сказала я.

— Вы уже были в местном баре?

— Еще не успела.

— Обязательно сходите. Кухня там отменная. Да и столы неплохие.

— Какие столы?

— Бильярдные. Впрочем, не знаю, прельщает ли вас это?

Я улыбнулась, но ничего не стала объяснять. Взяла под руку Ксению, и мы пошли домой. Нам предстояло еще множество дел перед ее отъездом.

Дома Ксения устроила небольшие сборы и самый настоящий переполох. Она вечно что-то теряла, сетуя на то, что вещи куда-то пропадают непонятным образом. Потом находила их, складывала в сумку, потом вытаскивала и говорила, что нет, это совершенно не то. А вот где лежат совершенно необходимые ей вещи, она не помнит. Ксения смеялась и жаловалась, что старость, как и слабоумие подкрадываются незаметно. Всегда исподтишка. Я, в меру своих сил, старалась помочь. Правда, на мой взгляд, не очень-то успешно. Но наконец-то

сумка была упакована. Ксения, которая до этого носилась по комнатам с такой энергией, что могла переплюнуть батарейки «Энерджайзер», обессиленно опустилась в кресло.

— Все… — выдохнула она. — Не могу больше. Что ни говори, а годы берут свое. И скорость не та, да и голова подводит.

— Вы кокетка, Ксения, — не удержалась я, чтобы не съязвить.

— Старая кокетка, увы… Лер… Если вы мне хоть немного друг, пожалуйста, сварите кофе.

— Легко. Только переоденусь.

Я поднялась к себе в комнату. Дом у Ксении был двухэтажный. На первом этаже располагалась гостиная с камином и мягкими удобными креслами. Рядом просторная кухня, которую я тут же полюбила за простоту и комфорт. А на втором этаже находились три спальни.

Одна из них на некоторое время стала моей. Как только я в нее вошла, я чуть не вскрикнула от чувства, которое в детстве называла щенячьим восторгом. Стены, оклеенные веселыми обоями под ситец; добротная мебель, видимо, доставшаяся Ксении еще от ее родителей, была хорошо отреставрирована. Вдоль стены стоял старинный буфет, рядом комод и довершал эту композицию шкаф для одежды. У противоположной стены располагалась кровать. Такая, о какой я мечтала всю жизнь. Это была большая двухспальная кровать с красивым пологом. «Наверняка на ней лежит перина», — подумала я. И действительно, чуть присев на это великолепие, я сразу утонула в воздушной мягкости, которая манила, обещая самые приятные сновидения. «Ксения умница», — промелькнула мысль. Такую комнату мог предложить мне человек, либо хорошо знающий меня, либо тонко чувствующий. Но согласитесь, что и то и другое приятно.

Я вбежала в комнату, сняла толстый джемпер и надела на футболку свою любимую толстовку. После в том же темпе помчалась на кухню варить кофе. И уже с подносом в руках предстала перед Ксенией. Расставила чашки и села напротив.

— Вы заметили, как Митя на вас смотрел? Определенно, вы ему понравились, — заявила Ксения.

— Нет, не заметила. Мне, наоборот, показалось, что он старался быть любезным потому, что обожает вас!

— Да… Я его знаю всего пару лет, но… Вот что любопытно… Оказалось, что Митя мой давний поклонник. Представляете, он смотрел все фильмы с моим участием. Это очень трогательно. И он действительно искренне радуется, когда видит меня. Мы иногда болтаем, пьем кофе в баре. И все… никаких предосудительных поступков.

Я смутилась. У меня и в мыслях не было намекать на какие-то особые отношения между Ксенией и Димой. Хотя в неярком электрическом свете Ксения выглядела ослепительно. И я решилась на вопрос, который давно хотела ей задать, но боялась показаться бестактной.

— А почему вы не вышли замуж?

— Ну что вы, Лера! Замужем я была, и неоднократно.

Мы обе рассмеялись, вспомнив известную пьесу Арбузова.

— А серьезно? Вы ведь так красивы!

— Вы так считаете? На самом деле я только кажусь красивой.

— Это как?

— Ах, Лера, вы сами подталкиваете меня к теме, о которой я уже несколько дней хочу поговорить с вами.

— О чем же?

— Да о вас. Вы ведь очаровательны, а ведете себя, точно какая-то дурнушка.

— Я и есть дурнушка. Я всегда об этом знала, — немного обиженно произнесла я. Вот не ожидала от Ксенин такой бестактности.

— Это не так! Совершенно не так! Вы просто очень низко себя оцениваете. В этом все дело.

— Не понимаю…

— А вы знаете, что меня считали самой некрасивой девочкой в классе? И на танцах я стояла в ожидании кавалеров, подпирая стены?

— Не может быть…

— Представьте себе. А потом мне это надоело. И я открыла нехитрый секрет. Нужно полюбить себя.

— О, нет. Только не прописные истины! Это все я слышала уйму раз. Вся эта позитивная психология — книги для дам — буквально кричит об этом.

— И в этом есть рациональное зерно. Нужно полюбить себя целиком, со всеми недостатками.

— Да?! С этими толстыми ногами? И выпирающей попой? И такими чертами лица, которые если вечером увидишь, то утром не вспомнишь?

— У вас идеальное лицо актрисы. Оно может быть очень разным. Вы можете выглядеть как красавицей, так и дурнушкой. Но это уже на ваше усмотрение.

Ксения ласково посмотрела на меня.

— Если вы позволите, я бы дала вам совет. Пересмотрите свой гардероб. Несколько ярких вещей смогли бы полностью вас преобразить, и вы навсегда бы отказались от роли дурнушки.

Я едва заметно улыбнулась. Роль дурнушки была мне намного ближе, во всяком случае, привычней.

— Знаете, Джейн Фонда однажды сказала: «Я знала многих красавиц, которых считали дурнушками, и много дурнушек, которых считали неотразимыми. Важно то, как ты сама себя воспринимаешь». И я с ней полностью согласна. Возьмите Марлен Дитрих, ее ноги были далеки от совершенства, впрочем, как и ее лицо. Но она себя сделала. То же самое относится и к Грете Гарбо.

— Ну вы и хватили. Эти женщины — символы красоты.

— Возможно, но символами они стали благодаря собственным стараниям и мужчинам, которым казались безумно красивыми. Вспомните знаменитый «Гранд Отель». Джон Берримор говорит Гарбо: «Я никого не видел красивей вас», а ведь он только что восхищался привлекательностью Джоан Кроуфорд. Но за внешностью Гарбо помимо красоты было что-то еще, чего была лишена честолюбивая стенографистка. Это то, что в избытке есть у вас.

— О чем вы?

— Об обаянии и о нестандартной личности. Вы просто излучаете это. Красота без внутреннего содержания — ничто. Она меркнет вслед за уходящей юностью. А вот то, что внутри человека, постепенно проявляется, и это уже навсегда.

Ксения замолчала, я тоже не стала ничего говорить. Я тоже любила «Гранд Отель» и восхищалась не только игрой великих артистов, но и неожиданными поворотами сюжета. Мне всегда казалось, что гениальность этого фильма как раз и состояла в образах, проходящих перед зрителями. Я всегда затаив дыхание следила за перипетиями судеб и

сопереживала героям. А еще… Этот фильм разрушил мое представление о женщинах-«пышечках», которые были якобы в моде в тридцатых годах прошлого века. И Грета Гарбо, и Джоан Кроуфорд были тоненькими, как тростиночки, и мужчины на протяжении всего фильма восхищались их фигурами. Я тогда еще подумала, как незначительно меняются вкусы сильной половины человечества. Но что же делать таким, как я? Женщинам, далеким от растиражированных стандартов красоты. Нас ведь великое множество. И неужели только из-за погрешностей фигуры мы будем лишены любви и счастья?

Но в то же время я не могла не согласиться с Ксенией в том, что внешность многих кинозвезд далека от идеала. И только наше восприятие делает их неземными красавицами. Значит, секрет не в форме и величине тех или иных частей тела. А в том, как женщина сама себя воспринимает. Да… Будет о чем подумать, когда я останусь одна.

И все же я решила переменить тему. Я больше не хотела говорить о женских секретах красоты, а хотела получить ответ на свой вопрос. Поэтому так и сказала:

— Вы ушли от ответа на мой вопрос.

— О замужестве?

Ксения вновь взяла сигарету, вставила в мундштук и долго молчала. Я понимала: либо она сейчас скажет правду, либо сменит тему. И то и другое было ее правом. Но она ответила.

— Вы были правы, я очень нравилась мужчинам. Однажды в меня влюбился целый симфонический оркестр из Баку. Они заваливали меня цветами, обрывали телефон, готовы были исполнить любой каприз. Мне дарили много драгоценностей, среди которых попадались действительно старинные вещи. Спустя годы они здорово выручили меня. Можно даже сказать, спасли.

Ксения стряхнула пепел в пепельницу. И стала внимательно изучать свою сигарету, будто увидела ее впервые. Потом продолжила.

— Это поклонение и массовая влюбленность были даже забавны. Вначале. Потом… Успех становится таким же тривиальным и утомительным, как и безразличие. К тому же мне уже было почти сорок. И за плечами остались два брака. Так что выйти замуж еще раз я не очень-то хотела. Мне нравились и моя свобода, и мое одиночество. К ним ведь быстро привыкаешь. А еще… Я понимала, что если еще раз выйду замуж, то только за человека, которого полюблю сама. Полюблю по-настоящему. Понимаете, в браке, когда ты позволяешь себя любить, мало хорошего. Помимо угасания и без того невеликих чувств к партнеру, ты еще и постоянно испытываешь чувство вины из-за своей холодности. А это слишком тяжкая ноша. Во всяком случае, для меня.

— И что? Вы так и не встретили такого человека?

Ксения опять долго молчала, потом решительно загасила сигарету и поднялась.

— Нет. Не случилось.

Она взяла наши уже пустые чашки и направилась в кухню, а я смотрела ей вслед. И меня не оставляло ощущение, что последняя фраза была неискренна. Ксения просто не хотела ворошить прошлое. Что ж… Пусть оно само хоронит своих мертвецов, и нечего их воскрешать. Тем более что нам нужно думать о дне сегодняшнем и идти вперед. Я взяла кофейник и последовала за Ксенией. А по дороге размышляла. Ксения, безусловно, права. Замуж нужно выходить только тогда, когда ты будешь уверена в своих чувствах на сто процентов. Это слишком важное событие, чтобы пускать его на самотек.

И тут… у меня перед глазами возник образ мужчины, которого я видела возле усадьбы, и сразу же мелькнула мысль, что, если бы он сделал мне предложение, я бы согласилась, не раздумывая, не взвешивая и ничего не проверяя. Вот такая железная женская логика получается. А может, это что-то такое из области вообще нелогичного? Того, что нельзя измерить ни доводами рассудка, ни здравомыслием, а можно только почувствовать и пропустить через себя?

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Ксения позвонила на следующий день, сказала, что добралась благополучно и сейчас уже готовится ехать на студию. Я от всей души пожелала ей удачи. И призадумалась: чем же мне самой заняться? Можно, конечно, начать уборку в доме, а можно посвятить день более детальному знакомству с поселком. Но мне не хотелось ни того, ни другого. А может быть, съездить в Выборг? Я ведь так толком его и не видела. Да, это было бы совсем неплохо. Я быстро оделась и вышла на улицу. Завела машину и отправилась в город, о котором много слышала, но который практически не знала.

День был довольно прохладный, осень уже вовсю вступила в свои права, но дождя сегодня не ожидалось. Об этом радостном событии бодрым тоном сообщил диктор радио, когда я уже почти въезжала в город. И вот передо мной возникли первые дома. Это были унылые, удручающего вида многоэтажки, стоящие вдоль улицы. Кое-где торчали одинокие деревья, являвшие собой воистину жалкое зрелище. Голые ветви с сиротливо желтеющими последними листьями выглядели так, будто сделаны из дешевого папье-маше. Я решила не судить город по первому впечатлению — это ведь только окраина, типовая застройка, одинаковая во всех городах независимо от их местоположения. Нельзя же ожидать, что прямо при въезде тебя встретит картинка средневекового города. Поэтому прочь из этих кварталов и быстрее бы добраться до центра!

Центр действительно встретил меня во всем своем великолепии. Было такое чувство, будто я попала на съемочную площадку, где снимают картину о рыцарях. И если бы не горожане в современных одеждах, я вполне бы могла подумать, что переместилась во времени. Припарковав машину, я пошла пешком.

Я бродила по старинным мощеным улочкам с весьма странным чувством, ощущая некое раздвоение личности. Одна часть меня наслаждалась видами города, а другая… Другая старалась вытеснить из головы лицо вчерашнего незнакомца. В его внешности не было ничего примечательного, да и видела я его не более нескольких минут, но почему-то упорно возвращалась мыслями к этому человеку. Отчего его лицо кажется мне не просто знакомым, но и едва ли не близким? Где же пересекались наши пути? Разобраться в этой загадке мне не удалось. И я подумала, что если есть вопрос, то будет обязательно и ответ и, наверное, довольно скоро я пойму, отчего меня так волнует этот мужчина. Ведь не влюбилась же я в него с первого взгляда? Такое бывает лишь в кино, а со мной, вполне трезвомыслящей и современной женщиной, подобное не может произойти по определению.

Тем временем стало смеркаться. И я поняла, насколько голодна. Весь день, осматривая красоты города, я даже не вспоминала о еде. Теперь же мне казалось, что я на грани голодного обморока и если срочно что-то не съем, то свалюсь прямо на этих мощеных улицах. На самом деле такого поворота событий, конечно, не предвиделось. Проблем, где поесть, в Выборге нет. Я увидела вывеску «Бильярдная» и решила остановиться на этом заведении, тем более что здесь можно будет совместить приятное с полезным. Не только поужинать, но еще и сыграть партию в бильярд.

Я вошла и, оглядевшись, разочарованно вздохнула. Большие претензии на столичный лоск, но в действительности кафешка ничем не отличается от обычной забегаловки. Здесь было два помещения. В одном — столики для посетителей, желающих поесть, а в другом находилась бильярдная. Я заказала мясо по-французски и кофе. Должна признаться, что

кухня здесь была отменная. Покончив с ужином, я пошла в бильярдную. Там почти никого не было. Видимо, еще слишком рано для настоящей игры. Ну что ж… Я любила играть одна и разыгрывать новые партии. Заплатив за час игры, я взял кий, высыпала шары и приступила. Не прошло и двадцати минут, как сзади меня раздались аплодисменты и смутно знакомый голос произнес: «Браво! Браво! Да вы прекрасный игрок!»

Я обернулась. Передо мной стоял Дима. Он улыбался так, будто всю жизнь мечтал о нашей встрече.

— Сразимся? — спросил он.

Я отрицательно покачала головой.

— Нет, спасибо. Сегодня я не в настроении играть с кем-либо.

— Тогда, может быть, в нашем баре в поселке? Ах, да! — он шутливо хлопнул себя по лбу. — Вы ведь его еще не видели. Смею заверить, он нисколько не хуже.

Я молчала, не зная соглашаться или нет. Тем временем Дима подошел ко мне и взял кий.

— Там тоже есть американский бильярд. А может быть… — он запнулся.

— Что?

— У меня здесь встреча. Исключительно деловая, — зачем-то объяснил он. — Так, может, вы пока поиграете, а потом вместе поедем в поселок? Я вас отвезу.

— Спасибо, но я на машине.

— Понятно. Опять мимо. Ох уж эти современные женщины. Даже проводить их стало проблематично.

Он выглядел таким откровенно расстроенным, что мне стало его жалко.

— Не расстраивайтесь, — утешила я. — Сразимся завтра в вашем баре.

— Серьезно?

Я кивнула.

— В восемь вас устроит?

— Вполне.

— Тогда до встречи, — радостно сказал Дима. — А проигравшему обязательно будет утешительный приз.

Я улыбнулась. Дима заранее считал, что он выиграет. Ну что ж… Это мы еще посмотрим. Я помахала ему рукой, а он в ответ послал мне шутливый воздушный поцелуй. И я вернулась к прерванной партии.

* * *

Не буду скрывать, Дима оказался хорошим игроком. Вот только… Он, сам того не зная, подтвердил одну мою теорию. Человек в обычной жизни носит множество масок. Но как только он берет в руки кий, все — маски сорваны. Он предстает таким, каков он есть на самом деле. В своем истинном свете. Игра срывает все покровы и обнажает глубины характера и особенности темперамента. Вы сразу понимаете, кто перед вами: осторожный, тщательно все взвешивающий человек, не делающий ни одного невыверенного хода, или, наоборот, авантюрист, ставящий на везение, идущий ва-банк, не имея для этого ни единого шанса, а может быть, прагматик, с холодным профессионализмом следящий за вашими промахами.

Дима был не совсем обычным игроком. Начинал игру он вполне спокойно и рационально, а потом его заносило. Будто приоткрывалась некая дверца, за которой пряталась истинная сущность этого очень привлекательного мужчины. В нем была тщательно завуалированная бесшабашность, которая порой проявлялась в дерзких, но продуманных ходах, нечто, что было способно при определенных обстоятельствах перейти любые установленные рамки и пойти в своем желании выиграть до конца, невзирая ни на какие препоны. И оттого, что игроком он был сильным, эта бесшабашность, эта подспудная удаль делала его чрезвычайно опасным. Но в то же время в нем было и благородство, хорошо усвоенные понятия того, что спортивно, а что не спортивно. Он мог дать фору противнику, который проигрывал, лишь для того, чтобы поединок не был вялым и партнер мог получить еще шанс. Все это в Диме было перемешано спонтанно, хаотично и потому настораживало меня.

Может быть, именно из-за этих его качеств я вела себя с ним немного заторможенно. Мы встречались уже больше недели, но дальше партий в бильярд, в которых мы оба лидировали с переменным успехом, дело не двигалось. Дима несколько раз приглашал меня в усадьбу, а я, в свою очередь, под разными благовидными предлогами отказывалась. Почему? Этот вопрос я частенько сама себе задавала. Ведь для меня не было секретом, что я ему откровенно нравлюсь. Во всяком случае, показывал он это весьма недвусмысленно. Так что же? Хочу ли я сблизиться с ним? Скорее нет, чем да. Безусловно, Дима был очень мил и предупредителен. Иногда создавалось впечатление, что он само очарование. Но… В то же время что-то было в нем, что останавливало меня, и этому я пока не могла дать объяснения.

Хотя… Может быть, причина в другом? В таинственном незнакомце, которого я видела мельком, но чей образ не выходил у меня из головы. Нет, надо бы заняться делом, а то я и вправду придумаю себе со скуки романтическую любовь, прямо как юная школьница! Но… Мой внутренний голос неожиданно подал о себе весть. Он стал мне нашептывать, что настоящая любовь приходит по-разному. И нам не дано предугадать, когда и как именно… Например, Жан Рено увидел свою будущую жену на улице и остановился, сраженный той самой стрелой Амура… А потом опомнился, догнал красавицу, и познакомился, и даже с ходу сделал ей предложение.

И что из этого следует?

Не знаю, не знаю, — развязно ответил мой внутренний голос. — *Не торопи событий, детка. Может быть, и ничего. А может быть, и что-то*.

Вот и говори после этого сама с собой!

Вот так, развлекаясь мысленными диалогами, я перебирала платья в шкафу, раздумывая, что мне надеть на вечернее рандеву с Димой. Точнее, на деловую встречу. Вчера он сказал, что у него есть серьезный разговор, связанный с моей работой. Дескать, он давно ищет человека, который мог бы не только хорошо писать, но еще и обладал аналитическим складом ума. Он уверен, что пришло время прояснить некоторые моменты в истории усадьбы. Вот это, пожалуй, меня заинтересовало. Ведь журналистика — это не профессия, это, как сказал Женя, диагноз. И Дима запустил верную наживку. Дело в том, что сама усадьба привлекала меня необыкновенно. Да что там привлекала, она притягивала с невероятной силой, и я, точно старая гончая, почуявшая запах дичи, чувствовала, что там есть нечто, тщательно скрываемое до сих пор ее обитателями. В ней была тайна. И я до

дрожи в коленях хотела ее раскрыть. Но в то же время мой внутренний голос, эдакий оплот благоразумия моего «Я», советовал мне держаться от этого дома как можно дальше. И ему в унисон вторил самый главный инстинкт. Инстинкт самосохранения.

С первого взгляда, как только я увидела этот дом, я почувствовала необъяснимое очарование старинного здания. Оно завораживало и манило меня. И я кожей чувствовала особую, можно даже сказать, таинственную ауру, окружавшую дом. Я не сомневалась, что здесь спрятана не одна фамильная тайна. А после рассказа Ксении о том, что хозяин усадьбы, возможно, убил свою жену и теперь она в виде призрака является новым обитателем, только утвердилась в своих предположениях. И, конечно, как журналисту мне хотелось раскопать истину, а потом сделать сногсшибательный материал. С другой стороны… Я, наверное, как никто другой знала, что не следует будить спящую собаку и иногда некоторым тайнам лучше оставаться нераскрытыми.

И все же… Сегодня мне хотелось выглядеть «на все сто». Я достала из шкафа черные брюки, которые мне очень шли, а к ним в тон черную рубашку из переливающейся ткани. Оделась и придирчиво посмотрела на себя в зеркало. И… мне понравилось, как я выглядела. Рубашка и брюки скрывали недостатки фигуры и подчеркивали ее достоинства. А еще черный цвет очень шел к моим серым глазам, а короткая стрижка, придавала всему облику подтянутость и… как ни странно, вносила что-то детское и беззащитное. Но в меру. Получилось то, что, кажется, называют пикантностью.

Я достала косметичку и занялась макияжем. Немного выделю глаза, подчеркну губы… Я осталась довольна увиденным. И все же не хватало последней, завершающей детали. Немного подумав, я пошла в гостиную, где лежали несколько шалей, принадлежавших Ксении, выбрала одну из них — самую яркую и набросила поверх рубашки, а потом подошла к зеркалу. Получилось то, что надо. Дурнушка, угнездившаяся в моей душе, постепенно сдавала позиции и уступала место вполне привлекательной женщине. Довольная собой, я вышла из дома.

ДОМ МОЕЙ МЕЧТЫ

Вдоль аллеи, ведущей к усадьбе, росли старые липы, их ветви, склоняясь друг к другу, образовали причудливую арку, сквозь которую и лежал мой путь. Пока я шла, меня не оставляло чувство, что все это уже было. Этакое дежа вю, которому я не могла найти объяснения. Аллея пролегала через огромный сад, и идти до дома было достаточно далеко. Настолько, что я даже устала и была не прочь перевести дух. Я остановилась. Сделанная под старину, а может быть, и на самом деле старинная, скамейка словно приглашала присесть, немного отдохнуть, а главное, собраться с мыслями. Сев на скамейку, я достала сигарету и закурила.

Итак, нужна ли мне эта работа? Конечно, сейчас это модно, дворянские корни, фамильные тайны… Но только ли из-за этого я иду в усадьбу? А может быть, я так и не смогла забыть незнакомца, разговаривающего в то утро с Димой? И, как последняя идиотка, надеюсь увидеть ЕГО? И даже не просто увидеть, а и познакомиться с ним, узнать его. Тогда да… Работа в этом доме — идеальная возможность для нашего знакомства.

Тьфу ты! Ну что за нелепые мечтания? Вот уж точно, за городом мы попадаем в другую реальность. Ведь в глубине души я понимала, что мои фантазии вызваны во многом состоянием блаженной полудремы, в котором я находилась с тех пор, как приехала к Ксении. Образовавшаяся в моей жизни пустота была настолько непривычна, что я всячески пытаюсь ее заполнить. А чем? О том, чтобы вернуться в журналистику, пока не могло быть и речи. Я еще внутренне не была к этому готова. Поэтому испытанный костыль — работа — в данной ситуации не помогал. Значит, душевную пустоту, которая была во многом вызвана моим неудачным романом с Максом, надо заполнить новой привязанностью. И значит, моя так называемая влюбленность с первого взгляда является лишь слабой попыткой вытеснить депрессию и как-то украсить жизнь

Ну и врунишка ты, — нахально выступил мой внутренний голос. — *И трусиха! Ты просто пытаешься оградить себя от чего-то нового и незнакомого. Того, что в дальнейшем может принести тебе боль*.

Да, вот я уже и спорю сама с собой. Скоро зеленых человечков видеть начну!

— В общем так, подруга, — сказала я вслух, — хватит забивать себе голову непонятно чем, пора смотреть на жизнь трезво.

Я решительно загасила окурок, встала и посмотрела на часы. Оказалось, что я уже опаздываю на несколько минут и нужно поторапливаться, чтобы не выглядеть совсем уж необязательной.

* * *

Дом стоял в окружении раскидистых сосен и елей. При близком рассмотрении он выглядел еще более старым, чем я могла предположить. Местами видны были следы ремонта. Возникало такое чувство, что его начали реставрировать, а потом по какой-то причине бросили все работы, оставив усадьбу на произвол судьбы.

Я подошла к дверям. Дверная ручка, выполненная в форме львиной морды, местами выглядела довольно облезло, но тем не менее производила устрашающее впечатление.

Словно царственный благородный зверь готовился разорвать каждого, кто осмелится непрошеным гостем переступить порог дома. Но мне ли бояться львов? Я и сама из их породы. Поэтому я легонько провела рукой по железу и погладила зверя. А потом, не удержавшись, потянула львиную морду за кольцо, торчащее из ее пасти. Дверь была заперта, и я позвонила во вполне современный звонок, поскольку шнур, висевший над дверью, тоже был не чем иным, как имитацией.

Дверь почти тотчас открылась, и на пороге возник Дима. Он появился так быстро, что я была уверена, что он нетерпеливо прохаживался в коридоре в ожидании меня.

— Лера! Как же я вам рад! Да входите же! — торопливо произнес он.

Я улыбнулась и вошла в дом. Просторный холл, из которого наверх поднимались две лестницы, был отреставрирован каким-то современным дизайнером, который попытался совместить несовместимое. Старинную атмосферу особняка и современные изыски. Нужно сказать, что ему не вполне удалось выполнить эту задачу. И поэтому новомодные кресла и пластиковые окна не вписывались и не сочетались ни с дубовыми панелями, ни с лестницами, ни с колоннами, стоявшими вдоль лестниц. А еще меня не покидало ощущение, что и здесь работы не были доведены до конца.

— Вы прекрасно выглядите, — с ходу выдал мне комплимент Дима.

— Спасибо, вы очень любезны.

И мы тотчас, словно по команде, улыбнулись друг другу.

— Я очень рад, что вы пришли, — сказал он и подошел очень близко, чтобы помочь мне снять куртку. — Позвольте, я вам помогу.

— А слуги? — пошутила я, чуть отстраняясь. — Неужели вы сами принимаете у гостей одежду.

— Только в исключительных случаях.

И в этот момент точно из-под земли возникла миловидная девушка лет двадцати пяти. Она мило улыбнулась и вопросительно посмотрела на Диму.

— Лера, это Маша. Наше все в одном и единственном лице, — объяснил он мне.

— Как вы хотели, я накрыла стол в маленькой гостиной, — сказала Маша.

— Спасибо, — ответил Дима. — Мы сейчас пройдем туда. Если вы нам понадобитесь, я позвоню

Маша, кивнув, почти бесшумно удалилась. Дима же взял меня под руку и повел к одной из дверей в холле.

— А много здесь слуг? — спросила я.

— Не очень. Кухарка — Ильинична и Маша.

— Понятно.

— Два года назад здесь жила моя сестра со своим мужем. Так вот, она любила приглашать гостей, устраивать праздники… Тогда она и наняла людей для работы по дому. Их было значительно больше. Но сейчас… Мы обходимся только этими двумя, — объяснил мне Дима.

Он задумчиво замолчал. А я не смогла сдержать острый приступ любопытства.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А сейчас здесь кто живет?

— Кроме меня, никто.

Я, видимо, выглядела настолько удивленной, что Дима решил кое-что пояснить.

— Понимаете, ее муж… Он… сюда не часто приезжает. Хотя купил дом именно он. Это

ведь его родовое гнездо…

Я удивленно посмотрела на Диму.

— Да, он сам из Белопольских. Думал, что заживет в поместье… С семьей.

«Интересно, — подумала я, — мой незнакомец и есть хозяин усадьбы? Но тогда… Да, мне здесь ловить нечего».

— Где же сейчас ваша сестра? — не удержавшись, спросила я.

Дима промолчал, и я заметила, как помрачнело его лицо.

— Прошу вас, проходите в гостиную, — вместо ответа сказал он.

Мы вошли в небольшую комнату, отделанную с отменным вкусом. Посередине стоял уже накрытый стол.

— Присаживайтесь, — предложил Дима.

Я опустилась в мягкое кресло. И пристально посмотрела на него.

— Итак… — начала я.

— Вам чай или кофе? — спросил он.

— Или. С пирожными, пожалуйста

Он взял кофейник, поднялся и подошел ко мне. Опять очень близко. Потом налил кофе в крохотную чашечку.

«Наверняка мейсоновский фарфор. Причем конец девятнадцатого века», — подумала я, не в силах отвести взгляд от этого произведения искусства.

А Дима тем временем уже подавал мне тарелку восхитительных пирожных.

— Выбирайте.

Я залюбовалась крохотными сладостями.

— Чудо. Даже не знаю, с какого начать.

— Позвольте, тогда я положу вам на свой вкус.

Он так и сделал, а я отметила, что мне нравится, как он за мной ухаживает. И я с теплотой на него посмотрела. Он улыбнулся мне и сел напротив.

— Лера… Я хочу предложить вам работу. В этом доме…

— Очень интересно.

— Я надеюсь, что это действительно станет для вас интересным.

— Вы меня уже заинтриговали…

— Это хорошо. Недавно я занялся реконструкцией подвала. Многое пришлось снести, что-то перестроить. Так вот… Я обнаружил тайник.

— Серьезно? Как в старинных книгах?

— Ага. Дом ведь старый, ему более двухсот лет. И раньше любили устраивать подобные штучки.

— И что же было в этом тайнике?

— Золото и брильянты!

Я изумленно уставилась на Диму, а он в ответ заразительно рассмеялся.

— Да ну вас! — засмеялась я в ответ. — Я ведь вправду могла поверить.

— Да… Золотые монеты были бы очень кстати. Но, увы, там лишь всяческие записи, документы. Причем все вперемешку.

— В каком смысле?

— Понимаете, там есть записи кухарки, еще что-то… Так я чуть мозги не сломал, читая и разбирая эти документы. Столько всего в них перемешано.

— И вы хотите…

— Чтобы вы разобрались в них. Понимаете, у нас уже давно возникла мысль написать книгу о Белопольских, и эти документы должны очень пригодиться.

Дима замолчал, задумчиво глядя на меня.

Я же в свою очередь тоже не торопилась прервать паузу.

— Лера, если вас заинтересует история Белопольских, может быть, вы взялись бы за эту книгу?

— Не знаю. Пока трудно что-то сказать. Я ведь еще и не видела этих документов. Надо в принципе понять, о чем писать. И потом, если я правильно поняла, вначале меня ждет большая работа по их сортировке.

— Все верно. Перво-наперво нужно заняться изучением содержания бумаг, я бы даже сказал, классификацией. А потом уже…

Но тут Дима неожиданно осекся и замолчал. За дверью раздались голоса. Первый принадлежал Маше, второй голос был мне неизвестен.

— Они в маленькой гостиной, — произнесла девушка.

В ответ я ничего не услышала, но по тому, как напрягся Дима, как едва заметно приподнялся и пристально стал всматриваться в дверь, поняла, что назревает нечто неладное. Не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться о том, что приехал некто, кого Дима не только не ждал, но и совершенно не хотел видеть. Более того, этот некто определенно занимал главенствующее положение в доме, иначе бы Маша тотчас доложила о прибытии незваного гостя Дмитрию. Следовательно, это мог быть только один человек — хозяин усадьбы. И тут я услышала…

— Я сейчас к ним пройду.

Голос был немного резкий, чуть с хрипотцой. Очень отличающийся от бархатного, завораживающего баритона Димы. Но у меня этот голос ассоциировался только с одним лицом, лицом, которое я не могла забыть, несмотря на все свои усилия. Мужчина, которого я видела рядом с Димой в тот день! Я перевела взгляд на Дмитрия. На его губах промелькнула недобрая усмешка, он весь подобрался, точно кот, приготовившийся если не к схватке, то к обороне.

Дверь открылась, и я увидела Его. Именно того, кого и ожидала увидеть. Он стоял в дверном проеме и пристально смотрел на Дмитрия. Взгляд у него был тяжелый, недобрый, и мне невольно захотелось стать маленькой-маленькой, съежиться и провалиться под пол. Но в то же время… Меня охватило странное чувство, которое постепенно помимо моей воли обволакивало все мое существо. Это чувство, неизвестное мне раньше, порождало в душе сладкую истому, будто я видела перед собой единственно близкого и родного человека. Казалось, что это сон, который вот так материализовался и воплотился наяву.

Тут я неожиданно вспомнила, как мы с Эльгой Карловной на занятиях играли в одну игру. Нам раздавали фотографии незнакомых людей, и мы должны были по внешнему виду определить, к какому знаку Зодиака относится этот человек. Игра нам так понравилась, что потом, гуляя после занятий нашего кружка, мы с девчонками тренировались на случайных прохожих. Иногда нам удавалось узнать, насколько мы были правы, иногда нет. Но чаще всего я отгадывала правильно и выходила победительницей. Видимо, физиогномические упражнения, которые проводил со мной отец, не прошли даром и приносили свои плоды.

Вглядываясь в лицо хозяина усадьбы, я почти сразу решила, что передо мной стоит типичный Овен, огромным усилием воли сдерживающий свой гнев. И тотчас настырный внутренний голос некстати и не к месту напомнил: «А ведь Овен самый подходящий

партнер для Льва!»

И тут я одернула сама себя. Господи, да приди же в себя! Ты смотришь на него, как влюбленная школьница, а ведь он совершенно не рад твоему присутствию в этом доме. Словно подтверждая мои мысли, Дмитрий неловко заерзал в кресле. Вид у него был мрачный и даже настороженный. Он усмехнулся, но тоже ничего не сказал.

— Я не помешал? — насмешливо спросил вошедший.

Дима отрицательно покачал головой. Мужчина прошел в комнату, не сводя с меня взгляда светло-карих глаз. Наверное, при других обстоятельствах эти глаза могли смотреть нежно, тепло и даже как-то обволакивающе. Но сейчас я чувствовала, что меня изучают, точно неизвестный экспонат, который непонятно с какой стати расположился в его гостиной.

— Будь добр, представь меня своей даме, — резко сказал он.

Он выжидающе посмотрел на Дмитрия. Тот не отвел взгляд, а я подумала: интересно какая кошка пробежала между ними?

— Это Лера… — сказал Дима.

Он хотел продолжить представление моей особы, но осекся под тяжелым взглядом хозяина усадьбы. Лицо мужчины побледнело, и когда он заговорил, то я заметила, что голос его стал на несколько тонов ниже. И от этого каждое слово точно отпечатывалось в голове присутствующих. Очень неприятное ощущение, должна признаться.

— Мне кажется, я строго-настрого запретил тебе приводить в мой дом женщин.

Он в упор посмотрел на Дмитрия, потом перевел презрительный, я бы даже сказала, уничтожающий взгляд на меня. И я почувствовала гнев и обиду. Я резко поднялась.

— Не имею чести знать, как вас зовут и как к вам обращаться… — начала я.

— Матвей Громов.

Меня точно обухом по голове стукнули. И я машинально опустилась назад в кресло. Громов задумчиво посмотрел на меня, явно удивленный такой реакцией. А у меня все поплыло перед глазами. «Такого не может быть! Просто потому, что не может быть никогда!» — крутилось у меня в голове. Все происходящее показалось немыслимым нелепым представлением. *Вот тебе и шуточки подсознания, детка. Из всех мужчин на земле тебя угораздило влюбиться в самую неподходящую кандидатуру*.

Я краем глаза заметила, что и Громов, и Дима внимательно за мной наблюдают. И я должна, нет, просто обязана хоть что-то сказать. Но что?! Объявить Громову, какой он нехороший и что по его милости меня вытурили с работы?! А потом вот так, совсем случайно, я забрела именно в его дом и именно в тот день, когда он соизволил посетить свою родовую усадьбу? Да… Эффектная могла бы получиться сцена, в лучших традициях латиноамериканского телесериала. С воплями, заламыванием рук и кучей мелодраматических эффектов. Но в том-то и беда, что на меня напал столбняк. Со мной такое бывает нечасто, по пальцам можно посчитать… Но, видимо, ситуация способствовала. И я сидела, не в силах выдавить из себя ни звука. Сидела и, расширив глаза, смотрела на Громова, чувствуя, как на губах появляется улыбка — последнее средство самозащиты женщины в отчаянной ситуации.

— Да нет, ты не понял, — раздался голос Димы. — Я пригласил Леру разобрать архив. Ты ведь сам этого хотел.

Громов молчал. Дима расценил это молчание по-своему, если не как знак согласия, то хотя бы как желание выслушать собеседника до конца. А я точно, китайская кукла, сидела

неподвижно и продолжала едва заметно и очень сдержанно улыбаться. Мне казалось, что если я хоть на секунду расслаблю мышцы лица, то просто грохнусь в обморок от охватившего меня напряжения.

— Я никогда не просил тебя приводить в мой дом журналюг, — отрезал Громов, сев в кресло и продолжая изучать меня.

— Это совсем другое, — вскричал Дима.

— Вот как? — иронически спросил Громов. — И где же вы работаете? — обратился он ко мне.

Я постаралась разжать губы, но они не слушались. Я по-прежнему не могла ничего сказать, поэтому сделала единственное, что смогла придумать в этой ситуации. Открыла сумочку и вытащила сигарету. И тут произошло нечто непредвиденное. Громов сразу, точно по команде, щелкнул зажигалкой. Я невольно посмотрела на его руки. Да… Они были настоящие, мужские. Ах, как все-таки жаль! Такая нелепая, я бы сказала, саркастическая усмешка судьбы.

— Спасибо, — выдавила я внезапно охрипшим голосом.

И радуясь вернувшейся ко мне способности говорить, сразу же решила расставить все точки над «и».

— Вы являетесь президентом банка «Восточный альянс»?

— Да. Именно так. Но я не услышал, в каком издании вы работаете?

Он в упор смотрел на меня, и я помимо воли отвела глаза. И сосредоточилась на сигарете. А потом, выдохнув, ответила.

— Уже ни в каком. И в этом помогли мне вы.

Громов удивленно посмотрел на меня. Он не сказал ни слова, но явно ждал продолжения, так что я решила кое-что прояснить.

— По вашему требованию, господин Громов, меня уволили из программы «Страна и мы». Я Валерия Стрелкина. Припоминаете?

Теперь я сверлила взглядом Громова. К счастью, ко мне возвращалось мое нормальное состояние. И теперь я молила Бога лишь об одном… Встать и с достоинством убраться из этого дома! Уйти, как учил меня отец, сохранив лицо. Не сорваться и ни в коем случае не устроить дешевую сцену выяснением отношений. Все это вихрем пронеслось у меня в голове, пока я посильнее затянулась и заметила, как брови Громова едва заметно поползли вверх.

— Да, — продолжила я. — Очень неспортивная получилась история. Материал был до последней запятой согласован с вашим пиар-менеджером.

Громов задумчиво на меня смотрел, потом усмехнулся и взгляд его вдруг потеплел. Его глаза оказались намного ближе, чем мог позволить мой инстинкт самосохранения. На очень опасном расстоянии. И я почувствовала, что, несмотря на все коллизии сегодняшнего вечера, готова бесповоротно в них раствориться. Господи, ну и дура же я! Надо немедленно уходить. Я надменно повернулась к Диме.

— Спасибо за приятный вечер, — выдавив из себя улыбку, сказала я.

— Да уж… — пробормотал он.

— Не буду отнимать у вас столь драгоценное время, — обратилась я к Громову. — Уже поздно. — Потом, помолчав, добавила. — Не могу сказать, что рада нашему знакомству. И все же… Всего доброго.

Я встала, чтобы уйти. И тут он снова меня удивил. Громов, увидев, что я встаю,

поднялся и сам. Меня опять охватило предательское волнение. Он сидел, вернее, уже стоял так, что я должна была пройти совсем рядом с ним. Никогда несколько шагов, которые я должна была пройти, не казались мне такими длинными. Я шла, гордо подняв голову, и… разумеется, споткнулась. Сумочка упала на пол, открылась, и ее содержимое рассыпалось по ковру. Громов одной рукой поддержал меня.

— Осторожней, — сказал он.

И наклонился, чтобы собрать рассыпавшиеся мелочи. Я тоже подняла пудреницу, выпавшую из косметички. И тут наши руки коснулись друг друга. Словно пробежал электрический разряд. Он посмотрел мне прямо в глаза, и я опустила ресницы. Быстро положила вещи в сумочку и пробормотала:

— Спасибо.

Затем повернулась и вышла. И только оказавшись за дверью этой гостиной, вновь обрела способность дышать. И ускорила шаг, чтобы быстрей оказаться на улице.

* * *

Оказавшись за порогом усадьбы, я почти побежала. Липы, которыми я раньше восхищалась, сейчас казались мне мрачными косматыми чудовищами, качающимися от порывов ветра, с гулким улюлюканьем они прогоняли меня со двора. Меня охватило чувство безотчетного страха, подгонявшего круче попутного ветра. И единственным желанием, доминировавшим над всеми остальными эмоциями, было желание скорее оказаться у Ксении дома, залезть в ванную и хорошенько отмыться, поскольку ощущение, что меня вымазали в грязи, неумолимо росло. Я бежала все быстрее и быстрее. Вот уже и дом Ксении, осталось каких-нибудь несколько десятков метров, и я попаду под его спасительную крышу, которая спрячет меня от всего мира.

Торопливо достав ключи, я наконец-то открыла тяжелую деревянную дверь. Зашла в коридор и медленно опустилась на пол. Закрыла лицо руками, приготовившись разразиться слезами, благо поводов было более чем достаточно. Но… поняла, что не смогу выдавить ни единой слезинки. Нет, плакать мне не хотелось. Эмоции, бушевавшие внутри, рвались наружу, ища способ вырваться из тесной оболочки. Я взяла фаянсовую вазочку для ключей и запустила ею в стену. Потом поднялась. Осмотрелась. Милый, уютный дом… Столько времени он успокаивал меня, дарил чувство покоя и защищенности. Но сейчас один вид его сводил меня с ума. Это было необычно и ново. Однако давало четкое понимание, что здесь я больше не могу оставаться. Казалось, что даже стены дома давили на меня и вынуждали к действию. Я быстро поднялась по лестнице к себе в комнату. И остановилась. Что же теперь делать? Сама мысль, что придется вскоре увидеть Диму, а возможно, и Громова, показалась невыносимой. И тут тягучую тишину дома разорвал телефонный звонок. Я стояла и смотрела на разрывающийся телефон. Конечно же, это Дима! Говорить мне с ним решительно не хотелось. Но все же я заставила себя взять трубку.

— Да… — отрывисто сказала я.

— Лера…

Предчувствие меня не обмануло, это действительно был Дима. Я уже стала медленно нажимать на рычаг, чтобы оборвать разговор, но, точно почувствовав мои намерения, он торопливо заговорил.

— Послушайте, мне очень, очень жаль. Я должен вам многое объяснить. Лера… Нам обязательно нужно встретиться и поговорить.

Я не представляла, о чем со мной может говорить Дима, точнее, что можно сказать в этой паршивой ситуации.

— Лера… Я же ничего не знал. Поверьте, я бы никогда…

— Все нормально, — услышала я свой глухой голос. — К тому же я…

Я очень отчетливо поняла, что хочу уехать отсюда. Прямо сейчас. Хватит с меня загородной идиллии. Я хочу затеряться в каменных джунглях!

— Лера… Можно я сейчас к вам приду?

— Нет! Уже поздно, я хочу спать. Завтра поговорим. Пока.

Я бросила трубку. А потом подошла к шкафу и вытащила свой чемодан. Несколько секунд я смотрела на него, словно давая себе последний шанс. Нет, оставаться мне не хотелось. Думать и анализировать тоже! И я стала укладывать вещи.

…Я выехала на дорогу, когда стало уже совсем темнело. И теперь, сидя за рулем своей старушки, могла хотя бы попытаться внятно объяснить свое бегство. Ибо, чего обманывать саму себя, я убегала не только из-за вечернего происшествия. О, конечно, у меня была масса причин для того, чтобы так поступить. Точнее, поводов. Поскольку причина была одна. И крылась она во мне. Я усмехнулась. Ну да, все причины того, что с нами происходит, всегда кроются в нас самих. Вот и сейчас, помимо того что мне было очень обидно, меня душила злость от нелепой встречи с человеком, который влез в грязных кирзовых сапогах в мою жизнь, мою профессию и между делом сломал ее. Человеком, послужившим причиной несправедливости, который вел себя, как зарвавшийся местечковый князек… видимо, он вообще всегда ведет себя так… В общем этот Громов — человек, в облике которого очень мало привлекательного. Но я четко понимала и другое… Меня безумно к нему тянуло! Такого я не испытывала никогда. И я бежала от самой себя. От этого лица, постоянно стоявшего у меня перед глазами, даже если их закрыть, и от осознания, что уж кто-кто, а Громов точно не герой моего романа. И мне надо держаться от него подальше! Да… Именно так я и сделаю. Как только приеду в Питер, сразу позвоню Жене с Петровичем. А потом… перейду на другой канал, если, конечно, место еще свободно.

И вот в этот самый торжественный момент, когда я уже была готова круто изменить свою жизнь, я постаралась вписаться в поворот. Но асфальт, мокрый от недавно прошедшего дождя, сыграл со мной злую шутку. Машину занесло, несмотря на все мои усилия спасти ситуацию. Руль перестал меня слушаться, и «старушка» на всей скорости неслась навстречу громадному дубу, стоявшему у дороги. Я в последний раз попыталась вывернуть руль, но безуспешно. В попытке спастись я дала со всей силы по тормозам. Они взревели, как реактивный двигатель и… все померкло, будто кто-то из небесной канцелярии выключил наконец свет.

ПРИВИДЕНИЕ СТАРОЙ УСАДЬБЫ

Первое, что я увидела, когда открыла глаза, были неясные, полуразмытые контуры какого-то лица. Я сощурила глаза, чтобы получше рассмотреть его. Но лицо, словно выплывающее из темноты, никак не обретало четкие очертания. Потом я услышала голос:

— Она приходит в себя.

— Да… Вроде бы все обошлось, — ответил ему другой голос.

Я постаралась более внимательно всмотреться в людей, находящихся возле меня. И тут даже не увидела, а скорее догадалась, что один из них Дима. Второй… Его узнать я пока не могла. Хотя именно этот человек взял меня за руку, и я вдохнула запах его одеколона. Это вызвало смутную ассоциацию… Именно такой одеколон был у Громова, я отчетливо запомнила его запах, когда мы вместе собирали мою косметику. Я еще тогда подумала, как верно он подобран и как органично вписывается в облик этого мужчины.

И я увидела руку, крепкую мужскую руку, а потом уже смогла различить и лицо. Это действительно был Громов. Он наклонился ко мне и шепотом приговаривал.

— Все хорошо… Теперь все будет хорошо. Врач сказал, что у вас нет серьезных травм. Только шок и растяжение ноги.

Он выглядел таким встревоженным, что я помимо воли попыталась улыбнуться. Он нежно сжал мою руку.

— Где я?

— У меня в доме. Не беспокойтесь. Скоро вы поправитесь. А сейчас… Доктор прописал вам полный покой.

Я не поверила в реальность происходящего. Я жива и относительно здорова, а Громов… Он точно по мановению волшебной палочки превратился в доброго и заботливого… Нет, определенно, я уже на небесах и Господь, видимо, решил выполнить мою самую заветную фантазию. Или же я сплю, и мне снится чудесный сон. Но тут я очень четко увидела Диму. Значит, я действительно жива и все происходит наяву. Я блаженно закрыла глаза и стала проваливаться в спасительный сон.

…Легкое дуновение разбудило меня. Я с трудом открыла глаза и оглянулась. Над кроватью неярким светом горел ночник. В комнате никого не было. И вдруг… Я услышала неясный шорох, будто некто едва слышно перемещался по комнате.

— Кто здесь? — испуганно спросила я.

Но ответа не последовало, только слегка колыхнулась штора на окне.

Я приподнялась на кровати. Наверное, сквозняк. Но тут рядом со мной что-то прошелестело настолько явно и отчетливо, что мне стало не по себе. Я вдруг припомнила рассказ Ксении о том, что в этом доме есть привидение. И сразу же сама себя оборвала. Чего только не померещится… Но шорох, будто шелестели бумажные листы, опять раздался совсем рядом со мной. А может, это и правда графиня? Женщина, которую убил муж и чья душа ищет успокоения?

Холодный пот липкими противными ручейками стал спускаться по телу… Сказать, что мне стало страшно, значит, не сказать ничего. Меня всю парализовало от ужаса. А вдруг это привидение пришло за мной? Не такая уж глупая мысль. Всякие их выкрутасы и ужасы бесчисленное количество раз тиражировало американское кино.

О господи, ну точно я головкой ударилась… Не хватало мне окончательно свихнуться!

Нужно взять себя в руки и подумать. Во-первых, и это скорее всего, дуновение и шелест были вызваны сквозняком. Наверняка забыли закрыть окно… Нужно только встать и проверить эту догадку. Я попробовала встать, но не смогла сделать и нескольких шагов. Нога, «закутанная» в лангету, предательски заныла, а потом дала о себе знать острой болью. Ну ладно… Будем надеяться, что утром мне станет легче и я смогу доковылять до окна.

А пока рассмотрим вторую версию. Допустим, я говорю только допустим, это действительно было привидение… Зачем ему куда-то меня забирать? Какой в этом смысл? Если рассуждать здраво, то никакого. А может быть, она приходила с другой целью? В том же кино призраки частенько обращаются к людям за помощью. Ладно, посмотрим с этой стороны… Чем я могу помочь ей? Давай, думай. Я журналист, обладаю аналитическим умом… Значит… Конечно, я могу, изучая этот архив, хотя бы попытаться пролить свет на ее исчезновение и, может быть, найти графиню и в конце концов предать ее тело земле. Да… Такая версия мне нравится… И, не успев додумать до конца эту мысль, я снова провалилась в сон.

…Негромкий шорох гравия от хождения по нему крупной собаки, крик чайки, доносившийся из полуоткрытого окна, неясными звуками пробивались сквозь мое еще сонное сознание. Потом я услышала, как радостно залаяла эта самая собака, видимо, увидев кого-то знакомого. А еще через мгновение веселый лучик солнца, залетевший ко мне в комнату сквозь приоткрытые шторы и решивший приземлиться у меня на лице, все-таки разбудил меня. Я зажмурилась, но лучик явно находился в игривом настроении и не собирался останавливаться на достигнутом. Он прыгал по лицу, исследовал подушку, и в конце концов я окончательно проснулась. В солнечном свете комната, где я находилась, показалась мне удивительно светлой и стильной. Над ней явно поработал хороший дизайнер, и я подумала, что даже в самых смелых снах я не могла себя представить в подобной обстановке.

Рядом с кроватью стояло модное кожаное кресло цвета шампанского, а на нем возлежал светло-персиковый халат из тончайшего натурального шелка. Рука сама потянулась за ним, я взяла его и с нежностью провела по нему рукой. Надо же! Сколько времени я мечтала о такой вещи. Но покупка такой приятной мелочи могла сожрать половину моей зарплаты.

Я немного приподнялась и накинула на плечи это шелковое чудо. Все-таки, что бы ни говорили философы, а именно бытие определяет сознание. И прав, бесконечно прав господин Жванецкий. «О какой свободе личности можно говорить, имея восемьдесят рублей в кармане». Вот и я об этом. Надев шелковый халатик потрясающего качества и цены, я почувствовала себя возрожденной к жизни. Несмотря на аварию, на больную ногу и на присутствие Громова, к которому я теперь вообще не знала, как относиться. Н-да, мужчины иногда не подозревают, как немного надо женщине для счастья. Или подозревают? И что мы имеем сейчас, счастливое совпадение или знак свыше?

Так, ладно, надо попробовать встать. Нога хоть и по-прежнему болела, но все же стала понемногу меня слушаться. Шаг, еще шаг… Боже мой, сколько шагов мы делаем в день и даже не задумываемся об этом. А вот стоит отлаженному механизму нашего организма дать сбой, как тотчас ты начинает ценить то, на что в обыденной жизни даже не обращаешь внимания. Я усилием воли заставляла себя двигаться по направлению к полуоткрытой двери, где, по моим догадкам, должны были находиться ванная и туалет.

Зайдя в ванную, я не удержалась и тихонько присвистнула… Дизайн в нежно-голубых тонах, с изысканной простотой и вкусом. «Просто удивительно, что дом, словно созданный

для любви, живет такой одинокой жизнью. Ведь ни сейчас, ни во время своего первого визита я не смогла заметить даже намека на присутствие женщины». Эта мысль вызвала у меня недоумение, хотя в то же время и показалась невероятно приятной. Но тут же промелькнула другая, уже куда менее приятная. «Интересно, а почему сам Громов шарахается от этого дома, как черт от ладана?» Тут моя нога дала о себе знать острой пронзительной болью, и я поспешила улечься обратно в постель.

Дверь открылась, и в комнату вошла Маша с подносом в руках.

— Доброе утро, — сказала она. И торопливо подошла ко мне. — Как вы себя чувствуете?

— Спасибо. Уже намного лучше.

Я улыбнулась Маше, очень уж милой и приветливой она выглядела.

— А я вам завтрак принесла.

Маша поставила передо мной поднос. Налила в чашку горячего ароматного кофе.

— Вам со сливками?

— Угу… — ответила я, откусывая тост с джемом.

Маша как-то вопросительно на меня посмотрела.

— Что-то не так? — спросила я.

— Нет, что вы… Просто мне нужно еще на кухню сбегать. А… вы сами справитесь? Я буквально на пять минут и вернусь к вам.

— Конечно, идите.

Маша уже подошла к дверям, когда я вспомнила о своем чемодане, который наверняка почил в бозе вместе с машиной… А ведь там все мои шмотки. И все же… неплохо бы уточнить.

— Маш… Если вам не трудно, узнайте, что стало с моими вещами.

— Хорошо, — ответила девушка и выскользнула из комнаты.

Вскоре она появилась, неся мне журналы, несколько книг и дисков.

Все верно, раз уж мне придется здесь болеть, нужно это делать с комфортом. Я просмотрела то, что принесла мне Маша. Журналы исключительно дамские, романы — любовные, на дисках были записаны какие-то мелодрамы. Забавно… Тот, кто составлял этот набор, имел довольно своеобразное впечатление о женских пристрастиях. А может быть, ориентировался на вкус той, которая прежде здесь жила… Но вот среди этого меда и патоки мне попался совсем не вписывающийся сюда фильм. И назывался он «Извините, вы ошиблись номером». Я даже удивилась, увидев его здесь. Это фильм 1948 года с Барбарой Стенвик в главной роли. Вот уж не думала, что в усадьбе есть любители старого американского кино.

Тут мои размышления прервало появление Димы.

— Лера! Ну как вы? — раздался голос от порога.

Я обернулась и радостно улыбнулась ему. Я действительно была рада его видеть. И махнула рукой, предлагая присесть в кресло рядом со мной. Дима не заставил просить себя дважды. Он сел и протянул мне коробку дорогих шоколадных конфет.

— Ого! — воскликнула я. — Как вы узнали?

— О чем?

— Я ужасная сластена и постоянно борюсь с собой.

— Напрасно. Ешьте в свое удовольствие.

Он наклонился ко мне.

— Я счастлив вас видеть. И теперь, надеюсь, надолго.

— Почему?

— Когда вчера вечером Матвей привез вас к нам…

— А как он меня нашел?

— Точно не знаю, но могу предположить. Вечером он собирался уехать в Питер. Мы обсудили некоторые вопросы, и Громов посчитал, что и так достаточно долго пробыл в усадьбе. Так вот… Поскольку дорога одна, то он и увидел вас, врезавшуюся в дерево. Он привез вас сюда, и мы сразу же вызвали врача. Впрочем, даже наших скромных познаний в медицине хватило, чтобы понять, что ничего серьезного с вами не произошло. К счастью! К нашему большему счастью. Врач подтвердил наши предположения. Он сказал, что у вас растяжение и вам обязательно нужно вылежать. Переезд крайне нежелателен.

Я ничего не сказала и только едва заметно улыбнулась.

— Принести вам чай или кофе?

— Нет, спасибо, пока не хочется.

— Если что-нибудь понадобится, сразу говорите Маше, не стесняйтесь. Ах да, Лера… Ваши вещи… Они не в лучшей форме. Но кое-что сохранилось и сейчас лежит в гардеробе.

— Спасибо, Дима, вы настоящий друг. Скажите… этот чудный халат, он чей?

— Ничей. У нас есть некоторые вещи, которые мы держим, если неожиданно приедут гости.

— И часто они приезжают?

— Раньше часто приезжали. Сейчас я больше предпочитаю сам ходить по гостям.

— А почему?

— Так получилось, Лера.

Дима опять замкнулся в себе. И я поняла, что мое любопытство по крайней мере неуместно.

— Извините, похоже, я вступила на запретную территорию.

— Не в этом дело. Когда-нибудь вы все равно узнаете, просто сейчас я не готов к этому разговору.

— Речь о женщине? О хозяйке этого дома?

— Да… Речь о моей сестре, — он помолчал и потом добавил: — О жене Громова.

Я во все глаза уставилась на Диму. Не знаю почему, но даже сама мысль, что Громов женат, мне в голову не приходила. Все-таки я идиотка! Богатый мужик, неглупый, пусть и со скверный характером… Почему он должен быть холост? Такие кадры очень даже востребованы на рынке потенциальных мужей… Но постойте! А где же жена? Ведь Дима обмолвился, что она уже давно здесь не живет! Хотя… что в этом удивительного? Наверное, она в Питере. Или в Москве. А может быть, в другой столице мира. В конце концов, что ей делать в богом забытом Выборге?

И тут я поняла, что никак не сопоставила полученную информацию с действительностью. Дима ведь сразу мне сказал, что хозяин купил этот дом два года назад для жены. Но, позвольте… Я не сопоставила, поскольку у меня даже не возникло ощущения присутствия в этом доме женщины. Да и Дима все время подчеркивал, что она жила здесь раньше, год назад, а потом… А вот что случилось потом, он как раз-таки и не торопился говорить. И все же, Стрелкина, ты непроходимая идиотка! Я откинулась на подушку и чуть заметно отвернулась. Дима расценил это по-своему.

— Ну ладно. Я вас и так утомил. Отдыхайте.

Он ушел, и я была благодарна ему за это. Я и в самом деле, чувствовала себя, точно выжатый лимон. Итак, мужчина из моего сна… Господи, как же все банально вышло. Я увлеклась женатым мужиком. Или не увлеклась? Или еще могу контролировать ситуацию? Да нет… Судя по всему, уже не могу… Говорят, что все когда-то происходит впервые. Так и со мной, видимо. До сих пор у меня было несколько жизненных установок, которые я старалась не нарушать. И не потому, что отягощена высокой нравственностью и нормами морали, а исключительно из любви к себе, любимой. И одна из этих установок — не заводить романов с женатыми мужчинами. Все равно путного ничего не выйдет, а головной боли будет столько… Я вдоволь насмотрелась на это в нашей богемной свободной среде, когда еще был жив отец.

Отец не был человеком строгих нравственных правил. И в отличие от многих мужчин, которые заводили интриги с девушками свободными, он, наоборот, предпочитал женщин замужних, считая, что с ними у него будет меньше проблем. Иногда я встречалась с ними в мастерской, и они, пытаясь произвести на него более выигрышное впечатление, сюсюкали и заигрывали со мной. У отца это вызывало лишь снисходительную усмешку. А я… Я относилась к этим дамам вполне спокойно. Даже будучи ребенком, понимала, что опасности для моего маленького, недавно выстроенного и тщательного охраняемого мирка они не представляли. В основном «дамы от искусства» были просто смешны, а иногда и откровенно нелепы. К тому же основные действия и разборки этих любовных историй для меня оставались за кадром. Мне даже нравилось, что отец пользуется таким вниманием у женщин, они вьются вокруг него, точно мошки… И все же… Он был верен маме и не собирается приобретать мне какой-то там заменитель и разрушать нашу идиллию, хрупкую, как фарфоровая ваза. Идиллию, которую он же сам и построил у нас дома. Я рассматривала его женщин, а потом, когда они уходили, отца часто тянуло на откровенные разговоры «про жизнь».

— Белка, сто раз подумай, нужен ли тебе роман с женатым? Такой головняк… Лучше обойди это дело десятой дорогой. Но главное, Белка, запомни: мужики и сами-то не очень уважают баб, которые связываются с женатыми.

— А если это любовь? Тогда как?

— Любовь — это красивое слово. Им удобно обзывать любой порыв плоти. Поэтому не нужно путать Божий дар с яичницей. Любовь, настоящая любовь — один случай из тысячи… И тогда тебе самой все станет понятно и без моих сентенций. А я говорю о другом. Ты, Белка, из тех, кто не станет заниматься самообманом, поэтому быстро разберешься, где любовь, а где так… Просто послушай меня и обходи некоторых товарищей стороной.

Что я, собственно, и делала. Старалась изначально не создавать условий, где мог бы развиться такой роман. Мои коллеги на работе это знали и хоть считали придурью, но уважительно относились к моим заскокам. А потом появился Макс, и вопрос был исчерпан. Макс… Красивый мальчик… Красивый фантик… Что-то в груди отдалось слабой, но уже глухой болью. Пройдет еще совсем немного времени, и Макс станет для меня воспоминанием. Мои мысли плавно текли, медленно переходя с одного предмета на другой, незаметно обволакивая меня и погружая в состояние полудремы.

…Я не знаю, сколько я проспала. Но вот рядом со мной что-то прошелестело, будто некто прошел совсем близко, оставив после себя едва заметное колебание воздуха. Я открыла глаза, в комнате было темно. И снова раздался шелест… Но звук уже отдалился и доносился откуда-то от окна. Я включила ночник. Никого. И вдруг я увидела, как

заколыхалась штора. Оцепенев от ужаса, я некоторое время лежала, зажмурив глаза. Потом вдруг раздался звук распахивающегося окна. Но ветра я не почувствовала!

Я вскочила. Что мне теперь делать? Может быть, позвать на помощь? Но кого? И кто мне поверит, что в наше время по дому бродит привидение? В лучшем случае решат, что я просто истеричка, тяжело переживающая последствия посттравматического шока, а в худшем… конечно, подумают, что у меня едет крыша.

Нет, нужно подойти к этому окну и посмотреть, в чем, собственно, дело. Нужно… Да только очень страшно. И все же я набросила халат и пошла к окну. Оно действительно было открыто, и здесь чувствовались порывы ветра. Я улыбнулась. Все оказалось очень просто, и нет в усадьбе никаких привидений. Я уже хотела закрыть окно, как до меня донеслись голоса — Димы и Громова.

— Я же запретил тебе вспоминать ее! Даже имя запретил произносить! — угрожающе сказал Громов.

— Да чего ты, точно с цепи сорвался! Вернется она! Вот увидишь. Дай время, и все устаканится. Перебесится и прибежит! В первый раз, что ли?! Ты еще будешь иметь счастье лицезреть явление блудной жены.

— Заткнись! Это тебя вообще не касается!

— А что меня касается? Твой вечно недовольный вид? В чем ты постоянно меня подозреваешь?

Громов на секунду запнулся, но, видимо, взяв себя в руки, продолжал.

— О своих подозрениях я скажу, когда смогу доказать их. А теперь послушай меня внимательно. У меня появилась причина довести это дело до конца. Я хочу выяснить, где она. Меня не устраивают ее открытки с разных концов света!

— Зачем?

— Я хочу знать, что с ней все в порядке.

— С ней все в порядке, можешь мне поверить. Даже более чем. Просто…

— Что просто?

— Она на тебя зла. Вот и весь сказ.

— А пока она зла, ты преспокойно пользуешься ее счетами?

— Да пошел ты! Хочешь выгнать меня?! Так давай — действуй! Зачем устраивать такие сложности? Подозрения! Перепроверки счетов! Тебе не нравится, как я слежу за домом?

— Мне многое не нравится. Но пока Анна жива, ты имеешь полное право находиться здесь. Запомни — пока!

И я услышала звук его удаляющихся шагов, а затем и отъезжающей машины. Вот так… Он уехал и вряд ли скоро сюда вернется. Сон слетел, будто его и не было. Я доковыляла до кровати, взяла сумочку и вытащила сигареты. А потом села в кресло и с наслаждением закурила.

Интересное кино у нас получается. Жена Громова пропала, это ясно как божий день. Дима убежден, что она скоро вернется. Громов в этом не уверен, хотя и не скрывает, что ждет ее. Более того, он даже не позволяет произносить ее имя! Точно она святая! И что это означает? Что он ее до сих пор любит. Причем сильно. И именно поэтому не разрешает Диме — здоровому взрослому мужику — приводить сюда женщин. Интересно, давно ли исчезла жена Громова? Судя по разговору, не очень. Значит, об этом должны были писать…

И меня словно по голове стукнуло — пресса! Может быть, в этом кроется неприязнь Громова к журналистам? От обилия версий просто голова шла кругом. Я все перебирала и

перебирала различные толкования случайно услышанного разговора, но так и не смогла найти объяснения, которое свело бы в единое целое разрозненные кусочки мозаики.

Пепельница наполнялась окурками, а я все никак не могла навести порядок в мыслях. Рука сама потянулась за очередной сигаретой. Вдруг моя сигарета погасла, и рядом едва слышно прошелестело нечто. Я вздрогнула и посмотрела на часы. Половина четвертого утра. Самое время для призраков. Мне стало не по себе. Шевеление воздуха становилось все отчетливее и отчетливее. Я уже ничего не понимала… Что она от меня хочет? Чтобы я уехала отсюда? Но привидение не соизволило мне ответить. Догадайся, мол, сама, девушка. Может, я хочу выжить тебя из дома, а может, я тебе доверяю и прошу помощи — докопайся до сути той старинной истории. Да уж… Второй вариант моей романтической натуре нравился значительно больше. Но как бы то ни было, уже поздно. Утро вечера мудренее. И при этой мысли я услышала, что в комнате стало тихо. Я погасила свет и провалилась в сон.

ТАЙНА СИНЕЙ БОРОДЫ

Маша поставила поднос с завтраком на столик, а сама, пока я воздавала должное искусству кухарки, принялась поправлять мою постель. Я же старалась как можно незаметней наблюдать за девушкой. И наконец решилась задать ей некоторые вопросы.

— Маша, а вы давно работаете в этом доме?

— Несколько лет.

— Вы знаете, я, когда только в поселок приехала, слышала историю, что в этой усадьбе водится привидение…

— Да сплетни это! Я вот ни разу с ним не сталкивалась.

— И хозяйка ваша ничего не рассказывала?

— Нет, не помню. Она вообще со мной особо не разговаривала. Я свою работу выполняла и ладно.

— Давно она уехала?

Маша пожала плечами и задумалась, а потом внимательно посмотрела на меня.

— Где-то год назад примерно. Они тогда с хозяином крепко поссорились. Он так кричал на нее… я вообще раньше его таким не видела. А Анна Сергеевна выбежала из дома, села в машину и все… Больше ее не здесь не видели.

Я ничего не сказала. Один вопрос давно вертелся у меня на языке, но я все не решалась задать его. Наверное, оттого, что боялась услышать ответ. И все же решилась.

— Маш… А она красивая была?

— Очень. Хозяин любил ее без памяти. Когда она убежала отсюда, он и сам почти перестал к нам приезжать. Вот Дмитрий Петрович и блюдет все.

Я подошла к кровати, легла и закрылась одеялом почти до самых глаз. Видеть мне никого не хотелось. Я получила исчерпывающие ответы на все свои дурацкие вопросы и теперь могу с мазохистским удовольствием «переваривать» их.

— Вам плохо? — участливо напомнила о себе Маша.

Я отрицательно покачала головой. Мне не плохо, мне сверхпаршиво. Я только что узнала, что Громов был женат на красавице и безумно любил ее. Хотя почему был женат и почему любил? Наверняка любит до сих пор. Ведь сама слышала, что он ее ждет. И тут у меня в голове словно высветилось что-то. Жену Громова звали Анна Сергеевна, а у Димы отчество Петрович. Не правда ли, странновато для брата и сестры? Хотя родственниками они могли быть по матери, а отцы у них разные. Такое бывает.

— Когда вам станет лучше, вы можете пойти посмотреть картины. У нас до сих пор висит ее портрет. Анна Сергеевна на нем очень хороша, — продолжала тему словоохотливая Маша. — А вообще там много картин, некоторые еще от прежних хозяев остались, а некоторые — от Дома творчества.

— Хорошо, Маша, обязательно покажете мне их. А сейчас поставьте, пожалуйста, этот диск.

И я протянула ей диск с отобранным мною фильмом. Маша выполнила мою просьбу и удалилась. Я смотрела «Извините, но вы ошиблись номером», виртуозный психологический триллер, и впервые ощущала некое родство с главной героиней. Хотя бы в том, что и она, и я были ограничены в передвижении болезнью.

— Любите Барбару Стенвик? — услышала я голос Громова.

Я обернулась к нему и улыбнулась.

— Проходите. Я не думала, что кто-то еще смотрит эти ленты.

— Ну почему же… Я люблю американское кино именно тридцатых и сороковых годов. Не зря его называют «Золотой век Голливуда», — ответил Громов. — А как вы себя чувствуете? — спросил он и посмотрел на меня если не с нежностью, то все-таки очень тепло.

— Лучше. Уже намного лучше. Присаживайтесь, — пригласила его я.

И невольно перевела взгляд на экран. Сколько раз смотрела этот фильм и каждый раз открывала в нем новые грани. Особенно в характере главной героини. Это был удивительно точно созданный образ женщины, пользующейся своей красотой и деньгами для того, чтобы использовать людей и манипулировать ими. Не знаю, бытовало ли в те годы столь популярное нынче слово «манипулятор», но авторам фильма удалось создать именно такой, очень впечатляющий образ. И все же… Финал картины и смерть героини производят ошеломляющее впечатление.

— Ей всегда удавались роли роковых женщин, — озвучил мои мысли Громов.

Наши глаза встретились, и мы с пониманием посмотрели друг на друга. Так, будто читали одну книгу и совпадали до мелочей в восприятии прочитанного.

— Да… — согласилась я. — Этот фильм по праву считается ее триумфом. Она создала исключительный характер. Я всегда удивлялась, как точно она сыграла женщину, привыкшую только брать, причем брать то, что ей нравится, не оглядываясь ни на кого, воспринимая это как должное! И ничего не давать взамен. И даже в последние минуты, когда она еще могла спастись, она опять ждала, что придет муж и все сделает за нее.

На губах Громова промелькнула едва заметная улыбка.

— А вам не нравится такой характер?

— Нет. Мне больше по душе борцы. Женщины, которые могут сами принимать решения и нести за это ответственность. Живые… Настоящие.

— Да… — еле слышно проговорил он. — Это на вас похоже. — Потом помолчал и спросил: — Какие фильмы вы еще любите? У меня хорошая фильмотека, и я мог бы сказать Маше, чтобы она принесла вам диски.

— Если у вас есть «Трамвай желания» с Вивьен Ли, то буду очень вам признательна, — ответила я.

Он с удивлением на меня посмотрел. Отчего-то мой выбор показался ему несколько необычным и даже, можно сказать, неожиданным. Наверное, он считал, что женщина, кроме «сиропа в шоколаде», ничего другого смотреть не может.

— У вас хороший вкус, — отметил Громов. — Сейчас об этом фильме даже и не вспоминают.

— Ну почему… Я не могу с вами согласиться. Знаете, есть картины вне времени. Они просто не могут никого оставить равнодушными. Когда их смотришь… в душе что-то переворачивается. И наступает просветление. Таким, в принципе, и должно быть искусство. Во всяком случае, я это часто слышала от отца и его друзей.

— Ваш отец, кто он был?

— Художник.

— А-а. Понятно, — поморщился Громов.

Да ничего тебе не понятно! Не знаю почему, но у многих людей при словах художник, артист, писатель возникает мысленный портрет эдакого непризнанного гения, который

только и занимается тем, что глушит водку и прожигает жизнь. А еще этот непризнанный гений досаждает всем кому не лень и попутно творит свою нетленку. Громов, кажется, не был исключением из этого правила, во всяком случае, то, как он едва заметно поморщился, услышав, кем был мой отец, говорило лучше всяких слов. И мне ужасно захотелось крикнуть, что отец, как и многие его коллеги, был большой труженик, что часто он отходил от холста в полном изнеможении и на прожигание жизни у него уже не оставалось ни времени, ни сил.

Мы замолчали. И чтобы прервать эту паузу, я сказала то, что собиралась произнести сразу.

— Я рада, что вы пришли и я могу лично поблагодарить вас. Если бы не вы…

— Ну что вы, — перебил он меня твердо. — Не о чем говорить! — Он немного помолчал, словно раздумывая, о чем со мной можно еще побеседовать, но потом, видимо, нашел тему. — С вашей машиной все в порядке. Она сейчас в мастерской, и к концу недели вы сможете ее забрать.

— Благодарю вас, — сказала я. — А почему…

— Что?

— Почему вы привезли меня сюда? Могли ведь просто доставить в больницу…

— Мог. Но… когда понял, что с вами не произошло ничего серьезного, решил, что в домашней обстановке вы быстрее пойдете на поправку.

— А если честно? — спросила я и в упор посмотрела на Громова.

Он лишь усмехнулся, а потом покачал головой.

— Вы были очень беззащитны… И… трогательны.

— Могу себе представить!

— Лера… Мне кажется, нам надо объясниться. Я действительно недолюбливаю журналистов и, поверьте, имею на это веские основания. Но я не хотел причинить вам боль.

— Просто действовали по ситуации, — не удержалась и съязвила я.

Громов ухмыльнулся, видимо, решив, что обижаться на меня не стоит, потом попросил:

— Расскажите, что с вами произошло. Я имею в виду — на работе.

Не знаю почему, но я откровенно и спокойно рассказала ему историю моего увольнения, а потом и то, что удалось раскопать Жене. Громов внимательно слушал, ни разу не перебив меня.

— Мне очень жаль, — сказал он, когда я закончила рассказ. — Правда жаль. Но мне даже в голову не приходило, что дело может иметь такой оборот.

— Мне, честно говоря, тоже.

— Может быть, мое вмешательство теперь…

— Ни в коем случае! — перебила я

— Ну-ну, — протянул он и переменил тему. — Скажите, а как вы отнесетесь к предложению все-таки изучить найденный в усадьбе архив?

Громов внимательно на меня смотрел, а я только диву давалась, какая мощная, можно сказать, даже звериная энергетика шла от этого человека, его глаза словно просвечивали рентгеном мою душу, заставляя все внутри переворачиваться. чувствовала себя, как кролик, сидящий перед удавом не в силах ни пошевелиться, ни противиться ему.

— Вы думаете, вам понравится эта работа? — вернулся он к своему вопросу, но уже с другой стороны.

— Не знаю. Нужно вначале все посмотреть… Хотя… архивы — это всегда интересно.

— Замечательно. Давайте договоримся с вами следующим образом. Как только доктор

позволит вам встать, вы займетесь архивом. Поработаете месяц, а дальше решите для себя: нужно вам это или нет. Согласны?

Я кивнула: конечно, согласна. И тут же подумала, вот он, ярчайший пример женской логики. Сколько раз я говорила себе: чем скорее покину усадьбу, тем лучше для меня; самое разумное, что я могу сделать, — это держаться от Громова как можно дальше. И что? Стоило ему произнести заветное «останьтесь», как я тут же забыла о своей рассудительности! Громов прервал мои мысли.

— Давайте сразу решим финансовый вопрос. Полторы тысячи евро за этот месяц вас устроит?

— Вполне, — ответила я, а про себя подумала: «Еще бы!» А гадкий внутренний голос добавил: «Ага! Наш герой еще и не скуп!»

Громов встал. Он, видимо, счел, что, поскольку все вопросы решены, то нечего возле меня рассиживаться.

— Всего доброго, Лера, — сказал он. — Вам нужно больше отдыхать, так что не буду вас утомлять.

Я посмотрела, как его коренастая фигура двигается к дверям. Вот и все. И что ты сама себе придумала? Ничего нет и быть не может.

ЗАГАДКИ ГРАФСКОГО АРХИВА

В одной руке я держала пылесос, стараясь придать Ксениному ковру вид свежести и чистоты, а другой размешивала в ведре средство для чистки ковров. Одним ухом слушала жужжание пылесоса, а другим прислушивалась к звукам проезжающих машин, стараясь не упустить один — самый важный. Звук тормозящей возле дома машины, означающий, что Ксения наконец-то добралась. Я изо всех сил занималась уборкой, стараясь не ударить в грязь лицом перед старшей подругой. Поэтому вот уже часа два наводила марафет в доме. Наконец, придирчиво осмотрев то, что Ксения гордо называла ковром, и почувствовав удовлетворение от проделанной работы, я выключила пылесос, убрала его в шкаф и пошла на кухню проверить жаркое, томившееся в духовке.

Но тут мой взгляд «зацепился» за сюжет в новостях. Репортаж был сделан отменно. Я притормозила и стала смотреть на экран. Работал молодой паренек, но дело свое он знал четко. И сюжет вышел что надо. Я поняла, что безумно, безумно соскучилась по своей работе, по суете и убыстренным ритмам жизни, царящим в редакции. Но… в то же время я была уверена, что пройдет немного времени и я вернусь на телевидение. А пока я подумала, что мне нужно будет обязательно рассказать Ксении, как прошли мои две недели в усадьбе, пока я исполняла обязанности архивариуса. И я расскажу ей о Громове. Обязательно расскажу. И, может быть, она даст мне дельный совет.

Но это потом, а сейчас нужно вытащить мое жаркое, пока оно не превратилось в угли. Во всяком случае, запах уже разносится по всему первому этажу.

* * *

Громов передал мне диски с фильмами через Машу и уехал почти сразу после нашего разговора. И видела я его еще только один раз. Я мечтательно улыбнулась. Эта встреча… Она до сих пор никак не забывается, и при каждой удобной минуте услужливая память все возвращает меня к ней.

…Я уже начала понемногу передвигаться по дому. Правда, далеко ходить еще не могла, но все же иногда я добредала до маленькой гостиной и там пила кофе, рассматривая сад, открывающийся прямо за окном. В тот день я сидела на маленьком диванчике и просматривала некоторые документы из архива. Валяться просто так мне уже надоело, и я решила заняться делом. Раз уж договорились, что я разберу архив, так зачем с этим тянуть? Тем более что некоторые записи были очень даже интересны. Вот, например, буквально сегодня мне попались откровения какой-то дамы. Видимо, это были странички ее дневника: «В. стал несносен. Нужно объясниться с ним». «Он меня пугает. Что же теперь делать?» Интересно, кому принадлежали эти откровения?

Но тут дверь в гостиную открылась, и на пороге возник Громов. Выглядел он очень неплохо в светло-синих джинсах и бежевом свитере, который так шел к его глазам. Он, улыбаясь, подошел ко мне.

— День добрый, Лера.

— Добрый, добрый.

— Как вы здесь?..

— Отлично.

Он внимательно оглядел меня, а потом перевел взгляд на бумаги, лежащие на столике передо мной.

— Что это? — спросил Громов.

— Бумаги из архива. Читаю их понемногу.

— Чуть стало получше, и вы сразу взялись за работу? — тепло спросил он.

— Да… И знаете, мне понравилось изучать архивные документы, старые записи… Такое ощущение, будто перед глазами проносятся живые зарисовки прежней жизни. Я вижу этот дом не таким, каким он стал сейчас, а прежним… — Я замолчала, а потом повернулась к Громову и призналась: — У вас прекрасный дом… Ничего лучше я в жизни не видела.

Он посмотрел на меня долгим непонятным взглядом, а потом взял и накрыл мою руку своей. Ничего особенного в этом жесте не было, но… У меня возникло чувство некоего единения, которое вдруг охватило нас. Мы молчали, и я, не удержавшись, искоса взглянула на него. Громов улыбался. А потом чуть-чуть сжал мою руку.

— Раньше я хотел отреставрировать его, даже нашел прежние чертежи… — наконец сказал он.

Я молчала, понимая, что одно непрошенное слово, один нелепый, неловкий жест, может разрушить то хрупкое и почти эфемерное, что соединяло нас в данную минуту.

— Но потом… Все так закрутилось… А ведь здесь родились мои предки.

— Может быть, вы еще вернетесь к своим планам? — рискнула сказать я.

— Может быть… Все может быть… — задумчиво произнес он.

Мы опять помолчали. И снова первым тишину нарушил Громов.

— А я ведь шел к вам с конкретным предложением…

— С каким?

Он смутился. Я попыталась что-нибудь прочесть по его лицу. Нет, на признание в любви, даже косвенное, или что-нибудь в этом духе я не рассчитывала. Здесь, скорее, дело в другом. Нечто, что ему ранее казалось ясным и прозрачным, теперь почему-то кажется немного двусмысленным.

— Я хотел предложить съездить в магазин. Ну и развеяться немного.

«Да уж… — подумала я. — Можно было ожидать чего угодно, но… А впрочем, что здесь удивительного? Вещи мои испорчены… И я сама хотела в ближайшее время, как только мне станет лучше, поехать в Выборг и купить себе какие-нибудь тряпки».

Тут я поняла, что мое молчание слишком уж затянулось и нужно хоть что-то ответить, ведь Громов-то ждет, вон как сосредоточенно разглядывает носки своих кроссовок.

— Звучит заманчиво… Только мне много ходить еще нельзя.

— А мы и не будем. Как только устанете, сразу вернемся.

Было очевидно, что Громов явно чувствует себя не в своей тарелке. Да, Ксения была права, нельзя быть джентльменом только на пять минут, вот он и решил продержаться максимально долго.

— Лера… — вновь заговорил он. — Вы будете работать в этом доме… Я не могу позволить, чтобы вы испытывали неудобства. К тому же вам действительно нужно немного развеяться. Давайте совместим приятное с полезным.

— И что будет приятным в этой поездке?

— Поход в магазин. А ложкой дегтя, думаю, мое общество.

Я изумленно посмотрела на него, он нисколько не кокетничал. Он действительно

считал, что я с трудом переношу его и терплю только потому, что нахожусь в его доме. Я невольно улыбнулась. До чего же глупы иногда бывают самые умные мужчины! Как подростки на своей первой дискотеке — стоят и переминаются с ноги на ногу, не решаясь пригласить на танец девочку, которая им нравится. Ну да… Она ведь может отказать, да еще и на виду у всех. А этого хваленое мужское самолюбие перенести уже никак не может.

Волна нежности, накатившая на меня по отношению к этому сильному и в то же время, как мне казалось, ранимому и очень уязвимому мужчине, почему-то смешивалась с нотками жалости. О нет, не с той, которая унижает человека, а с той, про которую мне однажды сказала наш редактор. На мой вопрос: «Трудно ли прожить с мужем столько лет вместе?», она ответила: «Нет. Я ведь жалею его». «Жалость унизительна!» — воскликнула тогда я; «Да что вы, Лера! Я его люблю и, значит, жалею». Вот я и поняла, что жалость бывает двух видов. И подчас замещает собой другое слово — забота. Поэтому сейчас, глядя на Громова, я поняла, что даже если бы и вовсе не могла ходить, то все равно бы согласилась поехать с ним. Только чтобы побыть немного с ним вдвоем.

— А поехали! — сказала я. — Давайте и вправду чуть развлечемся.

Громов кивнул, весь его вид лучше всяких слов говорил, что он очень рад моему решению. Создавалось впечатление, будто у него гора свалилась с плеч.

— Подождите немного. Я переоденусь и спущусь к машине.

* * *

Я шла к машине и думала, какой же сегодня чудесный день. Осенний солнечный день, точно посланный нам по спецзаказу свыше. Едва я подошла к джипу, как Громов галантно открыл передо мной дверцу и помог сесть на заднее сиденье, на наиболее безопасное место, где я с комфортом и устроилась. Пока мы ехали, я могла внимательно наблюдать за Громовым. Мне нравилось, как он ведет машину. Неторопливо и уверенно. Да и весь его облик словно излучал спокойную силу. Я откинулась на спинку сиденья и почувствовала небывалое чувство умиротворения. И даже не заметила, как мы приехали, пока Громов не притормозил и не повернулся ко мне.

— Я не очень разбираюсь в одежде. Тем более женской. И… не могу ручаться, что вам понравится магазин.

Я посмотрела на витрину. Похоже, в Выборге это было что-то вроде самого крутого бутика. Во всяком случае, название было громким: «Галерея моды».

— Не волнуйтесь, лишняя пара джинсов здесь обязательно найдется. А если повезет, то и парочка рубашек.

Громов улыбнулся.

— Тогда пойдемте? — сказал он и протянул мне руку.

Когда-то в одной книге я прочитала, как героиня вложила свою ладошку в руку героя и между ними пробежал разряд. Возникло эдакое волшебство. Но в моем случае, увы, этого не произошло. Никакого электричества. Все было накрепко заземлено. Зато возникло нечто совершенно иное. Мне до умопомрачения захотелось его поцеловать. И чтобы хоть как-то отвлечься от этого острого желания, я сказала.

— Идемте, а то раскупят все наши эксклюзивы…

Он помог мне выйти из машины и, поддерживая под руку, повел в магазин. Едва мы

вошли, как к нам подбежали две продавщицы.

— Что желаете? Можем мы вам чем-нибудь помочь?

Мне стало смешно. Этот магазин с дорогими туалетами, эти девушки, стремившиеся раскрутить клиентов и «облизать» их с ног до головы, поскольку они явно при деньгах и могут оставить энное количество здесь, отчего девушкам перепадут приличные чаевые, показались мне полузабытыми отголосками какой-то пьесы. Я бегло осмотрела ассортимент, который щедро предлагал мне магазин. А Громов тем временем отошел в сторону и достал мобильный. Ну да! Вот что мне это напоминало! Типичная сцена из дамского романа; груда нарядов и услужливые продавцы играли роль побитой молью и временем декорации. Забавно… Вот уж чего-чего, а подобного я и представить не могла, когда соглашалась ехать с Громовым. Да, Стрелкина, нет у тебя привычки ходить по дорогим магазинам!

Но Громов не усмотрел ничего особенного в этом действе. Напротив, всем своим видом показывал, что нужно терпеливо переждать, пока женщина насладится примеркой нарядов. И уж коли так карта легла, то по возможности использовать время с толком. Я улыбнулась. Где я читала, что по первым ласкам возлюбленного вы можете узнать обо всех эрогенных зонах вашей предшественницы?

Не помню. Неужели я сама до этого додумалась? Во всяком случае, теперь я могу живо представить, каким образом любила развлекаться его жена.

Жена… Очарование этого дня улетело, как легкая дымка. И я вернулась на землю. Что я здесь делаю? Среди этих совершенно чужих и не нужных мне нарядов? Платьев, которые я никогда не носила, не умела носить и вряд ли когда-нибудь научусь.

Громов закончил разговор, отключил мобильный и повернулся ко мне. Он улыбался, точно мальчишка, купивший на последнюю десятку мороженое девочке, которой вчера нес домой портфель. Он так искренне радовался тому, что может сделать мне приятное… В общем, у меня не достало духа сказать, что этот магазин не моего калибра.

Я осмотрелась. Должно же здесь быть хоть что-то, что я могу надеть и не чувствовать себя куклой, сошедшей с витрины. Я неторопливо прошлась вдоль стройных рядов вешалок. Две продавщицы чинно следовали за мной, ловя малейший признак волеизъявления. Наконец я увидела милые черные брюки, рубашку, выполненную из тончайшего материала в тонкую черную и золотую полоску. Я взяла эти две вещи и ушла с ними в примерочную. Надела и… Мне показалось, что на меня смотрит совсем другая женщина. Я даже невольно залюбовалась собой. А потом, набравшись храбрости, вышла из примерочной. Громов стоял и терпеливо ждал моего появления. Рядом с ним, точно часовые, не покидали свой наблюдательный пост продавщицы. Едва я появилась, как они в один голос защебетали:

— Чудесно! Восхитительно. Вам очень идет.

И тут я увидела улыбку Громова. Он смотрел на меня так, будто увидел впервые.

— Вы действительно хорошо выглядите.

— Я рада, что вам понравилось. И ваши муки закончились.

— Почему муки?

— Так… Мне показалось, вы не любите магазины. Я выбрала, что хотела, и мы можем идти

— Ну нет. Примерьте еще что-нибудь.

Продавщицы смотрели на Громова так будто он исполнял роль Мессии, сошедшего на землю. Одна из них подошла ко мне.

— Позвольте предложить вам платье. Оно вам пойдет.

— Я не ношу платья.

— А вы примерьте. За примерку денег не берут.

Женщина с пониманием посмотрела на меня и заговорщически улыбнулась. И мне на секунду стало стыдно за свои мысли в отношении этих девушек. В конце концов, это их работа. И они ее выполняют, как могут, точнее, как умеют.

— А, ладно! Давайте сюда ваше платье.

Платье оказалось действительно очень красивым. Светло-серого цвета, почти пепельное. Классического покроя, подчеркивающее фигуру, длиной до середины икры. К нему мне услужливо предложили туфли. Когда я это надела… До меня окончательно дошел смысл фразы «выглядеть на все сто». Цвет платья подчеркивал цвет моих глаз, а его фасон показывал в выигрышном свете мою фигуру и скрадывал все недостатки.

«Что ж… Правы классики, когда говорили, что женщину делает одежда».

Громов, увидев меня, произнес только одну фразу:

— Лера, позвольте пригласить вас отобедать со мной.

— Легко! — ответила я; весь мир в этот день казался мне сплошным чудом.

— Только можно попросить?..

— О чем?

— Останьтесь в этом наряде…

— Я же вам говорила, это ваше платье, — тотчас подхватила продавщица.

Я улыбнулась ей и пошла к кассе оплачивать покупки. Да… Именно эти вещи я и хотела купить, и сколько бы они ни стоили, я их возьму. Тем более что в последнее время я жила так уединенно и экономно, что вполне могу позволить себе чуть-чуть потратиться. Я уже достала кредитку, как вдруг поймала на себе совершенно обалдевший взгляд Громова.

— Лера! — только и произнес он.

Весь его вид говорил о том, что женщина не должна платить за свои наряды сама, что это просто немыслимо. Да, видимо, жена хорошо его вымуштровала в этом смысле…

— Позвольте, — остановил он меня. — Я, наверное, старомоден, но я не могу…

Мы в упор посмотрели друг на друга.

— Я тоже старомодна, — ответила я. — И тоже не могу позволить мужчине оплачивать мой гардероб. С какой стати?

— Лера… Я ничего такого не имел в виду. Просто у вас возникла проблема, и ее нужно решить.

— Вот мы ее и решим.

— Не будьте ребенком. Мне это совершенно ничего не стоит. И потом… Мне приятно это для вас сделать.

Он замолчал, давая мне право выбора. Я могла и дальше настаивать на своем, размахивая перед ним собственной декларацией независимости и принципами. Но мой внутренний голос нашептывал, что этим я окончательно разрушу то хрупкое чувство взаимопонимания, которое зарождается между нами. Я посмотрела на него и ощутила приятное волнение, охватившее меня. Будто сотни бабочек где-то глубоко внутри взмахнули своими невидимыми крыльями.

— Хорошо, — ответила я и спрятала карту в сумку.

Громов отправился к кассе, всем видом показывал, что он доволен тем, как все складывается. Он обернулся ко мне и широко и искренно улыбнулся. А тем временем ко мне

подошла продавщица и шепнула:

— Это платье непременно принесет вам удачу.

* * *

Обедали мы в небольшом, но очень уютном ресторанчике. Мы почти не разговаривали, да это было и ни к чему. Медленная, чарующая музыка точно убаюкивала нас, притупляя бдительность, и тихая истома исподволь прокрадывалась в душу. Нам было легко и спокойно. Никогда прежде ни с одним мужчиной я не испытывала такого чувства. Я смотрела на Громова и чувствовала, как тону в его глазах.

И нет мне больше спасения. Громов разлил вино по бокалам, немного помолчал, а потом сказал.

— Давайте выпьем за сегодняшний день.

— Да, — откликнулась я, — чудесный день.

— Спасибо вам, — неожиданно произнес Громов.

Да… Это действительно был один из самых счастливых дней в моей жизни.

Правда, закончился он куда прозаичней, чем начинался. Громову позвонили на мобильный и что-то долго говорили. После чего он произнес только одно слово: «Еду». Конечно, извинился передо мной и сказал, что его шофер уже выехал и отвезет меня в усадьбу.

И больше я Громова не встречала. Но думала… думала я о нем постоянно и не только потому, что меня к нему по-прежнему тянуло. Нет… Я лучше узнавала усадьбу и начинала больше понимать его как человека. Помните, как Пушкин дал Татьяне Лариной возможность узнать Онегина? У него дома. Она видела его вещи, читала его книги и постепенно понимала человека, которого любила. Я, конечно, не Татьяна Ларина, но некоторые вещи помогли мне лучше понять Матвея Громова. А поняв, задать вопрос, который волновал меня изначально: что же он за человек? Общаясь в усадьбе со слугами, я заметила, с каким уважением и преданностью они к нему относились. И частенько подчеркивали, что Громов честный и справедливый человек. А еще… Что он безумно любил жену. Точнее, любит и сейчас. А главное, не перестает ждать ее возвращения. Об этом я, конечно, расскажу Ксении, и она обязательно подскажет мне какой-нибудь ход. И пока я суетилась на ее маленькой кухне, стараясь, навести последний глянец перед приездом подруги, память услужливо подбрасывала мне обрывки других происшедших событий.

ПРЕВРАТНОСТИ ЛЮБВИ

Спустя несколько дней, после моей поездки с Громовым, я решила по мере сил осмотреть усадьбу. На первом этаже из большого холла наверх вели две лестницы, поддерживаемые колоннами. Подняться по ним мне было еще слишком тяжело, поэтому я пошла по длинному коридору, ведущему в другое крыло усадьбы. И вскоре оказалась перед дубовыми дверями. Немного поразмыслив, все-таки решилась их отворить. И вошла в комнату, сплошь заставленную стеллажами с книгами. Это были выдвижные шкафы, расположенные в два яруса и соединенные между собой небольшой лестницей. А посередине комнаты стоял огромный стол из натуральной карельской березы, обитый зеленым сукном.

«Да, — подумала я, — вот здесь я и буду работать». Я села за этот стол и почувствовала себя очень уютно, определенно, дело будет двигаться, и писать здесь должно быть легко. Напротив меня висел портрет мужчины средних лет в старомодном камзоле. Я, конечно, не эксперт, но предположительно картину можно датировать второй половиной девятнадцатого века.

Я подошла поближе к портрету. Работу выполнил не очень маститый художник, явно принадлежавший к школе реализма и старавшийся придать портрету максимальное сходство с заказчиком. Впрочем, меня это произведение привлекло по другой причине. Мужчина был очень похож на Громова. Точнее, именно так мог выглядеть президент банка, если бы жил в середине позапрошлого века.

«Скорее всего, это кто-то из Белопольских, ведь Громов не скрывает, что он их потомок», — подумала я. Но кто из них? А вдруг это граф-убийца? Тогда… Да, тогда, как и в наши дни, могло произойти все что угодно. Как известно, старинные роды славились дурной кровью, передающейся по наследству. Ведь недаром Маша говорила, что перед отъездом у него была дикая ссора с женой, и та буквально убежала из дома. Да и характер у Громова еще тот. И может быть, нет ничего удивительного, что женщина не хочет возвращаться к нему, если он устраивает ей безобразные сцены.

Я немного отодвинула портрет, на внутренней стороне виднелась размашистая подпись художника, по которой можно было догадаться о его фамилии — Васин. Я о нем слышала от отца. Довольно интересный был человек. Безумно влюбленный в живопись, считавший себя гениальным художником. Но беда была в том, что, кроме него, в эту гениальность никто не верил или, точнее, не видел. А может быть, она просто не успела проявиться, поскольку умер он в довольно молодом возрасте.

Подождите… Но ведь на картине обязательно должна быть дата ее написания. Я стала внимательно рассматривать портрет. Но, к своему изумлению, ничего не увидела. Такого просто не может быть! Художники всегда пишут, когда именно они создали свой шедевр. А может быть, она просто затерлась? Ведь картина явно отреставрирована, и за столько лет дата могла исчезнуть, так сказать, естественным путем. Хорошо бы взять лупу… Да только где?

Я подошла к столу и выдвинула несколько ящиков. Если мыслить логически, то нечто подобное здесь обязательно должно быть… И действительно я ее нашла, в добротном кожаном футляре. А потом снова принялась обследовать картину. Рядом с фамилией я обнаружила какие-то царапины, которые при более детальном рассмотрении и оказались

датой. 1886 год. Интересно, а в каком году умер Васин? Нужно будет покопаться в Интернете. Конечно, была бы я дома, вопрос был бы тотчас решен. Ведь чего-чего, а книг по истории разных направлений живописи у меня более чем достаточно. Но я не дома, и нужно обходиться тем, что имеется.

Я задумчиво отошла от картины. И чтобы чем-то занять себя, принялась рассматривать книги. Впрочем, даже если все их бегло просмотреть, то за один день управиться невозможно. И все-таки я стала обходить стеллажи, чтобы понять, какой литературе в усадьбе отдавали предпочтение. Конечно, здесь было много классики, и не только нашей родной. Меня приятно удивило, что английские авторы во многом были представлены на английском, а французы — на французском. Причем эти книги были современные, и значит, либо Громов, либо его жена предпочитали читать любимых авторов в подлиннике.

Потом я стала смотреть на корешки книг, чтобы понять, какие именно были наиболее читаемы. Удивило меня то, что в библиотеке было довольно много трудов по психологии и психиатрии… Но что еще более изумило — их довольно часто читали. Я вытащила одну из них — «Основы психиатрии» — и стала пролистывать. Из книги торчала закладка и я открыла ее на этом месте. И прочитала: «Пограничное состояние. Шизоидный синдром». Опаньки! Кто же из них интересовался такими вещами?

Я стала бегло читать: «Пограничное состояние еще не болезнь, но уже и не норма. Человек может долго чувствовать себя здоровым, однако при определенных обстоятельствах, зачастую играющих детонаторную роль, может вести себя неадекватно и даже быть опасным для окружающих».

Я захлопнула книгу. Нужно будет взять ее к себе и внимательно прочитать. Но кто из обитателей дома задался вопросом о психическом здоровье? Впрочем, их не так много. Во-первых, сам Громов, который обладает ярко выраженным холерическим темпераментом. Во-вторых, его жена, о которой я, по большому счету, ничего не знаю. И в-третьих, Дима. Хорошо… Давай думать логически. Может, это сам Громов? Предположим, что его прадед убил свою жену в каком-нибудь припадке… Мог ли Громов не задать себе вопроса, все ли нормально с его психикой? Особенно после его ссоры с женой? Ведь он очень похож на этого прадеда. Я почему-то была полностью уверена, что мужчина на портрете — тот самый граф. Так впоследствии и оказалось

Я задумчиво разглядывала книгу. Нет, мне решительно не хотелось думать о том, что у Громова не все в порядке с головой. Вспыльчивый характер — это одно, а то, о чем я только что подумала… Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Образ Громова, создавшийся у меня после нашей прогулки, никак не вязался с мыслями, бродившими сейчас у меня в голове. Я повертела книгу в руках, а потом подошла к стеллажу и поставила ее на место. Может быть, позже я и вернусь к ней. Возможно, когда сама буду больше знать о Белопольских. Но сейчас я не готова к препарированию человека, который мне очень нравился. Мне показалось, что это было бы равносильно чтению чужого письма без ведома адресата.

К тому же я могла сильно сгустить краски. Мало ли у кого какие увлечения! Я вот тоже в свое время обожала почитывать Фрейда и Ницше. И что из этого следует? Да ничего! Просто веяние моды и новые интересы.

Вскоре я ушла из библиотеки, решив, что у меня потом будет достаточно времени досконально все изучить.

Я прошла еще немного по коридору и удивилась тому, как стремительно изменилась

обстановка в доме. В этом крыле ремонта не было много лет. Обшарпанные стены, местами обвалившаяся штукатурка… Все это создавало мрачную атмосферу, в которой я себя чувствовала очень даже неуютно. Однако поворачивать обратно мне не хотелось, я решила обследовать это крыло и поэтому храбро двинулась вперед. И вскоре обнаружила кухню, где вовсю хлопотала кухарка. Это была полная женщина лет шестидесяти в старом, видавшем лучшие времена платье, поверх которого был повязан белый, практически стерильный передник. Увидев меня, она радостно улыбнулась. Ведь до нее доходили слухи о женщине, которую Громов после аварии привез в дом. А теперь она могла лицезреть меня во плоти и узнать все подробности из первых рук. И, чтобы я не вздумала исчезнуть, Мария Ильинична сразу же предложила выпить чаю. Нужно ли говорить, что у меня был свой интерес, я была только рада любой возможности поговорить и поэтому немедленно согласилась.

Пока женщина разливала чай и ставила на стол пирожки, я старательно разглядывала кухню. Тем более что, к моему удивлению, кухня — это немаловажное помещение — оказалась довольно-таки безликой. У меня возникло ощущение, что, оборудованная по последнему слову техники, она служила исключительно местом приготовления пищи и ни в коей мере не предоставляла информации о ее владельцах.

— Как вам мои пирожки? — прервала мои мысли Ильинична.

— Чудо! В жизни таких вкусных не ела.

Женщина удовлетворенно хмыкнула и как-то особенно пристально посмотрела на меня.

— А вы давно знаете Громова? — задала она вопрос, который, видимо, ее волновал все то время, что я находилась в доме.

— Нет. Впервые увидела его перед аварией. Она ничего не ответила, только еще пристальней стала вглядываться в мое лицо, надеясь прочитать все тайные и сокровенные мысли.

— А что? — не удержалась я.

— Ничего. Просто вы первая женщина, которая переступила порог дома после отъезда Анны.

— Серьезно?

— Уж куда серьезней. — Она замолчала, а потом, глядя на меня оценивающе, с прищуром, произнесла: — Он так ее любил. Я такого в жизни не видала.

— Это прекрасно, когда встречается столь сильное чувство, — выдавила из себя я.

— И она того стоила, уж поверьте мне. Красива была, как ангел. И умна, умела себя подать. Куда бы хозяин с ней ни шел, все поворачивались ей вслед. Такую жену только раз посылает Господь.

Сказать, что я чувствовала себя раздавленной, значит, не сказать ничего. Я слушала Ильиничну, стараясь сохранить лицо и не показать, как больно ранят меня подробности семейной жизни Громова.

— А почему она уехала?

— Ну, характер-то у хозяина не сахар. Уж, как она с ним бедняжка намучилась, сколько вытерпела…

— Отчего ж? Он ведь любил ее!

— А это одно с другим не связано. Любить-то любил, но и мучил. Вспыльчивый он очень. Да и потом, ему не нравилось, что она любила праздники, веселую жизнь…

И тут раздался радостный лай собаки, Ильинична сразу же обернулась.

— Чарли, дружок! Ты один или с Димой?

Но Чарли только еще громче залаял. Передо мной возник красивый ирландский сеттер, которого я прежде не видела по той простой причине, что еще не успела осмотреть как следует прилегающий к усадьбе сад. Чарли весело подбежал к Ильиничне и с такой преданностью посмотрел на нее, что женщина почти на автомате протянула ему пирожок с мясом. Чарли его тотчас проглотил и опять уставился темно-карими влюбленными глазами на Ильиничну.

— Ах ты, разбойник! Нет с тобой никакого слада. Попрошайка ты наш! Ну, держи, — и она опять протянула ему пирожок.

— Какой красавец! — воскликнула я. — А можно его погладить?

— Конечно, можно, — раздался голос Димы.

Через секунду он уже был на кухне. И с удовольствием наблюдал за тем, как я глажу Чарли и как тот благосклонно принимает мои ласки.

— А вы молодец, — сказал Дима. — Определенно молодец. Уже можете сносно передвигаться.

— Да… Но не так, как хотелось бы.

— А что бы вам хотелось?

— Ну… Например, взять Чарли и прогуляться с ним по саду.

— Нет проблем. Как только вам станет получше, сразу так и сделайте.

Во время нашего разговора Ильинична не сводила с нас глаз и выглядела даже очень умиротворенно. Наверное, она успокоилась, заметив неприкрытую симпатию Димы ко мне. Да, определенно. Ведь, насколько я поняла, кухарка до сих пор ждала возвращения жены Громова и любая женщина в доме казалась ей потенциальной соперницей.

— Лера, а когда вы приступите к работе?

— К какой работе? — не удержалась Ильинична.

— Да я попросил Леру разобрать архив, который мы нашли в подвале.

— Что ж там было? — спросила она.

Дима пожал плечами, взял с тарелки пирожок и стал медленно жевать его.

— Чаю налить? — спросила Ильинична.

— Не-а. Пойду в кабинет, просмотрю бумаги. Лера, а вы мне так и не ответили.

— Да я сама еще толком не знаю. Но, надеюсь, что дня через три-четыре вполне смогу приступить.

— Вот и договорились. Я завтра уеду в Выборг, будут какие-нибудь пожелания?

— Нет, спасибо. Вы и так меня балуете без меры.

— Да будет вам. Хотя… Я намерен попросить небольшую плату.

— Неужели? И что же это? Моя вечная благодарность? Или нечто большее?

— Куда большее. Когда я вернусь, я очень надеюсь, что мы прогуляемся по саду. Ну, разумеется, и Чарли возьмем. Куда уж без него.

И все-таки он милый, этот Дима. Нет, правда, очень милый. И такой заботливый, пронеслось у меня в голове. А Дима стоял и чуть насмешливо улыбался. И только в уголках его глаз плясали озорные чертики.

— Ладно, Чарли, пошли бездельник.

Он взял Чарли за поводок, и они вдвоем вышли из кухни. Я тоже, поблагодарив кухарку, пошла к себе в комнату.

* * *

Послышался шум подъезжающей машины. Я вернулась к действительности. Я в доме Ксении и жду ее приезда с минуты на минуту! Я высунулась из окна и увидела, как из такси выходит Ксения. Сняв передник, я стремглав бросилась на улицу. Подбежала к ней и мы крепко обнялись.

— Хорошо выглядишь, — сказала Ксения.

За эти недели, что мы не виделись, я буквально настояла, чтобы она говорила мне «ты». Этот переход на более близкую дистанцию дался ей непросто, но в итоге Ксения смогла перебороть себя. И вот сейчас она смотрела на меня яркими, искрящимися глазами и не скрывала радости от нашей встречи. Ксения за это время помолодела, если такое, конечно, возможно. Выглядела она потрясающе, и я поняла, что работа у нее двигается замечательно. Эти съемки словно вдохнули в актрису новую струю жизни.

— Пойдемте в дом, — предложила я ей.

Она вытащила из машины небольшой саквояж, отпустила водителя, и мы не торопясь пошли по тропинке к дому. И вскоре оказались в гостиной.

— Ого! Какая ты молодец! Такой порядок!

— Старалась. Очень уж хотелось произвести выигрышное впечатление.

Ксения засмеялась.

— Ну да… Конечно… Прямо пай-девочка.

— Есть хотите? — спросила я.

— Нет. А вот чашка кофе была бы очень кстати.

— О’кей. Я мигом.

— И ты расскажешь мне в подробностях обо всем, что с тобой произошло.

Я пошла на кухню варить кофе и по дороге невольно вспомнила нашу первую прогулку с Димой по саду. Он действительно, как только вернулся из Выборга, тотчас исполнил свое обещание. Взяв с собой Чарли, пригласил меня погулять. Ходить быстро я еще не могла, и поэтому мы чинно шли по аллейкам. А когда я слишком явно уставала, то присаживались на скамейку, чтобы отдохнуть. Чарли с радостным лаем носился рядом с нами и, чтобы сделать собачье счастье полным, я взяла палку и забросила как можно дальше. Он с радостным лаем рванул за своей «добычей» в дальний угол сада.

— Дима, а что в той стороне, где сад заканчивается?

— Если немного пройти, то там начнутся болота.

— И пещеры?

— Откуда вы знаете?

— Читала. Там ведь во время войны прятались и жители, и…

— Дезертиры.

— Пещеры сохранились до сих пор?

— Да, возле озер. Но лучше вам туда не ходить.

— Знаете, я как-то и не собиралась.

Тут прибежал Чарли и принес мне палку. Он стал лаять, требуя продолжения игры, и я, опять как следует размахнувшись, бросила ее. Собачьей радости не было предела.

— Вы с ним ходите на охоту? — спросила я Диму.

— Иногда.

— На озера?

— Да. Чарли хорошо знает там все тропы, и охотник из него азартный.

— А сестра… она любила охоту?

Дима промолчал. Но я уже не хотела отступать.

— Я столько всего слышала о ней, что…

— Хотели бы понять ее?

— Скорее представить.

— Она была очень красива.

Тут промолчала я.

«Интересно, почему была? Почему все о ней говорят в прошедшем времени, точно ее уже давно нет на этом свете. И все же с завидным постоянством утверждают, что она жива».

Но тут передо мной снова возник Чарли. Дима надел на него поводок и повернулся ко мне.

— Давайте пройдемся по дорожке.

Я кивнула, а про себя подумала: «Ничего, кроме того, что она была красива, он мне не скажет».

Но Дима меня удивил и на этот раз.

— Мы ведь не родные брат и сестра. Да и родители наши не были женаты. Так… жили под одной крышей. Мы с Аней очень рано поняли, что, по сути, никому особо не нужны. Знаете… Обычно родители «достают» детей, чтобы поздно не приходили домой, не водились с теми, кто им не нравится, в общем, следят, стараются быть в курсе их жизни… У нас же с Аней такого отродясь не было. Мы были с самого детства предоставлены сами себе.

— У вас была неблагополучная семья?

Дима горько рассмеялся, и я вновь удивилась, как же быстро меняется его лицо — оно стало похоже на морду дикого кота, приготовившегося к прыжку, и горе тому, кто окажется у него на пути.

— У нас была сверхблагополучная семья. Анин отец был профессором, доктором наук, занимался археологией. А моя мать тоже была человеком науки, только физиком. И как раз перед тем как съехаться с Сергеем Анатольевичем, она защитила кандидатскую.

— Ого! Но почему же они?..

— Да потому что полностью растворились в деле своей жизни, и дети… Как вам объяснить, они вроде бы и не мешали, но постоянно путались под ногами со своими «глобальными» проблемами.

Я сразу вспомнила отца, который никогда не ложился, не дождавшись меня с прогулки, а дождавшись, терпеливо выслушивал мои длинные повествования о своих похождениях, о том, как мы с приятелями «коротали время», и как весело или, наоборот, скучно все прошло.

— А сколько лет вам было, когда они сошлись? — спросила я Диму.

— Мне — около двадцати. Уже совсем большой мальчик. Ане — тринадцать. Мы сразу потянулись друг к другу. Хотя… нет, не так. Вначале Аня искала в моей матери близкого человека, женщину, с которой можно было поговорить о всяких дамских секретах. Но мать была синим чулком по определению, этим-то она «купила» отца Ани. Ее интересовала только наука. И она, наоборот, стыдила Аню, когда та хотела накраситься или одеться получше. Вот Анне и приходилось делать многие вещи тайком.

— Н-да… Хорошего мало…

— Да… А потом Анна расцвела, этого невозможно было не заметить. Она поступила на

филфак, мальчишки совершали из-за нее разные глупости.

— А что потом?

— Ну… Денег-то не было. А выглядеть хорошо хотелось. И на одном фуршете она встретилась с Громовым. Тот потерял из-за нее голову и сделал предложение. Он ведь в чем-то очень старомоден, этот банкир.

Я промолчала, подумав, как замечательно, что на свете остались еще старомодные мужчины, эдакие мамонты в нашем суперсовременном мире.

— А дальше?

— Они поженились.

— И жили долго и счастливо?

— Не совсем. Он был намного старше ее, хотел тихой, спокойной жизни.

«Да, — подумала я, — это я понимаю. Я ведь тоже всегда хотела тихой гавани, чтобы приходить вечером домой к любимому человеку… Чтобы по утрам разливать кофе из кофейника в две чашки и видеть перед собой родное лицо, чтобы эта тишина и умиротворенность, соединяющие нас, звучали чудесной музыкой». Вслух я сказала совсем другое.

— А ей этого было мало?

— Вы угадали. Они стали ссориться.

— И жизнь дала трещину?

Он улыбнулся и как-то по-новому посмотрел на меня.

— Вы очень необычная девушка, Лера.

— Почему?

— Все время иронизируете.

— Ну, вы же знаете, что ирония — маска беззащитности.

Мы улыбнулись друг другу и пошли дальше. Вот уже и конец сада. За глухой оградой виднелась едва заметная тропинка. По ней явно давно не ходили, и она практически заросла. Однако Чарли залаял и стал рваться с поводка. Мне показалось это странным. Собака лаяла так, будто старалась привлечь к чему-то наше внимание.

— Что это с ним?

— А шут его знает! Может, утку почуял в зарослях. Он ведь охотник.

Я задумалась. Может, конечно, и так. А может, и нет. Нужно будет как-нибудь исследовать эту тропинку. И тут мне в голову пришла одна мысль, которую я решила тотчас проверить.

— Скажите, а Чарли — это ваша собака или Громова?

— Нет. Его купила Анна. Совсем крохотным, когда ему исполнился только месяц. Она с ним возилась и гуляла. Громов не любит собак и терпит Чарли только из-за меня. Мне он дорог.

Мы опять пошли молча и молчали уже до самого дома.

ЖЕНА СИНЕЙ БОРОДЫ

Я, держа поднос с кофейником, вошла в гостиную, где сидела Ксения, уже успевшая переодеться с дороги, и стала аккуратно расставлять чашки.

— Да садись ты, — нетерпеливо сказала Ксения. — Что за авария с тобой случилась?

— А, так… Можно сказать, ерунда.

— Ничего себе ерунда!

— Знаете, только такая особо талантливая девушка как я, имея восемь лет водительского стажа, смогла врезаться в единственное дерево у дороги. Редкое везение и редкий водительский дар.

Ксения едва заметно улыбнулась.

— Ну, давай рассказывай, — сказала она.

И я рассказала Ксении обо всем, что произошло, в мельчайших подробностях. Она только кивала головой и в некоторых местах неодобрительно хмыкала.

— Тебя вообще нельзя оставлять одну. Сразу попадаешь в неприятные истории.

— Да будет вам. Все ведь обошлось.

— Пока не уверена в этом. Послушай, а ты ходила в галерею Громова? Видела картины? — неожиданно спросила меня Ксения.

— Конечно. И была очень удивлена.

— Чем же?

— Во-первых, подбором картин. Понимаете, помимо разных портретов семьи Белопольских я обнаружила там несколько работ отца.

— В самом деле? Это интересно.

— Еще как. Вначале я не могла понять, откуда они могли появиться здесь. Но потом вспомнила, что Маша говорила о нескольких полотнах, доставшихся от Дома творчества. Правда, и тут есть нестыковки.

— Какие?

— Понимаете, ведь это был Дом творчества театральных деятелей. А отец занимался только кинематографом и к театру относился, мягко говоря, прохладно.

— Да… Помню. Тогда была такая тенденция, дескать, театр уже пережиток прошлого. И твой отец не избежал тех веяний.

— Вот, и я об этом. Тогда как его картины могли попасть к Громову?

— А что за работы?

— Первая — пейзаж. Вид усадьбы, а за ней сразу простираются болота. Мрачное, однако, зрелище. Ничего светлого он не увидел. Точнее, сам дом выполнен в светлых тонах, а вот ландшафт… Не приведи господь. А еще среди болот я заметила набросок женской головы…

— Наверное, он хотел изобразить графиню, утонувшую в болотах.

— Не знаю. Понимаете, никто из жителей усадьбы не верит в эту историю. Да и отец вовсе не был склонен к мистицизму. Он бы только посмеялся, если бы узнал, что в доме бродит привидение.

— Я тоже не очень понимаю твоего отца. Зачем ему нужно было писать это… Ну хорошо… с этой работой много неясного, но я надеюсь, что рано или поздно все выяснится. А что изображено на второй?

— «Ландыши» — сказала я, и голос мой дрогнул.

Разумеется, Ксения не могла этого не заметить. И вопросительно на меня посмотрела.

«Ландыши»… Это была первая картина отца, которую я продала, когда наше финансовое состояние стало не просто критическим, а катастрофическим. И, поскольку покупателю понравилась именно эта картина, она и пошла с молотка. Хотя мне было очень жаль ее… Ведь именно с ней был связан один из самых светлых эпизодов в нашей семье.

Это было поздней весной, мы с мамой и отцом снимали дачу в Комарове. И однажды пошли с отцом в лес. Там мы набрели на полянку, где росло множество ландышей. Конечно, рвать их нельзя, но и удержаться, чтобы не нарвать, тоже не представлялось возможным. Я срывала цветы охапками, не веря в свое счастье, а отец, улыбаясь, наблюдал за мной. Мы представляли, как обрадуется мама, когда мы вернемся домой со своей добычей. И она действительно обрадовалась.

— Какая прелесть! — воскликнула мама, зарываясь лицом в душистые ландыши.

А мы с отцом с нежностью смотрели на нее. Она действительно была прекрасна, ее глаза лучились любовью. Любовью к нам. Да и наши с отцом лица светились любовью. И добротой. Словно мы только сейчас поняли, что мы семья и что это навсегда. Это было одно из тех чудесных мгновений, которыми так не баловала меня судьба, когда в доме были забыты придирки, обиды и ненавистные моему детскому сердцу разборки. Когда воцарился мир и покой.

А потом мама положила ландыши на стол, и они роскошной волной рассыпались по столешнице.

— Тихо! Не двигайтесь! — крикнул отец. — Ляля, принеси бумагу и карандаш.

Мама метнулась в комнату и вскоре вбежала на веранду, держа в руках то, о чем просил отец. Он взял бумагу и тотчас принялся зарисовывать ландыши. Так появилась чудесная акварель, которую он так и назвал: «Ландыши». И мне было до ужаса обидно, что именно она первой и была продана. Словно я продала кусочек памяти. Теперь же я, к своему удивлению, обнаружила ее в усадьбе…

Когда я закончила рассказ, то заметила, что у Ксении в глазах блестели слезы.

— Бедная, бедная моя девочка. Ты даже представить себе не можешь, как я хочу, чтобы у тебя все в жизни сложилось хорошо, — и, помолчав, она добавила: — Ты достойна того, чтобы быть счастливой.

— Каждый из нас этого достоин.

— Нет, не каждый. Счастье не так слепо, как это может показаться. Оно обычно приходит как следствие.

— Следствие чего?

— Нашего внутреннего мира, наших поступков. Впрочем, сейчас есть более интересная тема, чем философия. Ты саму Анну видела?

Я кивнула и помрачнела. И, конечно, Ксения заметила это.

— Что, она так красива?

— Даже больше, чем я могла ожидать, — и совсем неожиданно для себя добавила: — Глядя на нее, я поняла, что у меня нет никаких шансов.

— Чтобы покорить Громова?

— Да, — едва слышно выдохнула я.

— Глупости, — безапелляционно заявила Ксения. — Самые настоящие глупости. Если человек тебе действительно нравится, во-первых, ты не должна раньше времени опускать

руки, во-вторых, он должен хотя бы догадываться о твоих чувствах. Ну и в-третьих, и это самое главное, с чего ты взяла, что он ее до сих пор любит?

— Ну, это совершенно очевидно.

— Кому? Мне, например, нет.

— Он же сказал Диме, что любил ее.

— Вот именно. Любил, когда женился. Возможно, любил, и когда она убегала от него. Хотя вряд ли…

— Почему?

— Потому что, если мужчина действительно любит женщину, он не допустит ее бегства.

— Потом слуги… Они все в один голос твердят о его неземной любви к жене.

— Людям свойственно создавать легенды, но, самое забавное, они начинают в них верить. Так случилось и с людьми, которые работают у Громова. А я вот сделала совсем другие выводы из того, что ты мне рассказала.

— Интересно, какие?

— Понимаешь, он действительно сильно увлекся юной красивой девушкой. Настолько, что почти сразу сделал ей предложение. Даже не потрудился узнать ее получше. Он был страстно влюблен. Заметь, страстно. А это значит, что, когда первые пылкие порывы прошли, он смог более трезво посмотреть на свою возлюбленную. И у них начались ссоры. О чем это говорит?

— О том, что у него скверный характер.

— Не только. О том, что ему не очень понравилось то, что он увидел при более близком рассмотрении. Ведь посуди сама… Громов покупает родовой дом и приводит сюда молодую жену. Причем делается это так быстро, что он не успевает отреставрировать все здание. Какое-то время они живут счастливо, потом ссорятся, потом происходит нечто такое, что вызывает у него, заметь, со слов тех же слуг, не свойственный ему приступ ярости. Жена садится в машину и уезжает. И больше ее никто не видит. А Громов перестает даже изредка приезжать в этот дом. Словно…

Ксения замолчала и задумчиво стала смотреть в пространство.

— Словно что? — переспросила я.

— Словно дом был осквернен.

«Вот это да! Такого поворота я не ожидала. Но чем Анна могла осквернить дом? Ведь никто плохо о ней не говорил. Абракадабра какая-то. Где же скрыта разгадка этой истории?» Но я так и не смогла прийти к однозначной трактовке того, что сказала мне Ксения. И тут же она нарушила мои раздумья новым вопросом.

— Опиши мне ее. Закрой глаза и вспомни, как ты пришла в галерею и впервые увидела ее.

Я так и сделала и передо мной возникла картина. Я и Маша поднимаемся по лестнице. Уже поздно, и поэтому Маша везде включает освещение. Вот, наконец, и второй этаж. Я с интересом стала рассматривать его. Конечно, я знала, что в доме много комнат, но даже не представляла, сколько. Однако Маша торопится, и у меня практически нет времени как следует все рассмотреть. Вот девушка поворачивает, мы немного проходим по коридору, и она вновь сворачивает налево. А после опять идет по длинному коридору. Я следую за ней. И вскоре мы оказываемся в самой галерее.

Картин здесь не так уж и много. Одни из них хоть и принадлежат к середине

девятнадцатого века, но почти не представляют художественной ценности. В основном, это семейные портреты Белопольских, и Маша проходит мимо, не удостоив их внимания. Однако я успеваю заметить черноволосую красавицу в костюме Коломбины, она смотрит на меня огромными черными глазами и чуть насмешливо улыбается.

«Наверное, это и есть графиня», — подумала я. И подошла к ней ближе. Техника письма показалось мне знакомой. Где-то я нечто подобное видел. Где же? Я стала внимательно рассматривать портрет. И тут услышала голос Маши.

— Вот Анна Сергеевна.

— Да, да… Сейчас подойду. Подождите секундочку.

Я перевернула картину и увидела характерную размашистую подпись.

«Васин. Опять он», — подумала я. И что это могло означать? Ответ, по большому счету, лежал на поверхности. Васин написал портрет некой супружеской четы, принадлежащей роду Белопольских. Но вот были ли это граф, который убил свою жену, и сама графиня, об этом пока судить еще рано. Нужно посмотреть, нет ли в архиве их фотографий или миниатюр.

— Лера… Смотрите, а то мне еще на кухню идти нужно.

Я подошла к Маше. Передо мной был портрет очень красивой девушки, золотая копна волос каскадом спускалась на ее плечи. Девушка была одета в старинное платье, но выглядела истинной нашей современницей. Есть такие лица, их во что ни одень, они всегда выдают время в котором живут. Так и эта девушка. Но, боже мой, как же она красива. Нет, не слащавой, не сиюминутной, а настоящей красотой, поражающей прямо в сердце. Наверное, подобным образом выглядела Елена Прекрасная. У меня даже дух захватило.

И тут раздался Машин голос:

— Это и есть Анна.

— Вы были правы, — ответила я, — она прекрасна. Неудивительно, что муж ее так любил.

А про себя я подумала: «И что ты, Белка, хочешь здесь словить? Тебе ли тягаться с ней?» Нет, признала я, не мне.

Я проиграла, даже еще не начав как следует партию.

— А я так не думаю, — сказала Ксения. — Но и обольщаться пока преждевременно. Тебе нужно просто жить там, постараться понять обитателей усадьбы и сам дом.

— Дом?

— Конечно. Разве ты не знала, что старые дома очень избирательно принимают людей. Если дом почувствовал, что ты своя, он будет тебе помогать. А если ты ему пришлась не по душе, то он начнет тебя выживать.

— Тогда со мной происходит второе.

И я рассказала Ксении о привидении.

— Ничего с тобой не происходит. Мне кажется, что ты преувеличиваешь. Никакого призрака там нет. Это слухи. И я жалею, что тогда рассказала тебе об этом, — довольно резко отреагировала на мои слова Ксения.

— Но я же сама слышала… — попыталась возразить я.

— Что? — саркастически переспросила Ксения. — Как скрипнула рама? Как гуляет по комнате сквозняк?

— Ладно, убедили. Меня сейчас больше другое интересует. Вы не слышали никаких разговоров на тему, когда именно граф убил жену? В каком году… может быть, кто-то

обмолвился?

— Нет, не помню. Но почему-то у меня отложилось в памяти, что это был почти конец девятнадцатого века. Чуть ли не под конец восьмидесятых. Да, да… У меня еще была ассоциация, что народники как раз активизировались в Петербурге именно в это время, и под Выборгом тоже покоя не было.

«Значит, — подумала я, — это вполне могли быть портреты графа и графини. И Васин вполне мог быть приглашен в дом, чтобы написать эти работы. И что из этого следует?»

— Как продвигаются твои дела с архивом?

— Пока никак. Ничего интересно. Какие-то бытовые записи. Купили столько-то окорока, а сахара столько-то… Видимо, экономка писала расчетную книгу.

— На самом деле именно эти записи скажут тебе об обитателях усадьбы больше, чем даже их личные письма.

— Почему?

— Ну как же! Экономка ведь все записывает, кто приезжал в дом… Значит, нужно больше продуктов к обеду, кто остался на ночь… И все в этом духе. Нужно только научиться читать между строк.

«Верно, — подумала я. — Тем более что записи датируются именно интересующим меня периодом».

…Ксения провела со мной выходные. За это время мы вдоволь посплетничали и обсудили общих знакомых. Однако к теме усадьбы мы больше не возвращались. По-моему, Ксения хотела дать понять, что дальнейший ход событий во многом зависит от меня и переливать из пустого в порожнее нет никакого смысла. И я с этим согласилась.

Ксения подробно рассказывала, как проходят съемки. Причем временами настолько смешно пародировала артистов и режиссера, что я буквально хохотала до колик. Но все когда-то заканчивается, и в воскресенье вечером Ксения уехала назад в Питер. А я в понедельник вернулась в усадьбу. Я с самого начала поставила условие, что жить буду в доме у Ксении и к десяти утра приходить в усадьбу, точно на службу. Дима не мог понять, зачем мне это нужно, а я не стала объяснять. Просто поставила его перед фактом.

На самом деле все было очень прозаично. Я боялась призрака, который, несмотря на все разуверения окружающих, все-таки, и я была уверена в этом, частенько навещал меня, пока я жила в усадьбе. А еще… Не хотела проводить вечера и ночи в одном доме с Димой. Не то чтобы я думала, что он начнет активизировать свои действия и я не смогу устоять. Нет, я знала, кто мне нравится, и на Диму смотрела исключительно как на приятеля. Но зачем же самой создавать благоприятные предпосылки и давать хоть и призрачную, но все же надежду? Поэтому я и рассудила, что самое благоразумное будет — остаться у Ксении.

Я ИДУ ПО СЛЕДУ

Утром, когда я пришла в библиотеку и разложила перед собой документы, то первым же делом принялась просматривать записи экономки. И в одном месте обнаружила упоминание о приезде Васина. Граф приказал приготовить ему комнату. Значит, он жил в этом доме…

Я достала сигарету и закурила. Нужно побольше узнать об этом Васине. Мне очень захотелось изучить жизнь художника и понять, что он был за человек. Я встала и подошла к картине. Что может лучше рассказать о человеке, чем его работа? Но портрет графа был холоден и официален. Как теперь говорят, ничего личного, и по этой работе нельзя судить не только о художнике, но и о самом графе. Я постаралась более пристальное внимание уделить глазам… Они задумчиво смотрели вдаль, словно искали ответ на что-то и никак его не находили. Как же я сразу этого не заметила? Ведь граф явно пытается сделать хорошую мину при плохой игре. Он позирует так, будто отчаянно пытается сохранить лицо. Но почему? Если Васин написал портрет после убийства его жены, то тогда понятно… Граф замучился ходить по судам и доказывать свою невиновность. А если до? Тогда можно предположить, что граф узнал или догадался о чем-то, что привело его в смятение.

Васин, Васин… Где же мне найти о тебе хоть какую-то информацию? Интересно, у кого в доме есть компьютер? Наверняка у Димы. Я вышла из библиотеки и отправилась на поиски Димы. Однако его нигде не было. Хорошо, что уже в холле я встретила Машу.

— А где Дмитрий Петрович?

— Он с утра уехал в Выборг. Кажется, хотел сделать какие-то закупки.

— Понятно. Маша, у вас есть компьютер? В смысле, где-нибудь в доме…

— Да, у Дмитрия Петровича в кабинете. Только сейчас он закрыт.

— А в поселке? Интернет-кафе есть?

— Не-а. Кажется, только в Выборге.

— Спасибо, — бросила я Маше и вышла в сад, чтобы обдумать, что же мне дальше делать.

И тут же я услышала лай Чарли. Пес искренне считал, что если кто-то и идет гулять, то с единственной целью — взять его на прогулку. Когда же я обманула собачьи надежды, он залаял с таким надрывом, что я не смогла устоять. Пришлось вернуться в дом и взять этого притворщика с собой. Вообще должна сказать, что если бы Чарли каким-то чудом удалось попасть в Голливуд, то «Оскар» был бы ему обеспечен.

— Ну пошли, пошли гулять, бездельник, — сказала я псу.

Он радостно подскочил и куда-то побежал. Вернулся, держа в зубах поводок, дескать, играем по правилам. Я надела ему ошейник, пристегнула поводок, и мы вышли в сад. Уже на аллейке я отпустила собаку, решив, что ему будет полезно побегать на воле. Чарли радостно куда-то рванул, но через минуту вернулся, держа в зубах палку. И сразу же бросил ее мне под ноги. Я сделала вид, что не заметила его маневра. Однако этот номер не прошел. Чарли с таким отчаянием зашелся лаем, что я поняла, нам обоим будет лучше, если мы поиграем немного.

Я бросила палку и крикнула: «Апорт!» Чарли с восторженным визгом бросился за ней. А потом… Он еще, еще и еще приносил мне свою «добычу», а я ему бросала ее вновь и вновь.

Так незаметно мы добрались до старой заброшенной тропинки.

— Все, Чарли, хватит гулять, пошли домой.

Но Чарли и не думал меня слушаться. Он сорвался и помчался по тропинке. Я же со всей скоростью, на которую только была способна, побежала за ним, ругая себя, что не догадалась вовремя пристегнуть поводок. А если сейчас он забежит бог знает куда? Что я тогда буду делать? Где искать этого избалованного любимца семьи? Господи, хорошо еще, если он побежит не на болота.

— Чарли! Стой! — кричала я.

Но псу было начхать на мои окрики, он рвался туда, куда показывал нам еще во время нашей прогулки с Димой. Я старалась держать его в поле зрения, но Чарли недаром был сеттером, и догнать его не представлялось возможным. Отчаявшись, я изо всех сил крикнула: «Ко мне!» И, на свое счастье, заметила, что он остановился.

Пока пес не передумал, я припустила к нему, Но тут под туфлю, видимо, попал камень, я споткнулась и, не удержав равновесия, рухнула на скользкую землю. Да, и это было еще полбеды, поскольку в следующую секунду я сообразила, что качусь куда-то вниз. Я пыталась зацепиться за ветви кустарника и притормозить, но, увы, безуспешно.

«Господи, ведь там болота! Не хватает еще умереть из-за этой собаки!» — молниеносно пронеслось у меня в голове. Но тут мне попалась ветка дерева, за которую я уцепилась со всей силой отчаявшегося человека.

Слава богу! Я смогла удержаться. Я лежала на грязной, холодной земле в полном счастье, что смогла остановиться. Теперь нужно сделать волевое усилие и постараться встать хотя бы на четвереньки. Я уже приготовилась к этому подвигу Геракла, как в глубине обнажившихся корней дерева заметила странноватый блеск. Я, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не сорваться снова, все-таки умудрилась встать на корточки. А после принялась рассматривать, что бы это могло быть. Попыталась достать, но, видимо, вещица лежала здесь давно и упорно не поддавалась моим скромным усилиям. Однако тут уже и у меня проснулся азарт охотника, мне почему-то показалось настолько важным достать этот предмет, что я забыла даже про Чарли. Оторвав от дерева довольно крепкую ветку, я принялась выкапывать свою «добычу». Не помню, сколько времени я вела свои раскопки, но все-таки они увенчались успехом.

И я смогла вытащить покрытую толстым слоем земли и грязи пудреницу. Было совершенно очевидно, что она пролежала здесь очень долго. «Да, вот тебе и добыча», — усмехнулась я, мне даже стало немного обидно: столько усилий из-за безделушки, которую наверняка выбросили когда-то за ненадобностью.

Но тут я услышала радостный лай Чарли и обернулась. Пес, несмотря на отвесный склон, бежал ко мне на своей предельной скорости, держа в зубах полудохлую утку. Радости его не было предела. Едва подбежав ко мне, он гордо опустил утку мне на колени. Я постаралась как можно аккуратней сбросить сей трофей на землю. А потом, держась за ветви все того же дерева, поднялась и машинально сунула пудреницу в карман. Не выдержав счастливого взгляда Чарли, я моментально позабыла, как была на него зла, и погладила этого разбойника.

— Ты молодец! Настоящая умница. Охотник. Ну а теперь, пошли домой.

Я надела на Чарли поводок и повела его по тропинке, боясь даже мысленно представить, как выгляжу после нашей с ним прогулки. Едва мы с Чарли переступили порог усадьбы, как столкнулись с Машей. Она пришла в ужас от нашего с ним вида. Перепачканные с головы до ног липкой грязью, мы оба являли, я думаю, ужасающее

зрелище.

— Боже мой! — воскликнула Маша. — Что с вами случилось?

— Чарли убежал от меня. И как назло, его понесло к болотам. Пришлось догонять. Я упала…

— Надо же… Только вылечились, и такое случилось, — участливо сказала Маша. — Идем, Чарли я тебя вымою.

— Маша, я сейчас приведу себя в порядок и съезжу в Выборг.

— Хорошо, если вас будут спрашивать, я так и скажу.

* * *

Дорога в город не заняла много времени. Намного дольше я искала Интернет-кафе. В конце концов мои героические усилия увенчались успехом. И более того, к своей великой радости, я обнаружила там несколько свободных машин и, заплатив определенную сумму, смогла усесться за вожделенный компьютер.

Итак, начнем поиск. Страниц, посвященных Васину, нашлось немного. Как художник он не оставил особого следа в искусстве. Но кое-что мне удалось найти. Во-первых, он умер в 1886 году. Именно в тот год, когда были написаны портреты графа и графини. А во-вторых, я нашла статью выборгского краеведа, который писал, что имя художника упоминалось в связи с убийством графини Белопольской и, хотя обвиняемым на этом процессе был сам граф, Васин проходил как свидетель, работавший незадолго до убийства в усадьбе. Точнее, писавший портреты мужа и жены. Значит, мои предположения были верны. И портреты принадлежали именно тем действующим лицам, которые меня очень интересовали.

Мне стало интересно, как же выглядел Васин? И эту информацию услужливый Интернет мне предоставил. Среди перечня работ художника я увидела карандашный набросок к автопортрету. На меня смотрело мечтательное лицо юноши лет двадцати пяти в обрамлении темных локонов. Глаза молодого человека чем-то напоминали глаза лани. Большие, черные, с томной поволокой. Красивые глаза… Судя по всему, Васин был человеком приятным во всех отношениях: пригож собой, неплохо писал и явно обладал неконфликтным характером.

Далее среди работ художника я увидела набросок лица мужчины, столь похожего на Громова. И снова меня поразили глаза, в которых застыли боль и горечь. Да и весь его облик почему-то вызвал сострадание. Да… Довольно странное чувство, однако, вызывает у меня граф-убийца! Нужно будет встретиться с этим краеведом. Раз он написал статью о Белопольских, то вполне может обладать еще какой-нибудь информацией, которая не вошла в публикацию. А меня в данном случае волновал вопрос, что за человек был граф? Какой у него был характер, какие отношения с женой? И что такого могло между ними произойти, чтобы граф решился на убийство? Был ли это просто припадок бешенства, или преступление имело совершенно другие мотивы?

Я вышла из кафе и стала искать ломбард. Мне нужен оценщик либо специалист, хорошо разбирающийся в старинных вещах. Дело в том, что, когда я приводила себя в порядок после прогулки с Чарли, у меня из кармана выпала пудреница, найденная на болоте. Рассматривая ее при ярком электрическом свете, я поняла, что этой вещице много лет. А потом, когда я по мере своих сил попыталась ее отмыть, с удивлением увидела, что она золотая, с тонким

изящным серебряным орнаментом. Наверняка старинная. Я решила взять ее с собой в Выборг и показать специалисту.

Я переступила порог ломбарда и осмотрелась. Нельзя сказать, что это заведение поразило меня солидностью и респектабельностью. Но в моем положении выбирать не приходилось, и я, решив не привередничать, обратилась к пожилому мужчине, стоявшему за прилавком.

— Добрый день…

Он услужливо наклонил голову: дескать, и вам того же.

— Не могли бы вы оказать мне услугу?

— Смотря какую?

— Я хотела бы оценить эту вещь… К сожалению, она не в лучшем виде, грязь въелась довольно сильно… Но все же… Хотелось бы узнать, пусть и ориентировочно, когда была сделана эта пудреница.

— Пойдемте к ювелиру.

Мы прошли через дверь с надписью «служебный вход» и оказались перед железной дверью. Мужчина постучал в дверь.

— Иваныч, открывай! Клиент пришел.

Дверь тотчас открылась, и на пороге показался мужчина лет шестидесяти, взъерошенный и чем-то напоминающий нахохлившегося воробья.

— Чем могу? — спросил он меня и окинул с головы до ног оценивающим взглядом. — Что вы хотите?

— Оценить одну вещь.

— Прошу, — сказал Иваныч и провел меня в комнату.

Комнатка была два на два метра, малюсенькая. Посередине стоял стол с каким-то приспособлением.

— Ну, девушка, доставайте, с чем пожаловали, — прервал мои мысли Иваныч.

Я положила перед ним пудреницу. Он взял ее, долго рассматривал через лупу, потом поднес к своему приспособлению и немного ее повертел, потом обернулся ко мне.

— Продать хотите?

Я отрицательно покачала головой.

— А что тогда?

— Узнать, когда она была сделана.

Иваныч подозрительно на меня посмотрел, помолчал, наверняка раздумывая, где же я могла это добыть, но все-таки ответил.

— Это золото. Конец девятнадцатого века. Чья работа, точно сказать не могу, вещицу еще нужно привести в порядок. Но то, что это ручная работа и мастера высокого класса — факт. Недешевая вещица. А вы… Уверены, что не хотите продать ее?

— Нет. Ни в коем случае. Понимаете… — Я посмотрела на ювелира круглыми невинными глазами, примерно так, как смотрит Чарли, стащив со стола кусок мяса. И попыталась объяснить, откуда взялась у меня эта пудреница. — Я нашла ее возле нашего фамильного сада, когда выгуливала собаку. А теперь хотела бы узнать, могла ли эта вещь принадлежать моей прабабке…

— А она у вас была богатой женщиной?

— Более чем.

— Тогда очень даже может быть. Понимаете в девятнадцатом веке, так же как и у нас

теперь, истинное благосостояние оценивалось по мелочам.

Я улыбнулась, да, это мне знакомо. Точнее, я хорошо знаю эту фразу. Действительно, о человеке мы судим не по тому, на какой машине он ездит или какая на нем одежда, а по тому, сколько стоит его галстук или поводок его собаки. Это мне еще отец говорил.

— Белка, запомни, у тебя может быть не очень дорогое платье, но туфли и сумочка должны быть стильными и недешевыми. Не говоря уже о косметике и белье. Мелочи говорят о человеке, намного больше, чем можно себе представить.

Повзрослев, я смогла убедиться в правоте его слов. И теперь ювелир произнес почти то же самое. Более того, его высказывание подтвердило мои смутные догадки. Эта пудреница принадлежала кому-то из дома Белопольских. Конечно, еще рано утверждать, что ее потеряла графиня. А вдруг это Громов подарил антикварную пудреницу жене? И ее потеряла не графиня, а сама Анна? Но все-таки очень возможно…

— Послушайте, — обратилась я к Иванычу, — а можно примерно установить, сколько времени эта штука пролежала в земле?

— Только предположительно… Судя по окислению серебряного орнамента…

— Ну сколько? Год, два…

— Дольше, намного дольше.

— Пять?

— Я же сказал: намного дольше.

— Спасибо. Сколько я вам должна за консультацию?

— Пятихатку дайте, и порядок.

Значит, Громов с женой отпадают. Тогда… От того, что я приближаюсь к разгадке тайны, у меня даже дух захватило. Тем временем ювелир выжидающе на меня посмотрел. Я протянула ему пятьсот рублей и направилась к выходу. Ювелир сказал мне вслед:

— Надумаете продавать, милости прошу.

Я кивнула, дескать, если вдруг что — к вам и только к вам. А потом вышла на улицу. Следующей моей остановкой в Выборге должна была стать редакция газеты, которая опубликовала статью краеведа.

Едва я переступила порог редакции, как тотчас почувствовала, что у меня защемило сердце. Вот он, такой безумно родной и дорогой для меня мир! А еще я поняла, как соскучилась по бешеному ритму и суматохе, свойственным всем газетам и журналам на свете.

Время здесь несется с совершенно другой скоростью… Как же мне этого не хватает! Вот такой безумной жизни…

Хотя редакция выборгской газеты, которая так и называлась «Город», по сравнению с северной столицей показалась мне оазисом относительного спокойствия. Здесь, как водится, проносились по коридорам журналисты, что-то объясняя на ходу редакторам, верстальщикам и самим себе, сыпали анекдотами увешанные аппаратурой фотокорреспонденты, над чем-то заразительно ржал народ в курилке… Но это были не наши безумные лабиринты, куда один раз попав, ты вклиниваешься в совершенно иное измерение и начинаешь жить на сверхзвуковых скоростях.

Я прошла в комнату отдела истории города. Редактором там оказалась моя ровесница, довольно стильная и безусловно суперсовременная девушка.

— Привет! — дружелюбно сказала она, как только я переступила порог.

— Привет, — улыбнулась я. — Я журналист из Питера, и мне нужна ваша помощь.

— О как! — пожала плечами девушка. — И чем же мы можем помочь столичному гостю?

— Я прочитала статью вашего краеведа Гостюхина и хотела бы с ним поговорить.

— Не выйдет, — сказала девушка.

— Почему? Ни грамма информации варягу?

— Да брось ты! Была б тут информация! Просто сам Гостюхин — с приветом. Он иногда приносит нам материалы, и, если они нам подходят, мы их публикуем. Вот и вся любовь. В смысле, на связь он выходит исключительно сам и по собственной воле.

— Но телефон-то у тебя его есть?

— Телефон есть, но говорить он с тобой не станет. Терпеть не может журналистов.

— Странная позиция для печатающегося человека. И все же, чем черт не шутит. Вдруг повезет.

— Ну если только повезет.

И девушка, размашистым почерком написала на листочке несколько цифр.

— Держи, — она протянула мне желанный номер.

Покинув редакцию, я села в машину и задумалась. Куда же теперь податься? Конечно, можно сразу с места в карьер позвонить господину Гостюхину и попросить его встретиться со мной. Но… Я посмотрела на часы. Начало пятого… Пока я доберусь до усадьбы, будет уже пять. А нужно еще поработать. Поэтому, наверное, разговор надо отложить. Тем более что, как подсказывал мой опыт, к таким беседам нужно хорошо подготовиться. Я тронулась в путь, по дороге обдумывая основные моменты беседы с местным краеведом. Почему-то мысль, что он изначально откажется от встречи со мной, даже не приходила в голову.

В усадьбе я еще внимательней, чем прежде, принялась перечитывать записи экономки. Из них следовало, что Васин приехал в апреле 1886 года и находился в усадьбе вплоть до убийства графини. Ему отвели комнату на первом этаже, а писал он наверху, в большой мансарде, которую приспособили под мастерскую. А еще я поняла, что граф заказал оба портрета к какому-то юбилею. Может, у них была круглая дата со дня свадьбы, а может быть, он хотел сделать жене подарок ко дню рождения? Странный, однако, граф… Думает о том, как развлечь жену, сделать ей приятное, причем думает об этом в апреле. А в июле убивает ее. Что же могло произойти между ними? Что могло за три месяца столь кардинально изменить его отношение к жене? Или, может быть, действительно граф был не в себе?

Я отодвинула записи в сторону и резко поднялась. В библиотеке послышался характерный шорох. Он исходил от письменного стола и совершенно явно перемещался в сторону двери. И тут вместо страха, который меня охватывал в подобных случаях, я почувствовала острую необходимость еще раз посмотреть на графиню. Увидеть ее глазами Васина, понять, что это была за женщина.

Я выскочила из библиотеки, словно меня подгоняла неведомая сила. А потом, перепрыгивая через ступеньки, отправилась в галерею. И остановилась возле портрета черноволосой красавицы.

Женщина в костюме Коломбины. Как странно… Определенно, мне нужно узнать побольше о самом художнике. Насколько ему вообще была свойственная подобная манера письма, или же это было пожелание графа? Коломбина… Героиня итальянской уличной

комедии. Ее любви добивались Арлекин и Пьеро. Я подошла совсем близко к портрету, а потом, как учил меня отец, резко сделала несколько шагов назад и посмотрела, не изменилось ли ее лицо?

Нет, женщина по-прежнему смотрела прямо на меня жгучими черными глазами. Да, она была красива. Но не так, как жена Громова — классической, строгой и в то же время чувственной красотой. Графиня была немного похожа на испанку. Лицо ее было страстным и утонченным, и одновременно что-то салонное, пикантное и даже чуть-чуть картинное проглядывало в этих чертах. Нет, вряд ли эта женщина была способна на сильные чувства. Скорее всего, она принадлежала к тем, кто позволять себя любить, кто предпочитает подставлять щеку, нежели целовать самой.

«ЛАНДЫШИ, ЛАНДЫШИ…»

Я стояла и внимательно рассматривала лицо графини, пытаясь с помощью портрета раскрыть новые грани ее натуры. И тут позади меня раздались шаги. Я обернулась и увидела Громова. Сердце мое бешено забилось…

Рядом с Громовым стояли двое мужчин, которые держали завернутую в холст картину.

— Лера! Какой приятный сюрприз! — обрадовался он.

— День добрый! А вы, оказывается, тоже неравнодушны к живописи? — немного удивившись подобной встрече, спросила я.

— Да… И причем очень давно. Впрочем, вы это и сами могли заметить, — Громов едва заметным жестом обвел галерею.

— Понятно. Просто я думала, это дань моде.

— Нет. Скорее дань собственным склонностям. Ставьте сюда, — одернул он рабочих, пытавшихся поставить картину на небольшое возвышение. Громов же показал им специальное место возле стены.

— Что вы приобрели?

— Акварель. «Цветы».

— А можно посмотреть?

— Конечно, о чем речь.

Громов подошел к картине и отдернул холст. Я увидела неплохую работу автора, которого знала уже много лет. Он был учеником Карпыча, друга моего отца. И тут мне пришла в голову свежая мысль. Карпыч! Он может мне здорово помочь. Ведь он читает в «Мухе» курс по истории российской живописи конца девятнадцатого века и просто не может не знать о Васине.

— О чем вы задумались?

— Вам правду сказать? Или как?

— Правду, — твердо ответил Громов.

— О портретах…

Громов выжидающе смотрел на меня, ожидая продолжения

— Понимаете, я разбирала архив и… в общем-то поэтому и пришла в галерею. Меня заинтересовал художник, написавший портреты графа и его жены.

Лицо Громова помрачнело. Он вдруг переместился в мыслях куда-то очень далеко от меня, и от его радостного и легкого настроения не осталось и следа. Меня удивила подобная перемена. Что, в такое состояние его погрузило мое упоминание о графе? И я предпочла задать лобовой вопрос:

— Скажите, что вы знаете о графе? — не сводя с него глаз, спросила я. — Вы тоже думаете, что он убил свою жену?

— Кажется, это не подвергается сомнению, — тихо ответил он. Потом, немного помолчав, спросил: — А почему вас это заинтересовало?

— Он не похож на убийцу. Вернее, каждый из нас может убить при определенных обстоятельствах, и я ни в коей мере не ставлю под сомнения результаты расследования… Но почему он это сделал? Должна же быть причина…

— Лера… Откуда вы узнали об этой истории?

— Ну… я услышала о привидении убитой графини, когда только приехала в поселок.

Потом, ведь слухи-то ходят…

— Да… А тут еще хозяин усадьбы — вылитая копия убийцы. Каково находиться с ним в одном доме? А вдруг и у него крыша поедет? — мрачно произнес Громов, и глаза его как-то потухли. Словно что-то выключилось внутри у этого сильного, успешного мужчины.

— Так вот в чем дело… — не удержалась я.

— О чем это вы? — поднял на меня глаза Громов.

— О книгах по психиатрии… Я никак не могла понять, кто из жителей дома увлекается этой наукой.

Мы в упор посмотрели друг на друга. И Громов иронически усмехнулся.

— Вы умная девушка, Лера. Даже чересчур.

— Граф был нездоров психически?

— Во всяком случае, моя бабка рассказывала именно так. Дурная кровь…

Он отошел в сторону и остановился возле портрета графини. Несмотря на всю свою власть и богатство, сейчас он показался мне безумно одиноким и… уязвимым. Некоторое время Громов молчал, а потом заговорил, больше обращаясь к самому себе, чем ко мне.

— Красивая женщина… Он несколько лет добивался ее любви. Много раз делал ей предложение, но она не принимала его. То ли не очень любила, то ли проверяла его чувства. Впрочем, его семья тоже была против этого брака…

— Почему? — рискнула напомнить о себе я.

— Это был мезальянс. Она была не из знатного рода. И только любовь графа смогла преодолеть негативное отношение к ней родни.

— Как ее звали?

— Елена. Он дал ей все, о чем она могла только мечтать. Исполнял любую ее прихоть…

— А она?

— Я не слышал о ней ничего предосудительного. Насколько мне известно, они были счастливой парой.

— И вас не удивляет, что он?..

Громов как-то сгорбился и словно постарел на десять лет. Он взглянул на меня, и мне стало не по себе: столько грусти и боли было в его глазах!

— Я же вам сказал, он был болен. Скорее всего, он убил ее в припадке бешенства.

Громов развернулся, собираясь уходить, но мне отчаянно не хотелось вот так, на этой ноте, расставаться с ним, и я выкрикнула, пытаясь его задержать:

— Но откуда вы знаете, что он был болен? Его освидетельствовали врачи?

Громов отрицательно покачал головой.

— Тогда почему вы так решили? Только из-за семейных преданий?

— Да… Я часто слышал, что у него был очень вспыльчивый нрав. И, поскольку я очень на него похож, меня с детства пугали, что если я не буду контролировать себя, то могу закончить тем же…

— Он что… оказался в сумасшедшем доме?

— Нет, до этого дело не дошло. Он не смог пережить ни ее смерти, ни судебного разбирательства. Он умер от сердечного приступа спустя несколько месяцев после того, что произошло.

Мы замолчали, Громов, видимо, давно ни с кем не разговаривал на эту тему. Он опустился на корточки возле только что купленной картины. И долго смотрел на нее. Весенние цветы были окружены едва заметной дымкой… Я подошла к нему и, повинуясь

безотчетному порыву, положила руку ему на плечо. Он накрыл мою руку своей ладонью. Я села рядом с ним и решилась задать вопрос, который давно меня волновал.

— Откуда у вас та акварель?

— Какая?

— «Ландыши»…

— А… Это давняя история. Когда-то я совершенно случайно попал на выставку одного художника. Его звали Семен Стрелкин. Я был поражен тем, что увидел… Наверное, именно его работы и зародили во мне любовь к живописи. До этого я был равнодушен к картинам. Но он…

Громов все говорил и говорил, а у меня глаза помимо воли наполнялись слезами, и, чтобы скрыть волнение, я склонила голову ему на плечо.

— Так вот, — продолжал Громов, — уже в середине девяностых, когда мои дела потихоньку пошли в гору, один мой знакомый, зная о моей любви к Стрелкину, сказал, что может устроить покупку его картины.

— И это были «Ландыши», — прошептала я.

— Да… Меня свели с какой-то девочкой… Я даже тогда удивился, совсем ребенок… А уже торгует…

Он повернулся ко мне и осекся на полуслове.

— Что с вами?

— Стрелкин — мой отец.

— Это были вы?

Я кивнула… Надо же, а я ведь даже не запомнила его — своего первого покупателя. Громов смотрел на меня с недоумением. А потом обнял и прижал к себе.

— Тебе была дорога эта картина?

— Очень. Но мне сказали, что именно ее выбрали по каталогу, так что… Нам очень были нужны деньги, отец уже начал болеть… Какое-то время мы смогли продержаться, а потом…

— Что? — спросил Громов, нежно и ласково гладя меня по волосам.

— Нам пришлось даже обменять квартиру…

Когда-то мы всей семьей жили в большой трехкомнатной квартире на Набережной Кутузова. Я выходила из дома, и передо мной, на противоположном берегу Невы, красовалась «Аврора», которую папа почему-то называл «символом разрушенных иллюзий», а чуть левее был виден шпиль Петропавловки. Отцу это казалось неслучайным и даже знаковым. Когда символ революции находится на одной линии с казематами, где сидели революционеры…

Я жила в этой квартире с самого рождения и очень ее любила. Но когда отец заболел, а я еще только поступила на журфак, денег стало катастрофически не хватать. И мы оба поняли, что прежняя, вольготная и беспечная жизнь нам более не по средствам и, как это ни грустно, но нужно что-то решать и где-то срочно доставать деньги.

Тем более что болезнь отца прогрессировала и требовала все больших затрат. Как моральных, так и материальных. Решение пришло нам в голову почти одновременно. Нужно обменять нашу «трешку» на что-то меньшее с доплатой и на эти деньги постараться жить по средствам, а главное, обеспечить ему качественное лечение. Ведь врачи почти сразу мне сказали, что лейкоз — это кому как повезет. Кто-то может сгореть за год, а кто-то относительно сносно может прожить и двадцать лет. Нужен только надлежащий уход,

хорошее питание ну и главное — желание жить у самого больного. Я понимала, что все это нам может дать обмен квартиры, а если уж придется совсем туго, то и продажа полотен отца. И мы оба стали обсуждать варианты обмена.

— Но только где-нибудь поблизости! — поставил мне условие отец.

Конечно, я согласилась. Я бы согласилась с чем угодно, лишь бы ему было хорошо. Он уже к тому времени практически не работал и почти не выходил из дома. Изредка, если позволяло здоровье, он шел в Летний сад, который находился в пяти минутах ходьбы от дома, садился на скамейку и слушал странного мальчика, игравшего на не менее странном инструменте, называвшемся виброфоном. И тогда, как он мне признавался, на душе у него становилось легко и спокойно. «Вот и славно», — думала я и звонила кому-то из его приятелей, чтобы устроить очередную выставку-продажу его работ. Благо, что веяния в живописи поменялись и отец неожиданно стал моден.

И если с картинами дела как-то двигались, то с обменом долго не ладилось. Отец и слышать не хотел о квартирах в новых районах, поскольку с самого рождения был фанатом старого Петербурга. А поблизости ничего подходящего все не попадалось. И мне пришлось изрядно побегать, чтобы найти вариант, который устроил бы его по всем позициям. После долгих просмотров, от которых уже шла кругом голова, я наконец-то увидела ее. Небольшую «двушку» на Пестеля — маленькую, но очень славную квартирку, с довольно большой кухней с окном под самый потолок, из которого потоком лился солнечный свет.

— Вот такая история, — сказала я Громову.

Он повернул мое лицо к себе и стал очень нежно и очень бережно целовать, словно перед ним была хрупкая фарфоровая ваза, которая может рассыпаться на мелкие кусочки от одного неловкого прикосновения. Будто миллион ярких бабочек взметнули своими крылышками у меня перед глазами, я почувствовала их непередаваемый шелест, который уводил меня все дальше и дальше в состояние неги и истомы. И мое «Я» куда-то испарилось, исчезло, будто его и не было вовсе, и осталось то, что и было изначально. Желание. Желание любить и отдаться любимому человеку. И это желание росло все сильнее, питаясь горячей волной, исходящей от мужчины, с которым я хотела слиться в единое целое…

И тут мы оба услышали шаги! Точно по команде, не сговариваясь, вскочили с пола и принялись машинально приводить одежду в порядок. В галерею вошел Дима, он бросил на нас беглый взгляд и как-то очень нехорошо усмехнулся.

— Похоже, я не вовремя?

— Это твой фирменный почерк — приходить не вовремя, — отрезал Громов. — Но раз уж ты пришел, пойдем в мой кабинет, я хочу просмотреть счета за этот месяц.

По лицу Димы скользнула недобрая усмешка, и он, отвесив мне шутовской поклон, удалился вслед за Громовым. Я же достала сигарету и закурила, чтобы привести в порядок и свои чувства и мысли.

Но ни думать, ни тем более анализировать, мне не хотелось. Уж слишком было хорошо… Приятная волна еще обволакивала тело и не спешила его отпускать. *Это любовь, подруга*, хихикнул внутренний голос. Ну да. Я была влюблена, и, что называется, по уши. Такого отрыва от реальности, такого улета прежде со мной никогда не было, да и вряд ли будет. Я мечтательно улыбнулась. И попыталась представить, как же хорошо нам будет *потом*, когда мы… О том, что возможен вариант, когда этого потом не будет… не хотелось даже и думать.

Я вернулась к портрету графини. И тут… Может быть, со мной сыграло шутку

освещение галереи — оно было не слишком ярким, может быть, расшалилось воображение, но я вдруг увидела возле портрета некую едва уловимо мерцающую дымку. Она появилась на мгновение и тотчас исчезла. Так быстро, что я даже не успела, как следует испугаться. А потом возникла вновь, словно привлекая мое внимание к портрету, а после снова пропала…

И в этот момент я отчетливо поняла, что сложатся у меня дальнейшие отношения с Громовым или нет, во многом зависит от того, смогу ли я докопаться до истины в этой истории. Пусть какая угодно, пусть даже самая ужасная, но правда! Потому что в противном случае помимо истории с его женой между нами будет стоять граф с его неуравновешенной психикой, которая привела его к убийству, как две капли воды похожий на моего Громова.

Я вернулась в библиотеку и принялась дальше изучать записи. Но вскоре поняла, что сейчас мне нужно совсем иное. А что именно? Наверное, разговор с человеком, который занимался этой историей и может оказать мне неоценимую помощь в расследовании.

Я набрала номер, который мне дали в редакции. К моей несказанной радости ответили почти сразу.

— Господин Гостюхин? — спросила я.

— Да, — ответил сухой мужской голос. — Чем обязан?

— Вы меня не знаете… Но мне очень, очень нужно с вами увидеться.

— А в чем дело? По какому вопросу?

— Меня зовут Валерия Стрелкина. Я изучаю только что найденный архив графа Белопольского, и мне нужна ваша консультация.

В трубке повисло физически ощутимое молчание. Сейчас он меня пошлет, причем открытым текстом и по известному адресу!

Гостюхин молчал долго. Невыносимо долго. Потом наконец:

— Вы изучаете материалы в усадьбе?

— Да.

— Давно там работаете?

— Не очень. Но у меня есть несколько интересных идей… — я попыталась его заинтересовать.

Он опять замолчал.

Да что же это за непруха такая!

Но тут Гостюхин дал о себе знать.

— Записывайте адрес, — сказал он.

* * *

Низкий деревянный, покосившийся и потемневший от времени домик. Крохотный, точно сошедший со старой открытки. Рамы, съехавшие набок и наклонившиеся к земле, почернели от времени и от равнодушия к ним хозяев домика. Стекла выглядели так, будто их не мыли лет десять. Я недоуменно разглядывала это творение деревянного зодчества и раздумывала, правильно поняла ли адрес и туда ли вообще попала… Потом открыла блокнот, куда записала то, что продиктовал мне Гостюхин, и еще раз проверила. Да, все верно. Я нажала на звонок, он сразу же отреагировал противной надрывной трелью. А вскоре передо мной предстал и сам хозяин дома. Он был весь какой-то низенький, неказистый, уменьшенная и очеловеченная копия дома, в старой домашней кофте и в

допотопных очках.

— Простите, вы господин Гостюхин? — спросила я.

— Да, Федор Михайлович. А вы, я так понял, Валерия.

— Правильно. Могу я войти?

— Конечно, заходите.

Я прошла в прихожую. И сразу в нос мне ударил запах чего-то кислого, соединенный с затхлостью и плесенью. Запах чего-то, что пробиралось наружу из наглухо закрытых тайников моей памяти. Ах да… Так пахла больница, где лежала мама. Запах лекарства накрепко смешивался с запахом больничной еды и образовывал ни с чем не сравнимый коктейль. Я невольно закрыла нос ладонью и задержала дыхание. Да… долго я в этом доме не выдержу. Тем временем хозяин двинулся вперед по длинному узкому коридору.

— Проходите, проходите, — крикнул он мне. — Можете не разуваться.

Я сняла куртку, повесила на первый же попавшийся крючок и пошла вслед за ним. Перед окрашенными в белый цвет дверями он остановился и галантно распахнул передо мной створку.

— Прошу.

Я вошла в комнату, бедно, если не сказать, убого обставленную. И в нерешительности остановилась. Посередине стояли два обветшалых кресла, а между ними находился журнальный столик, которому было столько лет… Ну, в общем, мебель такого класса столько не живет. Из достопримечательностей здесь еще находился такого же возраста сервант, для полноты картины не хватало только фаянсовых слоников.

— Что же вы встали, словно боевая лошадь на посту? — спросил меня Федор Михайлович и сам опустился в одно из кресел.

Я рискнула и села напротив. К моему великому счастью, кресло не рассыпалось и мужественно выдержало гостя, осмелившегося использовать его по назначению.

— Хотите чаю?

— Нет, спасибо.

— Тогда чем обязан?

— Понимаете, я хотела бы узнать две вещи…

— Это сложно. Я не раздаю информацию направо и налево.

— Я понимаю. Выгоды вам от меня никакой. Ну, кроме денег… Я могу вам заплатить…

Гостюхин поморщился.

— Милая девушка, я уже в том возрасте, когда человеку много не нужно. К тому же привык обходиться самым необходимым. И согласился встретиться не из-за денег.

— Тогда почему?

— Меня в вас привлекло другое…

— Что?

— Неподдельный интерес к семье графа и этой истории.

Он пристально посмотрел на меня, словно хотел удостовериться в правильности своих слов.

— Вы правы. Именно интерес. И сейчас я постараюсь кое-что прояснить. В усадьбе я видела портрет графа, написанный Васиным… Потом узнала, что он любил свою жену и они жили счастливо. Но самое главное… Я, конечно, не очень хороший физиономист, но… не могу представить его в роли сумасшедшего, который вдруг обезумел настолько, что не только убил жену, но еще и спрятал труп. Понимаете, тут есть нестыковки. Вот представьте,

человек, к примеру, убеждает, что он убил в состояния аффекта. А потом мы узнаем, что он ехал на машине, в багажнике которой находился труп, на полдороге остановился, вышел из машины и пошел к ларьку, чтобы купить сигареты. Вернулся и закурил. Все! Кривая разомкнулась. И если он таки довел задуманное до конца, то об аффекте не может быть и речи. Перед нами обдуманное, преднамеренное убийство. Так и граф! Я допускаю, что он мог в беспамятстве или по другой причине обезуметь настолько, чтобы убить жену. Но потом… Он настолько быстро приходит в себя и так хорошо прячет труп, что дознаватели не могут его найти?! Ведь труп вообще не найден. Вы верите в правдоподобность такой картины? Я — нет. Либо человек безумен, либо нет.

— Ну я мог бы с вами поспорить. Иногда приступы безумства проходят очень быстро, и тогда, очнувшись, человек с ужасом смотрит на то, что он сделал.

— Согласна. И очнувшись, тотчас пытается избавиться от трупа, чтобы нельзя было ничего доказать. Но случай с графом иной. Во-первых, его все-таки обвинили в убийстве и только сердечный приступ спас его от тюрьмы. Так почему бы ему, человеку, безусловно, верующему, не покаяться в содеянном? Почему не снять грех с души?

— А во-вторых? — спросил Гостюхин.

— Он любил ее. И увидев, что сделал с любимой женщиной, пришел бы в ужас от своего поступка! Да и вряд ли стал бы избавляться от трупа… Даже если и был не в себе.

— Во всей вашей теории есть один пробел.

Я изумленно посмотрела на него.

Гостюхин вытащил откуда-то чуть ли не из-под полы пачку «Беломора» и закурил.

— Граф никогда не был сумасшедшим.

— Но ведь…

— Я знаю, ходило множество слухов, и я сам изучал огромное количество материалов. Нигде нет прямого свидетельства о душевной болезни графа. Более того, на следствии его сразу же направили на психиатрическую экспертизу.

— И?

— Вердикт медиков — здоров. Так что его душевная болезнь — не более чем легенда. Но есть другое… Множество упоминаний о его скверном характере. Кстати, именно это, а не психическая неуравновешенность, и послужило причиной того, что на графа пало подозрение в убийстве жены.

— Почему?

— Они поссорились накануне. Это слышала дворня и дала показания. Я читал уголовное дело в городском архиве.

— Я вас очень прошу, расскажите мне все подробно.

— Да вы и так многое знаете… Граф был вспыльчив и ревнив. И хотя они с женой жили хорошо, ссоры между ними случались.

— И к кому же он ее ревновал?

— Конкретных свидетельств нет. Просто графиня была очень красивой женщиной, а он редко бывал в усадьбе и справедливо полагал, что ей здесь скучно и, чтобы развлечься, она вполне может завести необременительный романчик.

— Почему необременительный?

— Да ее ведь по всем статьям устраивал этот брак. Девушка из обедневшей семьи делает блестящую партию… Как вы думаете, она будет дорожить своим браком?

— Думаю, да.

— К тому же ничего предосудительного я о ней не читал. И означать это может одно из двух. Либо она действительно любила графа и была ему верна, либо умело скрывала свои похождения. Очень умело. Настолько, что об этом никто не догадывался. Но и в том и в другом случае получается, что графиня дорожила своим положением и не собиралась его терять.

— Понятно. И что же, по вашему мнению, произошло на самом деле?

Гостюхин пожал плечами. Дескать, версий может быть много, но что там было…

— Вы считаете, что граф был психически здоров. А что он вообще был за человек?

— Да по всем данным очень достойный. Имением управлял исправно, к тому же был очень образован… Нет, ничего крамольного о нем сказать не могу.

— А почему он редко бывал в имении?

— Так у него банк был в Петербурге.

Я усмехнулась. История всегда повторяется дважды. Первый раз как трагедия, а второй… Верно, как фарс. Там банкир — и сейчас банкир. С одинаковыми характерами…

Я решила, что пора прощаться. Самое основное, как мне казалось, я выяснила. Данных о психической болезни графа нет никаких. И с этим результатом я могу вернуться в усадьбу. Гостюхин поднялся вслед за мной и немного удивленно спросил:

— Это все, что вы хотели узнать?

— В принципе, да. Меня интересует только этот период в жизни Белопольских.

— Ну, боюсь, что я мало чем смог вам помочь.

— Мне так не кажется, — я немного помолчала, а потом спросила, больше для очистки совести: — А скажите, этот художник Васин, который написал портреты… О нем вам что-нибудь известно?

— Немного. Он проходил свидетелем, когда открыли уголовное дело.

— И что показывал?

— Да так… Дескать, ничего особенно не заметил. И с графом, и с графиней у него ровные отношения, без всяких конфузов. А потом, уже после следствия, он стал бредить… Дескать, является ему покойница и зовет за собой… Вот он на этой почве умом и тронулся. Это известно доподлинно.

— Ага… Вот, значит, откуда пошла история о привидении. Господин Васин первый вынес ее в народ.

— Вы тоже ее слышали?

— Разумеется. И даже поверила в нее. Ну так… Чуть-чуть.

— А вообще в наших краях для художников климат плохой…

— Почему?

Этот вопрос, я уже задала в коридоре, где торопливо натягивала на себя куртку. Мне казалось, что если я еще хоть немного задержусь в этом доме, то просто задохнусь…

— Не знаю. Только плохой и все тут. Васин руки на себя наложил, почти сразу после следствия.

— Надо же, — сказала я, уже открывая входную дверь.

— Да… — проговорил Гостюхин. — А в советские годы был один художник… Очень популярный, хотя вы вряд ли его знаете… Стрелкин. Однофамилец ваш. Слыхали?

Я не успела ничего ответить, как он с жаром продолжил рассказ. А я изо всех сил вцепилась в дверную ручку.

— Так вот, у него тут любовь несчастная приключилась. И чуть он тут не помер.

— В каком смысле? — спросила я, ошарашенная тем, что отец вообще бывал в этих местах.

— Актрисочку он одну любил. Сильно любил. Я тогда при Доме творчества краеведческим отделом заведовал… И любовался…

— Что?

— На них. Они светились оба. У нее здесь дом, вот он и уходил к ней частенько. А в Доме творчества картину писал…

— Какую?

— Саму усадьбу и графиню, которая тонет в болотах.

— А почему он решил ее написать?

— Ну я ему рассказал эту историю. Это ж ежу понятно, куда труп можно было спрятать. Только на болота и отнести… Он весь впечатлился… И стал писать.

— Поэтому и с актрисой расстался?

— Нет… Там другая история… Он мне как-то по пьяни признался, что хотел было жениться на ней… жить вместе… А не выходит…

— Почему?

— Дочь встала на дыбы. Никак не хотела, чтобы отец еще раз женился. Он потому и приехал сюда, чтобы побыть с актрисой… Да никак не мог смелости набраться, чтобы ей сказать, что не станет жениться. Из-за дочери. Очень он переживал из-за этого.

— А что за актриса? — сдавленным голосом спросила я, хотя уже знала, какое имя он назовет.

— Не помню. Знаю, что в те годы она была очень известна. Но точно помню другое. Видимо, он ей все же рассказал, потому что однажды я ее встретил у озер на болотах… У нее такое лицо было, что я испугался, как бы она чего с собой не сотворила.

— Спасибо вам, — пробормотала я плохо слушающимися губами. — Мне пора.

ХУДОЖНИК И АКТРИСА

Я вышла на улицу. Колени тряслись, и ноги с трудом меня слушались. «Видно, нога еще недостаточно зажила», — успокаивала я себя, хотя и понимала, что травма здесь ни при чем. Меня подкосило то, о чем поведал мне краевед. Мой отец… Он выбрал единственную женщину, которую я была бы рада видеть рядом с ним… Но почему? Почему он так поступил? Мог ведь познакомить нас… Хотя… да, мне ведь русским языком сказали — из-за меня. Дескать, я встала на дыбы. Мысли у меня путались, и я, с трудом передвигая ноги, дошла до машины.

Я села в машину и задумалась, не в силах переварить услышанное. Надо же, какие дела творятся на белом свете! У отца с Ксенией был не просто роман, а то, что называется любовью. И было это настолько серьезно, что Ксения хотела даже выйти за него замуж. Странно… Но я совсем ничего не помню. Хоть убей. Не помню нашего с ним разговора… Неужели я смогла позабыть такую, можно сказать, судьбоносную для него вещь? Удивительно все-таки устроена наша память. Столько мелочей помню, а вот это забыла… Я машинально вставила ключ и завела «старушку». Пора трогаться, родная. Ну, давай, девочка… «Старушка» сдвинулась с места, и мы не спеша поехали в сторону усадьбы. За окном мелькали одинокие и почти голые, как и положено в октябре, деревья, а я все ломала свою не очень умную голову над вопросом: зачем Ксении такие теплые и почти родственные отношения с человеком, который сломал ей жизнь? Со мной, то есть.

Этот вопрос саднил у меня в душе, как заноза, и я резко остановила «старушку». Ничего не понимаю… Неужели я была такой эгоисткой, что устроила отцу какую-нибудь сцену? Но и об этом моя память услужливо молчала. Я достала сигареты и закурила. Еще бы чашку кофе, и мне стало бы легче… Я развернула машину и двинулась к близлежащему бару. А когда вошла туда, то первым делом заказала чашку крепкого эспрессо.

Итак… Мне наверняка было лет пятнадцать-шестнадцать, когда отец стал встречаться с Ксенией… Ну давай, вспоминай… Нет. Заклинило. Я даже не помнила каких-либо отрывочных зарисовок, которые могли бы навести меня на события того периода.

И тут меня удивило другое… Почему мне не пришла в голову самая простая мысль? Ведь можно спросить у Ксении… Во всяком случае, я хочу узнать и о том, что было, и, главное, почему она так благородно и так по-христиански ведет себя со мной?

Я позвонила. Дома Ксении не было, а мобильник она отключила. Наверняка на съемках и вернется неизвестно когда. И что теперь? Можно оставить ей сообщение… Потом дождаться, когда она вернется… Нам о многом нужно поговорить.

Отсюда плавно вытекало иное действие. В усадьбу мне сегодня ехать не судьба. Пора наведаться в Питер. Действительно, ехать туда мне все равно придется, хотя бы для того, чтобы встретиться с Женей и обсудить с ним кое-что, напрямую связанное с женой Громова. А потом нужно позвонить Карпычу, а еще лучше увидеться с ним, чтобы собрать максимальную информацию о Васине. Хватит мне блуждать в трех соснах собственного сознания. И лучше все это сделать сегодня. А завтра… Завтра я обязательно увижу Ксению и все выясню.

И я развернула машину.

* * *

Едва я переступила порог своей квартиры, как в кармане куртки заверещал мобильник. Я посмотрела на дисплей, номер был незнаком, но я все же решила ответить.

— Да…

И, к своему удивлению, услышала взволнованный голос Громова.

— Лера! Куда же вы пропали? С вами все в порядке?

Боже мой, я ведь уехала спонтанно и даже никого не предупредила в усадьбе.

— Да… все нормально. Просто пришлось срочно уехать в Питер.

— Что-то случилось? — Он замолчал, а потом, словно на что-то решившись, продолжил: — Может быть, мне приехать? Вам нужна помощь?

Нет, помощь мне была не нужна. А вот его общество… Мне ужасно хотелось его видеть. Но почему-то я чувствовала, что его приезд нас не сблизит, а, наоборот, только отдалит. И, наступив на горло собственной песне, ответила:

— Честное слово, у меня все хорошо. Я завтра во второй половине дня буду в усадьбе. У меня есть для вас неплохие новости.

— Не совсем понял вас…

— Да о графе… Он был абсолютно здоров. Это засвидетельствовала судебная психиатрическая экспертиза.

Я услышала слабый вздох облегчения, который невольно вырвался у Громова.

— Лера… Я хотел вам сказать… — И он снова замолчал.

— Что? — почти шепотом спросила я, замирая.

— Мне очень понравилась наша беседа в галерее…

— Мне тоже, — засмеялась я.

И мы опять замолчали. Но совсем по-другому. Как очень близкие люди, которым слова не нужны. Ведь они и так прекрасно понимают друг друга.

— Ну хорошо… Спокойной ночи, — сказал Громов. — Я тебя целую.

— Я тоже. До завтра.

Я отключила мобильник! И увидела в зеркале свое сияющее лицо. Действительно, я готова была петь и танцевать до самого утра. Усталость как рукой сняло. Я даже не почувствовала, что я вернулась домой, что соскучилась за это время по своей квартире. Громов… Господи, неужели!

Как же все-таки замечательно, что я согласилась пожить у Ксении! Ведь, если бы не ее предложение, если бы не стечение очень многих обстоятельств, я бы могла никогда не встретиться с главным человеком в моей жизни. И тут я остановилась… надо как-то собраться с мыслями… Ксения! А потом вспомнила еще об одном человеке, которого сама пригласила, подъезжая к дому.

Сейчас Женька приедет, а я тут брожу в полной прострации, как блаженная идиотка. И тут действительно раздался звонок в дверь.

— Иду, иду, — пробормотала я.

На пороге стоял Женя. Мы посмотрели друг на друга и словно по команде улыбнулись.

— Хорошо выглядишь, подруга. Я бы сказал, что даже как-то изменилась. Заметь, в лучшую сторону.

— Хватит бедной девушке лапшу на уши вешать, давай, проходи в дом.

Женя зашел в прихожую, бросил куда попало куртку и, не разуваясь, направился в комнату, где тотчас плюхнулся на диван. А потом королевским жестом достал маленькую бутылку «Хеннесси» и с не менее королевским величием наполнил подставленные рюмки.

— Разговор, я полагаю, будет серьезным? Значит, без пол-литра не обойтись, — сообщил он мне. — А закусь, Белка, твоя.

— Идет, — ответила я и достала из сумки сыр и колбасу, которые предусмотрительно купила в нарезке.

— Ну? Выкладывай, — нетерпеливо сказал Женька. — Но прежде давай выпьем.

Мы выпили за нас, хороших, и… я ему все рассказала. Об усадьбе, о графе и о таинственном исчезновении жены Громова.

— Значит, так… — выдал вердикт Женя. — Перво-наперво нужно навести справки о его жене. Понимаешь, люди просто так не исчезают. И ей намного выгодней было развестись с ним либо уехать, но продолжать его «доить».

— А ты сможешь деликатно узнать про нее?

— Обещать ничего не могу, но постараюсь… Все, что нарою, — все твое.

— А что ты думаешь об убийстве графини?

Но Женька только рукой махнул. Дескать, тут и думать нечего. Дела давно минувших дней, и мир их праху. Но вслух сказал другое:

— Я вообще не пойму, чего тебя в эту глушь потянуло? Лучше бы шла к Петровичу на канал…

— Он что?..

— Да, перешел на тот канал, куда тебя сватал. Так что в любой момент можешь трудоустраиваться.

Я посмотрела на Женьку и почувствовала, как волна теплоты и нежности переполняет меня. Надо же! Петрович все-таки ушел… А я думала, это все просто так… Трепотня и словоблудие.

— А ты сейчас где? — спросила я у Женьки.

— С ним работаю. Не мог же я оставить его одного. Там ведь тоже гадюшник тот еще. А Петрович у нас… Да ты сама знаешь, его нужно в Красную книгу заносить.

— Это верно, — согласилась я.

— А ты когда думаешь к нам присоединяться? Команда отличная, да и руководство толковое…

— Скоро, Женя, скоро. Вот разберусь с тем, что наметила, и приду к вам.

— О’кей! И помни, Белка, мы тебя всегда ждем.

Я тепло ему улыбнулась, а он накрыл мою руку своей. Так мы просидели, наверное, несколько минут. Потом Женя едва ли не подскочил.

— Ну, старуха, пошел я. Заболтался тут с тобой, а меня такая телочка ждет.

— Иди, иди. Удачи в покорении нового тела.

И вдруг Женя, к моему великому удивлению, смутился и даже как-то потупил взгляд.

— Знаешь, Белка, это не совсем тело.

— Да неужели? И тебя зацепило?

— Вроде того. Ну ладно, я побег. Целую крепко, ваша репка.

Я проводила Женю до лифта, и там, на лестничной площадке, мы еще немного поболтали. Потом я вернулась в квартиру, села в кресло и задумалась, что же мне теперь делать? С Ксенией нужно переговорить обязательно, и чем скорей, тем лучше. Ну не могу же я страдать провалами в памяти. Во всяком случае, прежде со мной такого не бывало… Да и потом, Гостюхин не сказал ведь, что это была она. А вдруг отец влюбился в другую актрису? Может быть, она гостила у Ксении или у кого-то из знакомых. В конце концов, не одна

Ксения была популярна в те годы… Но что-то подсказывало, что отец был увлечен именно Ксенией… Я даже не сомневалась в этом. И все же… Есть шансы, что мой внутренний голос ошибается, и пока я не выясню, я не смогу успокоиться.

Чтобы чем-то занять себя, я достала книги отца и стала искать любую информацию о художнике Васине. Конечно, я не думала, что найду все ответы на вопросы, но хоть что-то… Мне сейчас могла помочь любая мелочь. И тут опять заверещал мобильный. Я посмотрела на номер — это Ксения.

— Да, — ответила я.

— Лера, девочка моя, что случилось?

— Да ничего особенного. Просто мне нужно с вами увидеться и поговорить.

Ксения замолчала, будто на время взяла тайм-аут. А потом сказала…

— Приезжай ко мне сейчас.

— Уже поздно.

— Лера, все вопросы нужно решать сразу по мере их поступления. Я тебя жду.

— Согласна. Еду.

ЛОЖЬ ВО БЛАГО

Ксения сидела за столом и выжидающе смотрела на меня. А я… Я медленно пила кофе, так и не находя сил начать разговор. Наконец, видимо, Ксения устала от ожидания и решила прервать тягостное молчание. Она встала и, точно героиня какой-нибудь мелодраматической пьесы, подошла ко мне, держа в руках кофейник. Картинно наклонилась и добавила еще кофе в чашку. А потом повернулась ко мне и в упор посмотрела. Я постаралась выдавить из себя улыбку, но, видимо, театральных данных у меня маловато, поэтому улыбка получилась жалкой и фальшивой. Ксения положила руку мне на плечо.

— Лера, может быть, ты скажешь, что произошло?

Я еще сосредоточенней принялась рассматривать кофейную гущу на дне своей чашки. А потом подняла глаза на Ксению и в упор посмотрела на нее. Пора спросить о самом главном, напрямую, без всяких вокруг да около.

— У вас был роман с моим отцом?

По лицу Ксении пробежала едва заметная тень, а глаза подернулись легкой, еле различимой дымкой.

— Да… Был.

Она горько улыбнулась. Мне стало неловко, словно я вступила на некую запретную территорию, нарушив не мною установленные границы. Но Ксения тут же продолжила, стараясь не смотреть на меня:

— Впрочем… Мне нужно было сразу… самой… тебе сказать. А не устраивать тайны.

Тайны… Хождения вокруг да около… завуалированные фразы, истинный смысл которых без надлежащей практики понять было невозможно. О! Это мне было хорошо известно. Настолько, что порою хотелось кричать от безысходных попыток вырваться из порочного круга, царившего у нас дома, пока мама была жива. И только много позже, когда я стала уже относительной взрослой и твердо пообещала себе больше ни с кем, ни при каких условиях не играть в игры, не манипулировать людьми и по мере собственных сил не поддаваться манипулированию, мне стало немного полегче. Исчез тот душный, обволакивающий тебя плотной тканью воздух, мешающий жить и дышать.

— Рано или поздно ты все равно бы об этом узнала, — тем временем говорила Ксения. — И так оно и произошло. Если тебе интересно, У нас с твоим отцом был не роман. Я любила его. А он, смею думать, — меня.

И снова мы замолчали, я понимала, что нужно еще многое сказать, но главное было уже произнесено. Все мои догадки подтвердились. Кроме одной: я так и не смогла вспомнить своего разговора с отцом.

— Ксения…

Она похлопала меня по руке и отошла. Немного. Совсем чуть-чуть. И я не очень понимала, какая она сейчас. Реальная и настоящая или играет роль, чтобы легче перенести этот трудный для нас обеих разговор. Ксения опустилась в кресло, стоящее рядом со мной, и повернулась ко мне. Весь ее облик говорил, я открыта… Давай поговорим откровенно. Это придало мне сил. Но я никак не могла сказать всего, что меня волновало. И Ксения бросила мне спасательный круг.

— Девочка моя… От кого ты об этом узнала? — проникновенным, хорошо поставленным голосом произнесла она. Но… я услышала, да нет, скорее почувствовала

совсем другое… Вся система Станиславского не могла скрыть ее смятения от того, что нужно вести разговор, возможно, о самом болезненном отрезке ее жизни.

— В поселке… — ответила я. — От местного краеведа… Но не в этом суть. Он просто обмолвился о художнике Стрелкине, влюбленном в актрису… Художник хотел жениться, а его дочь, злобное эгоистичное создание… — я запнулась, подыскивая слова, а потом сказала, как есть, точнее, как в моем представлении было. — В общем, из-за нее все расстроилось.

— И что ты хотела бы узнать? Так ли все было?

— Не только.

— Спрашивай… Я отвечу на любой вопрос. И… скажу правду.

— Почему вы, узнав, кто я, стали меня опекать? Согласитесь, это довольно странная реакция.

— Почему?

— Ну вы же не мать Тереза…

— Ладно, объясню. Вначале мне было интересно тебя узнать ближе… Понять, что ты за человек… Почему ты так поступила. Хотя… Это как раз было понятно.

— Детский эгоизм, — саркастически проговорила я.

— Да… Конечно, он присутствовал. Я внимательно к тебе присматривалась, особенно на интервью… А потом, когда я узнавала тебя все лучше и лучше, я… привязалась к тебе… Ты становилась мне все ближе. И это естественно. Ты ведь дочь человека, которого я действительно любила. А потом…

— Что?

— Из каждой ситуации есть два выхода. Можно потерять, а можно приобрести… Я решила приобрести.

И мы обе опять замолчали. Просто сидели рядом, задумавшись, каждая о своем.

— Ксения, а когда отец должен был поговорить со мной. В каком году, в каком месяце?

Она задумалась.

— Знаешь, я тебе этого вот так сразу, наверное, и не смогу сказать.

— Ну хотя бы примерно.

— Разговор о том, чтобы все рассказать тебе, а потом… и познакомить нас, поднимался не один раз. Я даже злилась, говорила, что он малодушничает, что нельзя обманывать человека, пусть даже и не совсем взрослого. Что у вас в доме неизбежно будет усиливаться атмосфера фальши…

Я слушала Ксению и просто диву давалась. Насколько же они с отцом были разными людьми. И неожиданно поняла для себя очень важную вещь: поняла, почему меня так потянуло к Ксении… Конечно, она была хорошо воспитана и, когда нужно, умела сдерживать себя и быть дипломатичной… Но по большому счету Ксения, несмотря на свою профессию, была очень искренним человеком. Можно даже сказать, прямодушным. Ей претили и карьерные войны, в которых она принципиально не принимала участия, и закулисные интриги, и тайны всевозможных мадридских дворов. Она просто абстрагировалась от этих ситуаций, держалась от них на расстоянии.

А у нас дома… Все обстояло с точностью до наоборот. Мы редко напрямик говорили друг другу то, о чем думали, о чем переживали… Все выражалось в иносказательной форме. Вроде как по принципу: «Милый мой, хороший, догадайся сам». Вот и догадывались. Хотя чаще всего получалось, как в детской игре в «испорченный телефон». И, конечно, первую

скрипку в этом играл отец со своими романами и романчиками, привыкший изначально юлить и изворачиваться перед мамой. Для него эти тайны, эти иносказания были естественной средой обитания, и, возможно, иной жизни он не мыслил и быть другим не умел. И вот такому человеку Ксения сказала, что нужно снять маски и выложить карты на стол! Очень интересное кино, однако, у них получилось. Насколько я знала отца, он, должно быть, был очень увлечен женщиной, если позволил ей такие заявления. Впрочем, такую, как Ксения, тоже встретишь нечасто.

— А он? — спросила я.

— Все обещал… Обещал… Много раз. Но откладывал. Я понимала, что для него это не просто, и старалась не очень давить на него. Хотя, — Ксения усмехнулась, — не могу похвастаться, что у меня это отменно получалось. Боюсь, я заняла довольно жесткую позицию в этом вопросе.

О том, что мягкость и терпимость Ксении — маскировка, я догадывалась давно. Она была, безусловно, истинной леди до кончиков ногтей, но леди, которая обладает большой внутренней силой. И с этим окружающим приходилось не только неоднократно сталкиваться, но и считаться. Я сама была свидетельницей, как при определенных обстоятельствах Ксения предъявляла свой стальной характер и далее шла вперед, не видя никаких ограничительных надписей. И такой знаток женщин, как мой отец, мог не заметить очевидного! Впрочем… Насколько я его знаю, он наивно думал, что вся внутренняя сила этой женщины — пустяки, которыми Ксения пожертвует ради любви к нему. А может быть, он полагал, что щекотливая ситуация сама собой как-нибудь рассосется.

— Но все разрешилось неожиданно, — точно прочитав мои мысли, сказала Ксения. — И произошло под Новый год… Тебе было пятнадцать. Я запомнила это потому, что он советовался со мной, что тебе подарить летом. Ведь в августе тебе должно было исполниться шестнадцать лет, и отец хотел подарить тебе что-то из драгоценностей…

— Да… Все верно. Он так и сделал, — задумчиво пробормотала я.

Чудеса, да и только. Несмотря на новые подробности, возникающие в нашем разговоре, я по-прежнему ничего не могла вспомнить. И это уже начинало пугать. Я отчетливо помнила, как отец подарил мне колечко с крохотным бриллиантиком. Он еще сказал тогда, что бриллианты не только лучшие друзья девушек, но и камень львиц. Поэтому мне сам бог велел носить такие драгоценности. Помню, как обрадовалась этому подарку и ещё — как отец сказал, что сразу после для рождения мы на две недели поедем отдыхать в Болгарию… Надо же! Отец был влюблен в Ксению, а ехать предлагал нам вдвоем. Она ведь тоже могла поехать, и там, на море, мы бы обязательно и познакомились бы, и сблизились. Почему же отец не сделал такой простой ход, чтобы познакомить и подружить двух любимых женщин? И тут до меня дошло! Новый год!

— Ксения, а он случайно не сказал, что переговорит со мной на эти праздники?

— Да… Именно так он и сказал. А почему ты так изумленно на меня смотришь?

Мне хотелось расхохотаться! До колик! До истерики! До слез! Почему? Да потому что именно эти зимние каникулы я провела не в Питере! Еще задолго до окончания второй четверти отец неоднократно заводил разговор о том, что мне нужно поехать к бабушке в Лугу. Бабушка эта была со стороны мамы, и мы с ней никогда особо не ладили. Я тогда была в полном недоумении, с чего это отец заболел такой острой заботой о маминой родне. И мне пришлось выслушать довольно пространную речь о моем эгоизме и черством отношении к людям, которые совсем недавно потеряли самое дорогое — своего ребенка. Я тогда сделала

то, чего не делала почти никогда… Я откровенно нахамила ему. Напомнив, что я тоже потеряла самого дорогого и любимого человека. Он же обнял меня, долго гладил по волосам, точно я была маленькой девочкой, и сказал:

— Белка, как бы тебе ни нахамили, как бы ни нагрубили, как бы ни обидели… Запомни, моя девочка, на всю жизнь… Ты принцесса… Нет, королева! И не должно особе королевской крови опускаться до ругани и хамства. Никогда не отвечай бранью на брань. Будь выше этого!

— А как же поставить их на место? — удивленно спросила я.

— Не волнуйся. И без базарной брани можно достойно поставить обидчика на место.

Я прижалась к нему и жалобно захныкала:

— Пап, я не хочу ехать к бабушке…

— Нужно, Белка, нужно. Это даже не обсуждается.

Чуть ли не рыдая от жалости к себе, я все-таки уехала. На долгие две недели. Сейчас я вспомнила этот разговор в мельчайших подробностях. Вспомнила еще и потому, что никогда не забывала. Пожалуй, это был единственный случай, когда отец разговаривал со мной с таким пафосом и с таким жаром стремился отправить меня в Лугу.

Вот и вся разгадка. Никакой амнезии у меня нет. Я не помнила этот разговор про Ксению по той простой причине, что его и не было. Ох… Как это было в духе отца. Он не нашел в себе сил поговорить со мной, а может быть, и не хотел. Или боялся еще раз вступить в бурную реку под названием «семейная жизнь». А потому использовал меня в качестве щита, прикрывающего его хваленую свободу. Ксения изумленно смотрела на меня. И я поняла, что должна рассказать ей. Но она опять сама протянула мне руку помощи.

— Лера… Что тогда произошло?

— Ничего. В буквальном смысле. Он не смог поговорить со мной. Я уехала к бабушке на все каникулы.

Она закрыла лицо руками, и я заметила, как украдкой она смахнула слезинку.

— Как же так… — проговорила Ксения и повторила: — Как же так… — А потом едва слышно сказала: — Я догадывалась… Он просто испугался…

Мне очень хотелось обнять ее. Мне показалось, что за эти минуты она постарела лет на десять. Я уже жалела, что пришла к ней с этим разговором и разрушила последние иллюзии дорогого мне человека. Наконец Ксения повернулась ко мне.

— Лера… Так получилось, что человека ближе и роднее чем, ты, у меня нет. Но сейчас, моя девочка, я прошу тебя… Оставь меня. Мне нужно побыть одной.

— Конечно… Я понимаю… Ксения… Он любил вас. Теперь я это знаю точно. И кто знает, если бы не… я, болезнь мамы… наверное, вы были бы вместе.

— Спасибо, — сказала Ксения.

Я наклонилась и поцеловала ее. А потом набросила куртку и тихонько вышла.

* * *

В большой, словно сошедшей со страниц глянцевого журнала комнате, вальяжно развалившись в кресле, расположился Карпыч. Я приехала к нему сразу после разговора с Ксенией. Приехала по делу, а точнее, за информацией о художнике Васине, чья личность не давала мне покоя все это время. Но если быть до конца честной, то столь стремительный

вечерний визит был вызван другими обстоятельствами.

Мне необходимо было если не до конца избавиться, то по возможности смягчить осадок, оставшийся после встречи с Ксенией. Я понимала, что, с одной стороны, этот разговор неизбежно — рано или поздно — произошел бы… А с другой, я боялась, что мы можем так и не преодолеть трещину, возникшую в наших отношениях после этого разговора… И это было бы ужасно обидно! Я очень привязалась к Ксении. Она стала для меня по-настоящему родным человеком. И одна лишь мысль, что наша душевная связь может прерваться, вызывала у меня невыносимую боль.

Да, папа… Даже с того света ты умудряешься загадывать близким людям такие ребусы…

Тут мои мысли прервал Карпыч. Карпыч — высокий, очень полный мужчина, он весит больше ста килограммов, но при этом носится, как мальчишка… Я всегда удивлялась, как при такой полноте он обладал такой подвижностью… Но он не раскрывает своих секретов, отшучиваясь, что единственным его хобби являются большие, под стать ему, пространства. На иных же площадях он чувствует себя, как слон в посудной лавке. Карпыч подошел к книжной полке, достал какой-то альбом, а затем принес его мне.

— Вот смотри, — показал Карпыч, — это его работы. Васина.

Я стала внимательно рассматривать репродукции. Как и прежде, я видела у Васина несомненные способности, но… чтобы говорить о таланте, а тем более о гениальности… Что-то я сомневаюсь. Я закрыла альбом и передала его Карпычу.

— Очень стильно, — я постаралась выдавить из себя комплимент художнику.

— Да… Способный был парень. Почему он вообще тебя заинтересовал? — спросил Карпыч.

Мне не хотелось ему рассказывать длинную историю о графе и графине, и поэтому я сказала первое, что пришло в голову.

— Я сейчас работаю над архивом в одной усадьбе, и там увидела его работы.

— Ну и? — переспросил Карпыч…

— Есть в них что-то. Зацепили они меня. Хотела дома о нем что-нибудь отыскать, а у нас практически ничего и нет.

— Твой отец не любил Васина. Не видел у него таланта.

«Я тоже, — мысленно добавила я. — Если бы не история с графом, то Васин меня вообще бы не заинтересовал».

— А у тебя глаз верный, — продолжал тем временем Карпыч. — Ты его приметила… Помню, мы с твоим отцом крепко поспорили об этом Васине. Чуть не поссорились, — усмехнулся Карпыч. — И что ты думаешь, время таки расставило все на свои места. Не забыли люди о молодом и способном человеке…

— Каким образом?

— А вот, представь себе, не так давно мне один студент курсовую о нем принес.

— Надо же, — пробормотала я.

— Очень даже любопытная работа.

— И что же он пишет?

— Много рассуждает о его манере письма, а потом делает этакий экскурс в его личную жизнь.

— И все-таки, Михаил Карпович, я не совсем поняла. Что же можно о нем написать? Он ведь умер очень давно, да и было ему всего двадцать пять лет. Какая такая у него могла быть

личная жизнь?

— Про это не знаю. Сам не очень вникал. Но могу сказать точно: Васин не умер, а покончил с собой. Душевное расстройство. Эх, если бы не эта ранняя смерть, он вырос бы в маститого художника.

Я хотела сказать, что сильно в этом сомневаюсь, но промолчала. Пусть Карпыч думает, как ему заблагорассудится.

— А почему он заболел? Дурная наследственность?

— Нет. Несчастная любовь.

В голове у меня щелкнуло, будто где-то я уже не то читала об этом, не то слышала. Промелькнула некая мысль, нечто очень важное… Но я никак не могла ухватить ее.

— В кого он был влюблен? — спросила я Карпыча в полной уверенности, что за давностью лет ответ на этот вопрос безвозвратно утерян.

— Мой ученик утверждает, что он любил богатую женщину, которая зло посмеялась над его чувствами.

— Ну да… Теперь понятно… И с тоски душевной Васин уехал в глушь выполнять заказ графа.

— Может, так оно и было… Если хочешь, я дам тебе телефон студента, поговоришь с ним.

— Спасибо.

Карпыч записал мне телефон.

«Жаль, — подумала я, — что не получится с ним увидеться, с этим студентом. Утром пора возвращаться в усадьбу»

— А это тебе лично.

Я удивилась. Карпыч, улыбаясь, держал в руках пригласительный билет.

Я взглянула. Ого! Старый друг отца приглашал меня на престижную выставку в Манеж.

— Держи, — сказал Карпыч. — Пообещай, что ты придешь. Я, кстати, звонил тебе несколько раз… Где ты пропадала?

Но я ничего не ответила.

А Карпыч продолжал:

— Выставка открывается завтра, в шесть часов вечера. Я очень тебя прошу, приезжай.

— Спасибо вам, — поблагодарила я. — Обязательно приду. До встречи, Михаил Карпович.

Я завела машину и уже собиралась ехать домой, но меня остановило неопределенное, точно подсасывающее внизу живота чувство… Нет, домой я не поеду, — молниеносно пронеслось у меня в голове. Я отчетливо понимала, что забыла в усадьбе что-то очень важное. То ли я это видела, то ли читала… Но сейчас я была уверена, что именно то, неопределенное, о чем я никак не могла вспомнить, и должно было послужить ключом к пониманию развязки событий, произошедших в конце девятнадцатого века.

Мне снова нужно оказаться в усадьбе, пойти в галерею, пересмотреть бумаги, и, может быть, тогда я найду недостающее звено.

Моя «старушка» медленно ползла по дороге, потом на черепашьей скорости свернула в сторону Выборга. Я еще окончательно не пришла в себя после аварии и поэтому старалась не демонстрировать навыки и умения скоростной езды. Было уже достаточно поздно, и дорога была практически свободной. Я тихонько включила радио. И наслаждалась… дорогой, одиночеством и музыкой. Потом началась реклама, и я переключилась на другую волну.

И услышала, как голос диктора произнес:

— Сейчас мы зададим несколько вопросов одному из учредителей выставки, члену художественному совета Михаилу Карповичу Ладыгину. Михаил Карпович, я знаю, что у вас разразился скандал в связи с работой одного автора…

— Я бы назвал это, скорее, разоблачением, — ответил Карпыч.

— Но что же все-таки произошло? — спросила диктор.

— Некий молодой человек выдавал работу прославленного автора за свое произведение.

— Вы можете подробно рассказать об этом происшествии?

— Нет, сейчас мы проводим внутреннее расследование и еще выясняем кое-какие детали. Но одно могу сказать точно: господин Шацкий, решившийся на такой подлог, подписал себе как художнику приговор на долгие годы.

— Спасибо за то, что согласились прийти к нам в студию, — проворковала диктор.

Далее интервью прервала реклама, а я машинально остановила машину. Вот так… Максим! Хорош гусь! Любой ценой, значит… Не через постель, так через кражу. Наверное, все правильно. Но меня удивило другое — то, что сообщение диктора о поступке Макса оставило меня равнодушной и не затронуло никаких струн в моей душе. Будто и он, и наш роман, и мои страдания… да даже мое увольнение были делами давно минувших дней. Будто произошло это все не со мной.

Я сидела в машине, задумчиво глядя в окно, и переваривала свалившуюся на меня информацию. И тут мимо на большой скорости промчался автомобиль. Я присмотрелась… это была машина Димы. Куда же он так летит? Впрочем, вполне можно догадаться. Дима ехал по направлению к усадьбе. Странно было другое: неужели он так спешил, что даже не заметил меня?

Я почувствовала невыносимую усталость. И постаралась завести «старушку». Нужно двигаться, если я хочу все-таки попасть в усадьбу. Но силы словно покинули меня. Каждое движение давалось с невероятным трудом. Впрочем, чему здесь удивляться… Слишком много всего свалилось на меня за последнее время. И теперь мне хотелось только одного: оказаться под крышей Ксениного дома и хорошенько выспаться.

Я завела машину и поехала. Однако, несмотря на все возрастающее желание забраться в теплую ванну, а потом улечься спать и хотя бы на какое-то время выбросить все из головы, я понимала, что все-таки поеду в усадьбу. Мне не терпелось вновь пересмотреть уже прочитанные записи. Было в них что-то, что я упустила.

ВЫИГРАННАЯ ПАРТИЯ

Когда я добралась до усадьбы, было уже очень поздно. Я постаралась как можно тише припарковать «старушку» и пошла к дому. Достала ключи и открыла дверь. Слава богу, никто не проснулся и не вышел мне навстречу. Я стала пробираться в библиотеку. И тут услышала негромкие, но весьма выразительные удары. Их звук я не могла перепутать ни с каким другим. Кто-то «гонял» бильярдные шары.

Я подошла ближе к комнате, дверь в которую была наглухо закрыта. Постучала. Но мне никто не ответил. Тогда я немного приоткрыла дверь. И увидела огромный стол, за которым стоял Громов и сам с собой разыгрывал партию. Он с таким ожесточением бил по шарам, что казалось, будто от этого зависит его жизнь. Я тихонько вошла в комнату, в которой раньше никогда не была, она ведь всегда была заперта… А Дима на мои расспросы отвечал, что там личные владения хозяина и посторонним вход строго воспрещен.

— Привет! — весело сказала я.

Услышав мой голос, Громов обернулся. Он посмотрел на меня таким тяжелым взглядом, будто он был следователем, а я являюсь подследственной и меня подозревают в совершении тяжкого преступления.

— Не ожидал… — прервал он затянувшееся молчание и загнал шар в дальний левый угол.

— Чего не ожидал? — растерялась я.

— Что вы вернетесь в столь ранний час, мадам.

Я ничего не поняла и ошарашенно смотрела на него. Почему он снова обращается ко мне на «вы»? Что произошло за это время? Почему его отношение ко мне так переменилось?

— Что случилось, Матвей?

— По большому счету, ничего, — ответил он, и вновь за словами последовал быстрый и четкий удар.

Я подошла к нему и взяла кий.

— Не против?

Он смерил меня взглядом, будто я выкинула нечто из ряда вон выходящее.

— Сыграем? — снова спросила я и выжидающе посмотрела на него. — Выставляй шары.

Он стоял молча, не двигаясь и только переводя взгляд с шаров на меня и обратно. А потом спросил:

— Зачем ты вернулась?

Мне хотелось сказать ему правду… Что я соскучилась. Что после разговора с Карпычем у меня возникла одна догадка, и пусть она почти нереальная и даже на первый взгляд дикая, но все же… как мне кажется, имеет право на существование. Но мне показалось глупым распинаться перед человеком, который даже не пытается скрыть того, что он плохо переносит мое общество. Ну да… Порыв прошел, и теперь он снова холодный и замкнутый, точно Синяя Борода у Шарля Перро. Я выставила шары и разбила их.

— Твои желтые, — сказала я Громову. — Начинай.

Он сделал удар и… промазал.

Я ударила в правый дальний угол, шары разлетелись, и один попал в лузу.

— Неплохо, — признал Громов.

Я кивнула и приготовилась бить дальше. Уже нацелилась к самому дальнему шару, чтобы загнать сразу двоих…

— И все же ты мне не ответила…

— Ну я же обещала, — легко сказала я.

— Лера, я серьезно!

— Если ты чем-то недоволен, скажи мне об этом прямо. Я слишком устала, чтобы разгадывать шарады. Это во-первых, — я постаралась поточнее прицелиться и ударила по шарам. — А во-вторых, я не сделала ничего такого, чтобы встретить столь холодный прием с твоей стороны, — я вытащила шары из лузы. — Если ты считаешь, что мы погорячились… Так и скажи… — И снова удар по шару. — Матвей, — мой взгляд неотступно следовал за движущимся шаром, — я могу уехать и не докучать тебе своим обществом.

Он молчал и опять смотрел на меня так, будто я сказала или сделала нечто из ряда вон выходящее.

— Мне всегда нравилась твоя прямота, — наконец выдавил Громов и ударил по шару. И… увы, опять промах. — С тобой невозможно играть в игры, — раздраженно бросил он.

Я кивнула. Это верно. И нанесла удар по шару, который, стукнувшись о соседа, аккуратненько влетел в лузу. В игры я наигралась по самое не могу и с самого детства. Поэтому больше в них и не играю. А сейчас, мой милый, я выиграю у тебя эту партию и с гордым видом попрощаюсь и уйду.

— Что за парень к тебе вечером приезжал? — не сдержавшись, спросил он.

От неожиданности я напряглась, и рука дрогнула, отчего удар не получился. Теперь был мой промах. Я взглянула на Громова, он сверлил меня взглядом, тщательно отслеживая мою реакцию.

— А откуда ты знаешь? Следил?

Он отрицательно покачал головой.

— Тогда как ты узнал?

А в голове у меня пронеслось: «Да он точно псих. Неужели действительно кого-то нанял, чтобы проследить, чем я занимаюсь в свободное время? Но тогда… Вся моя версия насчет графа яйца выведенного не стоит. У Громова такие заскоки, мама не горюй!»

Но тут Громов напомнил о себе:

— Лера… Я ни за кем не слежу. И следить не собираюсь. Тем более за тобой. — Он опять замолчал, словно раздумывая, сказать мне что-то очень важное, с его точки зрения, или не стоит. И все-таки решил озвучить свои мысли до конца. — А следить за женщиной, которая нравится… Это просто бред! Либо ты ей доверяешь, либо все вообще не имеет смысла.

— Тогда как? — не унималась я.

— Дима. Наш вездесущий, пронырливый Дима. Он услышал наш с тобой разговор и видимо, решил попытать счастья… Приехал к тебе, а ты провожаешь некоего господина.

— Так ведь *провожаю*… — подчеркнула я.

Мы оба замолчали.

Я подошла к Громову. Ситуация мне совершенно не нравилась. Итак, он знал, что около девяти вечера я провожала некоего товарища. И что из этого следует? С чего это он позволяет себе устраивать мне бог знает что! То ли сцену ревности, то ли еще чего! Ладно, я решила ему объяснить, кто такой Женя.

— Это был мой старый добрый друг. Его зовут Женя. Мы вместе работали в программе,

пока по твоей милости меня оттуда не уволили. Но с ним и Петровичем, моим редактором, я продолжаю общаться до сих пор. И честно говоря, не собираюсь рвать отношений.

— Лера, я вовсе не собирался и не собираюсь контролировать тебя и ограничивать круг твоего общения. Я не Отелло. Дело в другом. Зачем он к тебе приезжал?

Вот и все… У человека всегда есть выбор… точнее, два пути. Можно пойти направо, а можно налево… Можно сказать да, а можно — нет. Можно взять, а можно отдать. Можно сказать правду… Что же мне выбрать? Признаться, что я попросила Женю выяснить все о жене Громова? Это означает подписать смертный приговор нашим едва зарождающимся отношениям… Или сказать полуправду, что Женя предложил мне новую работу? И тут я, совершенно не к месту и некстати, неожиданно для себя поняла Ксению. Поняла ее категоричность в отношении отца. Да… Он был ей нужен или весь целиком, без остатка, или не нужно было ничего. Так и я… Или мы с Громовым поймем друг друга и между нами не будет тайн и недомолвок, или…

Я посмотрела на Громова. Мне даже стало не по себе от его испытующего взгляда.

— Я попросила Женю, выяснить все о твоей жене, — глухо произнесла я.

— Мне сказали об этом, — заявил Громов. — Дима… Его просто распирало от этих новостей.

Ах, да… Дима! Подслушивал, скотина! Я вспомнила, как, уже заходя в лифт, Женька помахал рукой и заверил меня, что сведения о госпоже Громовой будут — в лучшем виде.

Губы Громова сжались в тонкую линию, а глаза стали светло-серыми, жесткими и холодными. Казалось, еще секунда, и они пронзят меня насквозь. Оно и понятно. Я поступила в лучших, точнее, худших традициях журналистов. Вначале завела отношения, а потом стала раскапывать его личную жизнь, вытаскивая на свет божий грязное семейное белье. Я сделала самое худшее, что можно было совершить. Преступила черту! И этого такой человек, как Громов, ни простить, ни тем более понять не сможет.

— Зачем? — едва слышно спросил он.

Я положила кий на стол. Зачем? Так просто не ответишь. Но и молчание не лучший для меня вариант. И я начала говорить… Но не для Громова, а скорее для самой себя.

— Однажды мне приснился сон… Я под дождем бежала к прекрасному, чудесному дому… Он был точно создан для любви, чтобы в нем жила семья… дети… И в этом доме меня ждал мужчина… Мой мужчина.

Я отвернулась, поскольку предательские слезы вот-вот готовы были сорваться с глаз.

— А потом я увидела этот дом. Увидела наяву. Он оказался еще лучше, чем во сне. В тот день мы с Ксенией шли по тропинке возле усадьбы и остановились, чтобы покурить. Я уже достала сигарету и вдруг увидела его… Мужчину моего сна… Наяву он оказался еще лучше. Я машинально выбросила сигарету и во все глаза смотрела на него… Это был ты. — И тут слезы все-таки вырвались наружу. Но я уже не хотела останавливаться. Мне важно было выговориться, сказать ему все. — А когда я поселилась здесь, узнала о твоей жене… Как ты ее любил… Какая она красавица, умница… Я понимала, что безоговорочно проигрываю на ее фоне. И то, что ты обратил на меня внимание, показалось мне чудом. У меня появилась надежда, пусть и призрачная, но все же… Я не хотела вот так просто ее потерять! Понимаешь… я люблю тебя. Очень. Но я не могу здесь жить, видеть тебя и каждый день ожидать ее возвращения… Вздрагивать от каждого стука входной двери и бояться, что она сейчас войдет…

Он сделал шаг, и я почувствовала, как его руки обняли меня

— Успокойся, — тихо произнес Громов, прижимая меня к себе. — Она никогда сюда не вернется.

И он стал покрывать мое мокрое от слез лицо нежными поцелуями. Слезы мои текли не останавливаясь, в носу противно хлюпало. Расквасилась, как последняя идиотка…

— Девочка моя… Ты даже не представляешь, что ты для меня значишь… — шептал Громов.

Ах, как сладко было плакать у него на груди, как сладко…

Его поцелуи становились все более страстными, губы, слегка касаясь кожи, опустились на мою шею. У меня закружилась голова. И снова миллион бабочек взмахнули крылышками, заманивая меня все дальше и дальше в волшебную страну счастья. Нега разлилась по всему телу, а запах его одеколона дурманил мою бедную голову, а потом слился с запахом наших разгоряченных тел. И вот наши губы встретились, и мы впились друг в друга долгим поцелуем… А языки сплетались, как два танцора в страстном порыве. Я обняла Громова и почувствовала, как из самой глубины моего «Я» огромной волной поднимается желание. Его руки, скользящие по моему телу, его ласки, доводящие меня до полного исступления, переносили меня в иное пространство и иное измерение. А одежда оказалась последним барьером, сдерживающим нас. И мы, точно обезумев от охватившего нас желания, стали от нее избавляться. Я лишь смогла плохо слушающимися руками расстегнуть пуговицы на его рубашке, как почувствовала, что мой джемпер, а вслед за ними и лифчик, полетели куда-то… Горячие ласки лишили меня последней способности что-либо соображать. И мы оба опустились на ковер, чтобы уже окончательно слиться друг с другом.

* * *

— Ты прелесть, — прошептал Громов, когда обессиленно опустился рядом со мной.

— Ты тоже…

Он обнял меня, а я положила голову ему на плечо и поразилась, как же удобно, как хорошо вот так лежать с ним рядом. Словно всю жизнь я только и делала, что засыпала именно в такой позе. Словно ничего нет ближе и роднее, чем его широкое плечо, которое точно создано для меня. А потом я постаралась заглянуть ему в глаза. Он крепко обнимал меня, и на его лице было выражение самого настоящего блаженства. Губы едва заметно улыбались, в глазах светилась невероятная нежность… Он прижал меня к себе и стал тихонько целовать.

— Нет, ты определенно прелесть… Ты чудо, ты мое утешение…

И тут я заметила, что дверь в бильярдную открыта. И глазами показала на это Громову. И мы, точно школьники, застигнутые врасплох, рассмеялись.

— Ну и что, — сказал Громов. — Пусть завидуют.

— Это ужасно неромантично, но я умираю — хочу пить.

— Я тоже. Пойдем на кухню. — Он поцеловал меня. — Хочешь кофе?

— Еще как!

Мы поднялись, и я окинула взглядом его крепкую атлетическую фигуру. И поймала себя на мысли, до чего же мне нравится его тело. Да и вообще, сегодня, сейчас я не видела в нем ни одного недостатка. Я знала, что более родного человека у меня нет. Он стал надевать джинсы прямо на голое тело. Потом подошел ко мне, обнял и поцеловал.

— Ты великолепна… Ты даже не представляешь, как ты красива.

Я улыбнулась. Он даже не догадывался, как важны были для меня эти слова. Мужчинам, наверное, и в голову не приходит, какие разные мысли бороздят прелестные женские головки после того, как все уже свершилось. И одна из них — это насколько я сексапильна, привлекательна как женщина… И прочее, прочее в этом же духе. Не хочу обобщать, но эти мысли вкупе с моими комплексами раньше доставляли мне много неприятных минут. Но Матвей буквально несколькими словами, даже не словами, а просто интонациями, с которыми они были сказаны, развеял все мои страшилки. Я почувствовала себя самой прекрасной и желанной женщиной на свете, самой… Да! Именно самой желанной! И это будоражило меня и возбуждало, точно бокал чудесного старинного вина. Я обняла Громова и поцеловала… Долгим, долгим поцелуем.

— Еще секунда, и мы никуда не пойдем… — прошептал он и привлек меня к себе. Его руки вновь стали скользить по моему телу.

Я немного отодвинулась и засмеялась.

— Пойдем, пойдем! Совершим-таки героический поступок. Выпьем по чашке кофе.

— Давай, — послушно согласился он, продолжая меня ласкать.

— Нет, милый, так не пойдет. Ну… подожди… Остановись… Ну, будь умницей. Матвей, послушай, одолжи мне свою рубашку, я ведь не могу в таком виде разгуливать по дому.

Громов улыбнулся, нехотя отпустил меня и протянул мне рубашку. Я сунула руки в рукава и кокетливо прокрутилась на пятках, демонстрируя и утверждая себя в новом качестве.

— Тебе идет, — сказал Громов и обнял меня за плечи.

И мы, улыбаясь, словно дети, получившие сладкое, вышли из комнаты.

Этой ночью мне все казалось прекрасным. Даже то крыло, где располагалась кухня, старое и облезлое. Я шла по этому коридору и мысленно представляла его совершенно иным.

— Какой же у тебя чудесный дом, — не удержалась я.

— Да, — ответил Громов. — Только его еще нужно привести в порядок.

А потом повернулся ко мне и запустил пальцы в мои волосы.

— Лера… Ты поможешь мне?

Я сглотнула подступивший к горлу комок и кивнула, поскольку говорить просто не могла. И зачем говорить, когда можно целовать любимого человека, закрывая глаза и растворяясь в нем… Интересно, что и с закрытыми глазами я все равно видела лицо Матвея… внутренним взором, ладонями… Просто безумие!

…Наконец мы добрались до кухни, и Матвей, взяв турку, сразу же стал хозяйничать. Я тихо села на табурет, поскольку ноги меня не держали, и, глядя на него, подумала, что мне придется раз и навсегда признать, что первая скрипка в нашем дуэте — он. И это была очень приятная мысль. Из разряда: как было бы восхитительно, если бы мы были вместе. И ее тут же сменила другая, куда менее приятная, и я нахмурилась. Громов, точно почувствовав смену моего настроения, сразу же повернулся ко мне и вопросительно посмотрел.

— О чем ты задумалась? Что-то не так?

— Нет, все чудесно.

— Тогда что?

Я не знала, нужно ли сейчас, в эту неповторимую ночь озвучивать свои сомнения. Но чем дольше затягивалось молчание, тем настороженней становился его взгляд.

— Почему ты уверен, что она сюда не вернется? — все-таки решилась спросить я.

Он молча повернулся к плите, снял турку с огня, поставил на стол. Потом достал чашки и разлил кофе. Сел напротив и провел рукой по лицу, словно прогоняя чей-то непрошеный образ. И только потом перевел взгляд на меня.

— А может, ты и права… Лучше самому тебе все рассказать.

Он накрыл мою руку своей и немного помолчал. Я поняла, что для него настал, наверное, самый важный момент. Момент, когда он может довериться женщине.

— Когда я увидел ее, я был ослеплен. У меня захватило дух. Понимаешь, вся моя жизнь была не слишком романтична. Работа, работа… Некогда было заводить романы… Банк забирал все мое время. И тут она… Такая юная, красивая, как богиня. Я не сторонник долгих ухаживаний… Мне всегда казалось: либо тебя влечет к человеку, либо нет. И долго рассуждать здесь бессмысленно… Это ведь не деловое партнерство. Да я бы и не смог тогда… анализировать свои чувства. В общем, я сделал ей предложение. И вскоре мы поженились. Какое-то время все было очень хорошо, а потом…

— Что? — осмелилась спросить я.

— Она стала исчезать… Вначале это были недолгие отлучки, и каждый раз она приводила убедительные доводы… Потом стала исчезать на несколько дней. Я сходил с ума, просил ее остановиться… Но тщетно… И тогда я завел разговор о разводе. Вначале ее это позабавило, она слишком хорошо знала свою власть надо мной… Но ошиблась. Меня уже не влекло к ней.

— Ты узнал, куда она уезжала?

— Да, — сказал Матвей. — Один из наших знакомых, пытаясь спасти своего сына, устроил облаву на притон наркоманов в Выборге. Среди тех, кого взяли, была и моя жена. Как выяснилось, она оттягивалась там по полной. Там… были не только наркотики, но и самые настоящие оргии… Конечно, мне об этом донесли в лучшем виде… Еще бы! Президент крупного банка, а жена… На следующий день между нами произошло объяснение. Я вспылил и, испугавшись, что могу выйти из себя, выскочил из дома, сел в машину и уехал. Когда немного пришел в себя, позвонил своему адвокату и сказал, что хочу немедленно развестись. Условия с ее стороны меня не интересуют. Но… Анна вдруг куда-то исчезла. Мы так и не смогли ее найти. Дима сказал, что она с ним связалась и просила передать, что боится моего звериного нрава, поэтому и предпочла уехать из страны. И, естественно, ни о каком разводе она и слышать не хочет. А в это время средства массовой информации не дремали. Они все смаковали подробности ее личной жизни и вылили на меня такое количество грязи, журналюги хреновы… Ох, извини!

— Ладно, проехали, — улыбнулась я

— Вообще даже удивительно, что ты об этом не помнишь. Мне-то казалось, что об этом знает целый мир!

— Да нет, мой хороший, мир обычно занят своими делами, а сплетни быстро разносятся и так же быстро забываются. Но, Матвей, ты ведь мог развестись с ней и заочно?

— Мог. Но… тогда я в этом не видел особенного смысла. Она ушла из моей жизни и все… Остальное меня не очень-то волновало.

— И что теперь?

— Не знаю, — ответил Громов. — Буду искать ее за кордоном. Как только найду, поставим точку. — Он задумчиво посмотрел на меня. — Знаешь, после такого афронта я дал себе несколько обещаний. Не сходиться близко с женщиной, никого не пускать в душу… В

общем, действовать по схеме: немного времени, немного секса. И все. Ничего личного! А когда встретил тебя… Я их нарушил — все и сразу!

Он потянулся ко мне и поцеловал.

— Сразу все… Ни одного не осталось, — шептал Матвей. — С тобой я понял, что женщины могут быть другими… Я всегда желал, чтобы рядом со мной была не только любимая женщина, но и друг… Чтобы я мог на этого человека положиться. Для меня это очень важно, Лера… И еще я хочу, чтобы ты знала… запомнила… Ее для меня больше нет. Вообще не существует. Вот так.

Я блаженно улыбалась, сжимая руку Громова, точно боялась, что, если выпущу ее хоть на секунду, все очарование этой ночи моментально рассеется.

— Называй меня Белкой… — прошептала я. — Ну так, иногда…

— Хорошо. Тебя, наверное, так отец называл?

Я кивнула и прильнула к нему, точно он мог спрятать меня от всего мира. Наконец я услышала от него самые важные для себя слова — «любимая женщина».

ПОДАРОК ИЗ ПРОШЛОГО

Когда я проснулась, Громова рядом со мной уже не было. Я мечтательно улыбнулась и провела рукой по простыни, которая еще хранила запах его тела и нашей любви. Ночь любви… Я перевернулась и уткнулась лицом в его подушку. И передо мной разноцветным калейдоскопом пронеслись обрывки минувшей ночи… Я была так счастлива, что мне было даже немножечко стыдно. Я люблю и любима! С этой мыслью я сладко потянулась и накинула на себя халат. Надо как-то возвращаться к действительности!

Зазвонил телефон.

— Да…

— Ты уже проснулась? — услышала я голос Матвея.

— Вот только… И уже ужасно соскучилась.

— Я тоже, — ответил он внезапно охрипшим голосом. — У меня наметились некоторые дела в Выборге, так что постараюсь в обед заскочить домой…

Домой… Это слово прозвучало для меня волшебной музыкой. Неужели эта усадьба, которая так мне нравится, станет нашим с ним домом!

— Чудно, милый, — сказала я. — Буду тебя ждать.

— Пока. Целую.

Он дал отбой, а я так и стояла, блаженно улыбаясь, без единой мысли в голове.

Потом все-таки очнулась. Какая жалость, что нужно заниматься делами. Душ, холодный душ, иначе я буду мечтать до вечера!

Я долго стояла под душем, приводя мысли и чувства в порядок. Вернувшись в комнату, надела джинсы и футболку и отправилась на кухню. По дороге мне встретилась Маша.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе. Маша, вы не знаете, где Дмитрий Петрович?

— Он с утра уехал. А куда — не знаю. А вы… Завтракать будете?

— Нет, спасибо. Я чуть позже выпью кофе.

Маша ушла. А я на секунду остановилась.

Дима! Непонятные вещи происходят. Зачем Диме нужен был мой вчерашний конфликт с Громовым? Зачем он спровоцировал его? Из ревности? Что-то непохоже. Зная Матвея, нетрудно было предположить, что тот попросту укажет на дверь пронырливой журналистке. Да… Интересный же ты человек, Дима. Конечно, Димочка же не предполагал, что все закончится примирением и любовной сценой. А когда узнал? Тогда счел самым благоразумным уехать отсюда.

Но все же, зачем ему это понадобилось, я так и не смогла сообразить. Вариантов было множество… И нелюбовь к Громову, и нежелание видеть соперницу своей сестры, пусть и весьма эфемерную, но ведь чем черт не шутит. Да просто сведение счетов… Нет, все это неправдоподобно. Слишком был велик риск для Димы, ведь в случае неудачи его дальнейшее проживание в этом доме было бы весьма проблематичный. Ясно как божий день, что Громов попыток манипулировать собой не прощает никому. Что и доказало сегодняшнее утро. И это тоже не в характере Димы. Он ведь определенно привык к необременительной службе в этом доме и к неплохим деньгам, которые он здесь имел.

Что же заставило его пойти на крайние меры? Я задумчиво направилась в библиотеку.

На столе лежала стопка бумаг, которые я предусмотрительно приготовила еще накануне

перед отъездом. Я стала перебирать их. Но ничего заслуживающего внимания не увидела. А ведь было… Было нечто, что прозвенело тревожным звоночком у Карпыча, нечто, что погнало меня вчера вечером в усадьбу. Нечто, что я прочитала, но чему не придала значения.

Я стала внимательно перечитывать каждый лист… Но, увы… Или глаз, как говорили у нас в редакции, «замылился», или я видела это нечто в другом месте. По опыту я знала, что в таких случаях нужно переключиться. Ведь наш мозг, по моему глубокому убеждению, очень похож на компьютер… И если вы уж нажали на кнопочку «Пуск», то будьте уверены: рано или поздно вы получите желаемую информацию. И чтобы дать своим мозгам возможность самостоятельно прокрутить полученную задачу, я решила позвонить студенту Карпыча, написавшему курсовик о творчестве Васина.

Мне повезло, трубку подняли почти сразу.

— Добрый день, будьте любезны, пригласите, пожалуйста, к телефону Дениса.

— Я слушаю, — ответил мне приятный баритон.

— Меня зовут Валерия Стрелкина, я близкий друг Михаила Карповича. Денис, меня интересует жизнь Артемия Васина. И Михаил Карпович посоветовал мне обратиться к вам.

— А что именно вас интересует?

— Его любовная драма, из-за которой он уехал работать в усадьбу Белопольских.

Денис стал мне долго и пространно рассказывать историю любви художника. Я внимательно его слушала, и в моей голове постепенно складывались детали головоломки. Кроме одного фрагмента, который никак не хотел всплывать на поверхность.

Наконец Денис замолчал.

— Большое спасибо, — поблагодарила я. — Вы мне очень помогли.

— Да не за что. Если захотите еще что-нибудь узнать, звоните. Всегда буду рад помочь, — ответил вежливый мальчик.

Я попрощалась с молодым человеком, положила трубку на рычаг и задумалась.

Вот, значит, какая была история. Ай да художник! Хотя ему ведь было только двадцать пять лет. И тут я увидела, как сквозняк раздвинул шторы, потом переместился к столу, разбрасывая бумаги по всей комнате. Я встала и принялась их собирать.

Наконец все листы были подняты с пола, но я так и стояла, держа их в руках и почему-то не решаясь положить на место. Наверное, оттого что понимала: их нужно вновь как следует прочитать и рассмотреть уже под другим углом в свете моего разговора с Денисом. А тем временем воздух возле меня стал как-то перемещаться, сгущаясь, уплотняясь…

Неужели снова она? — пронеслось у меня в голове. За время, проведенное в усадьбе, я почти свыклась с сумасшедшей мыслью, что *она* есть. А ведь привидение очень долго не подавало о себе никаких известий! Что же его растревожило? Может быть, мой телефонный разговор с Денисом затронул нечто, на что графиня не могла не отреагировать… Я все продолжала держать бумаги в руках и машинально, даже не вполне отдавая себе отчета в том, что собираюсь сделать, пошла к дверям. Мне вдруг стало жизненно необходимо увидеть портрет графини.

Я вышла в коридор и увидела Машу. Девушка, как обычно, спешила по своим делам.

— Маша! — позвала я.

Она обернулась и, увидев меня, пошла навстречу.

— Будьте добры, принесите мне в галерею кофейник с кофе, чашку, тарелку с бутербродами и пепельницу.

— Конечно, все принесу, — ответила Маша и тотчас растворилась в коридорах.

Я продолжила свой путь. Вот и галерея. Я взяла кресло и подвинула его как можно ближе к портрету графини. Тут же, словно по мановению волшебной палочки, появилась Маша с подносом в руках. Она поставила его на небольшой столик и почти бесшумно удалилась. А я налила кофе и закурила. Я долго смотрела на графиню и пыталась представить не только ее как человека, но и ее жизнь в усадьбе с богатым, но не очень любимым мужем. Потом я прикрыла глаза, и передо мной стали проноситься картины из прошлого… Я точно видела все наяву.

И тут меня как что-то толкнуло… Карпыч! Я же обещала ему приехать на выставку.

Я посмотрела на часы. Уже два часа… Если не заезжать домой, то я успею. Я достала мобильник и набрала номер Матвея.

— Это я!

— Как дела? — ласково спросил он.

— Знаешь, Карпыч, друг отца, пригласил меня сегодня выставку в Манеже. Я только сейчас об этом вспомнила. Я съезжу?

— Поезжай. Тем более что я сам смогу приехать домой только к вечеру.

— Ладно, тогда до встречи, мой хороший

— Целую, — откликнулся Громов. — Я очень по тебе скучаю.

— Я тоже.

— Лера! Погоди! Если там все очень поздно закончится, оставайся ночевать в городе, хорошо? Пообещай, что не поедешь в усадьбу. На дорогах в такое время небезопасно.

— Как? Ты уже не хочешь видеть меня, изменщик?

— Белка! Имей совесть! Ну, обещаешь?

— Хорошо. Обещаю. Я люблю тебя.

— Я тоже, — ответил Громов.

Я отключила мобильник и вихрем помчалась вниз.

* * *

В Манеже, не успев войти в зал, где выставлялись картины, я почти сразу увидела Карпыча. И направилась к его огромной фигуре, резко выделяющейся из общей массы народа. Не успела я к нему подойти, как он сразу же, словно у него внутри сработало некое устройство, обернулся ко мне.

— Лера! — пробасил Карпыч. — Как же я рад тебя видеть!

— Я тоже…

— Молодец, что пришла, — и, многозначительно подмигнув мне, сказал: — Знаешь, девочка, а у меня для тебя подарок. Я ведь тебя не зря сюда затащил…

Я воззрилась на Карпыча.

— Какой еще подарок?

— А пойдем, я тебе покажу.

Мы зашли в небольшую комнату для служебного пользования. Едва переступив порог, я сразу же увидела стоящую на небольшом постаменте картину, завешенную холстом. Карпыч подошел к ней и откинул холст. И тут я услышала свой сдавленный вскрик. Я расширенными глазами смотрела на полотно. Карпыч не сводил с меня недоуменного взгляда. Должно быть, я выглядела так, словно увидела призрак. Хотя… в общем-то так оно и было. Передо мной

стояла работа отца. «Портрет актрисы», в которой я сразу же узнала Ксению. Это была именно та работа, которая столь долго не давалась отцу, а потом, спустя много лет, неизвестно куда исчезла из мастерской. И отец тогда чуть не свалился с сердечным приступом.

— Откуда она у вас? — только и смогла спросить я.

— Деятеля одного разоблачили, — сказал Карпыч. — Он представил совету эту работу, выдавая ее за свое произведение.

— А как звали этого деятеля? — спросила я, догадываясь, что услышу в ответ.

— Максим Шацкий. Теперь ему уже навсегда вход закрыт на любую выставку, во всяком случае, пока я жив, — отрезал Карпыч.

Но я почти не слушала его. Я мысленно перенеслась в тот день, когда отец в мастерской работал над ней.

— Кто это? — спросила я его.

— Актриса. Великая актриса, Белка.

— Она красивая. Даже у тебя.

Отец усмехнулся. Ее лицо на портрете, выполненное из разных геометрических фигур, словно смотрело тебе в душу и все переворачивало.

— Белка, а если с нами еще кто-то будет дружить? — спросил отец.

— Что значит дружить? — возмутилась я. — Ты хочешь сказать, что познакомишь меня с одной из своих пассий?

— Господи, какие слова ты употребляешь! И почему обязательно пассией? А может, просто с очень хорошим человеком?

— Не нужно. Общайся с ней сам, — заявила я. И с детским максимализмом добавила: — Ты же сам говорил, что больше жениться не собираешься. Хватит с тебя и одного раза. Так зачем меня с кем-то знакомить? Я и так вон их сколько знаю.

— Ладно, ладно, Белка, не заводись, — сказал отец и нанес несколько мазков на портрет.

А потом он отошел от мольберта и придирчиво посмотрел на свою работу. Но лишь покачал головой.

— Нет, никак не могу уловить ее. Слишком изменчива.

Мне стало скучно, и я пошла на кухню ставить чайник. А про себя подумала, что все-таки интересно было бы познакомиться с великой актрисой.

Да… Вот как оно все произошло. Я посмотрела на Карпыча, счастливо улыбающегося от того, что он может вернуть мне картину отца, и… поняла, что мне нужно сделать. Сейчас! Немедленно! Я вытащила мобильный и набрала номер, который упорно не отвечал последние несколько часов. Но на этот раз я услышала «Алло!»

— Это Лера! Мне нужно срочно увидеть вас! Пожалуйста!

Видимо, я это сказала таким жалобным голосом, что Карпыч посмотрел на меня, как на заболевшего ребенка. А в трубку раздалось: «Хорошо, я тебя жду».

— Все, — обернулась я к Карпычу, — мне срочно нужно идти.

Я подошла к нему и крепко обняла его.

— Спасибо! Спасибо вам… Это… я не знаю, как сказать…

Я запнулась, а он нежно поцеловал меня в щеку и похлопал по плечу.

— Будь счастлива, Белка. Твой отец очень этого хотел.

— Постараюсь.

— Ну иди… — махнул рукой Карпыч. — Тебя ждут.

Я взяла картину и вышла, послав Карпычу воздушный поцелуй. И, сев в свою «старушку», помчалась на всех парах. У хорошо знакомого дома я припарковалась и, осторожно держа картину, направилась к подъезду, где жила Ксения.

Конечно, она была дома и ждала меня. И была очень удивлена, увидев, что я приехала к ней с огромным свертком.

— Вот так сюрприз! — сказала она. — Проходи, проходи же!

Я посмотрела на Ксению, тихонько поставила картину на столик в прихожей, подошла и крепко ее обняла.

— Как же я… Мне вас так не хватало.

Ксения с нежностью прижала меня к себе.

— Девочка моя… — тихо произнесла она.

Мы немного постояли, обнявшись.

— Но что же мы… — спохватилась Ксения. — Что же мы здесь стоим! Пойдем в комнату!

— Сейчас, но вначале я хочу… Вот… — сказала я и протянула ей картину.

Ксения взяла картину, по-прежнему завернутую в холст, и недоуменно посмотрела на меня.

— Я была на выставке, и мне подарили вот это… — попыталась я объяснить ей. — Но она… принадлежит вам. По праву.

Ксения побледнела и прошла в комнату, держа перед собой картину. Села в кресло, отбросила холст… Я подошла и опустилась рядом с ней на корточки. Ксения молча смотрела на свой портрет, и по ее лицу текли слезы. Слова были лишними и совершенно не нужными. Глубокая и светлая печаль охватила меня.

— Девочка моя… Родная моя… — сквозь слезы пробормотала Ксения.

— Он долго не мог его написать, но все-таки… Он любил вас…

— Да. Спасибо тебе. — Ксения вытерла слезы, встряхнула головой и улыбнулась легкой, неповторимой улыбкой. — Ну, пойдем пить чай?

Мы пошли на кухню, и, пока Ксения хлопотала возле плиты, я рассказала ей обо всех своих новостях.

— Ох, Лера, ты даже себе представить не можешь, как я хочу, чтобы у вас сложилось все хорошо.

— Я тоже на это надеюсь…

— Я уверена, ты будешь с ним жить долго и счастливо…

— …и мы умрем в один день, как в сказке! И непременно пригласим вас на свадьбу… Ох, если она, конечно, состоится! Я очень люблю вас, Ксения.

Мы снова обнялись.

Потом я посмотрела на часы и увидела, что уже около десяти вечера. Возвращаться уже поздно, тем более что я обещала Матвею не рисковать и не лихачить. Что ж… Останусь ночевать у Ксении, мы еще вдоволь поболтаем, а утром я вернусь в усадьбу.

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Я уже несколько часов сидела в галерее и смотрела на портрет графини. Нечто неуловимое притягивало меня к картине, я все пыталась понять тайну этой женщины. Сзади раздались шаги. Я вздрогнула и уже хотела обернуться, как две руки, закрыли мне глаза. От страха я оцепенела и что есть мочи закричала.

— Ты чего? — услышала я, испуганный голос Громова. — Я тебя так напугал?

— Нет… — пробормотала я. — Скорее, призраки. Я их почти видела.

Я прижалась к нему, он меня обнял, нежно и жадно поцеловал…

— Я очень соскучилась по тебе и сидела здесь, пытаясь понять ее… размышляла…

— Не очень тебя понял… О чем ты думала?

— Да о графине и ее муже… Об их жизни здесь, — и, немного помолчав, добавила: — И о молодом художнике, который приехал писать портрет семейной пары, а увидел…

— Кого? — спросил Громов.

— Ее, — я показала на портрет.

Матвей повернулся к портрету и недоуменно на него посмотрел.

— А что с ней не так?

— Да нет… С ней все так… Помнишь, ты сказал, что увидел Анну и был ею ослеплен…

— А, ты об этом… Я сегодня скажу, чтобы ее портрет убрали отсюда.

— Мысль верная, — ответила я, — но я не это хотела сказать. — Так вот… Ты был ослеплен… Граф, увидев Елену, тоже потерял голову… Она ведь была красавица… Так почему Васин, приехав в эту глушь, не мог быть сражен красотой женщины, которую он здесь встретил?

— Ты хочешь сказать, что он…

Но тут у меня зазвонил мобильник. «Как всегда, вовремя», — раздраженно подумала я. Но, посмотрев на высветившийся номер, поняла, что это Женя.

— Привет!

— Белка, тут такие дела, — торопливо начал Женька. — Нашел я твою Громову.

— Как? И где она?

— Ну, по той фотке, что ты мне дала. Она, знаешь ли, в неопознанных трупах числится в Выборге. Она уже около года мертва. Передоз…

— Как мертва? — ошарашенно переспросила я и перевела взгляд на Громова.

— Что? Что случилось? — переспросил Матвей.

— Это Женя, — сказала я, прикрыв рукой трубку, — тебе лучше самому переговорить с ним. — Жень, я сейчас дам трубку Громову, и ты ему все расскажешь.

Матвей молча слушал то, что ему говорил Женя, а потом произнес:

— Я сейчас же выезжаю. Где вам будет удобно со мной встретиться?

Женя ему что-то объяснил, Матвей кивнул, а потом сказал:

— Хорошо, через час буду.

И отключил мобильный. Вид у него был уставший… А я смотрела на него и не знала, что сказать в такой ситуации. Вот ведь как вышло… Неужели мысль, что она мертва или что с ней что-то случилось, ни разу не приходила ему в голову? Почему он не проверил раньше подобный вариант?

— Бельчонок, мне нужно ехать, — тихо сказал Матвей.

Но не двинулся с места. Я подошла к нему и обняла. Мне очень хотелось как-то поддержать его, сделать так, чтобы ему стало немного легче.

— Я поеду с тобой, — произнесла я.

— Нет. Лучше жди меня здесь, — потом добавил растерянно: — Ничего не понимаю… Как же так вышло? Мы ведь проверяли тогда… По всем моргам, отделениям милиции ездили… Весь Выборг прочесали.

И тут я начала понимать, как все произошло на самом деле.

— Мы — это кто? — спросила я Матвея.

— Я и Дима. Мне тогда нужно было срочно лететь в Лондон. Я не мог отменить эту встречу. И попросил Диму закончить все…

— Понятно.

Теперь мне действительно стало понятно все: и зачем Дима спровоцировал нашу ссору с Матвеем, и почему он так внезапно уехал.

— Бельчонок, — прервал мои мысли Матвей, — я тебя очень прошу, будь здесь, когда я вернусь.

— Конечно, — ответила я. — Я тебя дождусь, во сколько бы ты ни приехал.

Он наклонился и долгим-долгим поцелуем поцеловал меня.

— Я люблю тебя, — сказал Матвей. — Очень люблю.

— Я тебя тоже.

Он вышел из галереи, а я опустилась в кресло.

Да… Теперь можно четко представить почти всю картину происшедшего. Итак… Громов решает жениться и перед женитьбой покупает свое родовое имение, чтобы привести именно в этот дом молодую жену. Их брак длится недолго, всего около года, потом он узнает, что очаровательная красавица — наркоманка и проститутка. Что делает Громов? Он вне себя и устраивает жуткую сцену. Кричит, что она его опозорила, что он не может с ней находиться под одной крышей и грозит разводом.

Но Громов помнит, что в припадке бешенства его предок убил свою жену и помнит также, что он не только похож на него внешне, но и унаследовал его нрав. И поэтому, боясь собственных эмоций, боясь не совладать с собой, он считает, что лучше уехать, пока не наломал дров. Громов выходит через черный ход, тот самый, где я его впервые и увидела… Ну да! Именно поэтому и кухарка, и Маша не видели, как он уезжал! Итак, он выходит во двор, садится в машину… Или нет, он идет к машине, достает мобильный и звонит своему адвокату и просит того начать дело о разводе. Это слышит Дима. Ему не нужно объяснять, что это означает для него и для Анны. Снова беспросветная нищета, из которой они с таким трудом выбрались.

Дима бежит к Анне и требует, чтобы та немедленно ехала вслед за Громовым и каким угодно способом заставила Матвея изменить решение. А дальше… Здесь возможны разные варианты. Скорее всего, Анна кричит, что ей надоело, что Дима подкладывает ее под толстые кошельки! Она устала и хочет жить так, как ей нравится. Ведь Громов перевел на ее счет приличную сумму, и этого ей вполне хватит. Ей да, а Диме?

Не знаю, кому из них пришла в голову мысль снова «словить кайф». Теперь об этом можно только гадать. Но факт остается фактом. Анна снова едет к «друзьям», чтобы заправиться и одновременно расслабиться. Однако она перебирает и… умирает. Дима должен был знать об этом. Иначе он бы не стал твердить Громову, что Анна уехала за границу. А узнать об этом он мог только одним способом — прийти в милицию на

опознание, увидеть труп Анны и сказать, что он не знает эту женщину. Зачем ему это было нужно? Деньги. Он ведь сам сказал, что они не родные брат и сестра, и в случае ее смерти он никак не мог претендовать на свою долю в наследстве. А вот если сестричка просто сбежала… Тогда совсем иной расклад. Он может жить в ее доме, пользоваться ее счетами да и прочими благами…

На улице стемнело, а я все сидела в галерее и не хотела отсюда уходить. Я сидела в темноте… Мне иногда нравится, особенно, когда я чувствую усталость, находиться в полной тьме. Тогда я чувствую странное единение с окружающими меня вещами, мы словно начинаем говорить на одном языке… И многое, очень многое из сложного и непонятного становится простым и очевидным. Так было и сейчас. Даже без недостающего фрагмента я знала все, что произошло в тот роковой день в усадьбе, и почему была убита графиня. Что ж… Я ей не судья. Если она и была в чем-то виновата, то заплатила за это сполна. Но именно сегодня вечером я поняла и другое… Я поняла, зачем она приходила ко мне и о какой помощи просила.

— Привет, — услышала я за спиной самый родной в мире голос. — Что ты сидишь в потемках?

— Включи свет, — попросила я Матвея.

Он сразу же исполнил мою просьбу.

Я посмотрела на него и поняла, что вопрос, как все прошло, попросту неуместен.

— Ужинать будешь?

Он отрицательно покачал головой. Подошел ко мне, сел рядом и прижал меня к себе.

— Все кончено, Бельчонок. Теперь остались только формальности.

Я покрепче обняла его.

— Ее показывали Диме. Но он ее не опознал.

— Я догадалась. Надеюсь, он навсегда исчез отсюда?

— Да, — ответил Громов, — можешь не волноваться. Я заехал к нему на обратном пути и доходчиво объяснил некоторые вещи. Больше мы его не увидим.

Мы замолчали. Просто сидели рядом, обнявшись. И это тихое, спокойное, я бы даже сказала умиротворенное чувство для меня и было самим счастьем.

— Знаешь, — прервал наше молчание Матвей, — я когда ехал домой, все думал, что бы тебе подарить…

— И что? — спросила я.

— Придумал. Сейчас покажу.

Громов поднялся и подошел к стремянке, стоявшей возле одной из стенок галереи. Взял ее и поставил рядом с портретом графини. Я недоуменно смотрела на него. Вот уж действительно, мужчины и женщины — существа с разных планет. Перед тем как он уехал, мы говорили о портрете графини. И что, Матвей решил, что он мне необыкновенно нравится? Но тут Громов повернулся ко мне.

— Знаешь, Бельчонок, я подумал, что у меня есть акварель, которая очень тебе дорога. И мне хотелось бы вернуть ее тебе…

— «Ландыши!» — закричала я.

А потом бросилась к Матвею. Боже мой, из всех подарков, которые можно было бы мне подарить, он выбрал самый чудесный в мире! Я обняла Матвея и поцеловала его.

— Угадал? — засмеялся он.

— Еще как! — воскликнула я. — Это же… Ты чудо!

У меня не хватало слов, чтобы выразить все свои чувства. Наконец-то «Ландыши» вернутся ко мне!

— Я подумал, что они должны быть у тебя. Захочешь — оставишь здесь, а нет — увезешь к себе… Ведь вы с отцом жили все время вместе.

Я кивнула. Да, это он хорошо придумал. Место «Ландышей» в моей квартире, где до сих пор хранятся многие вещи отца. В его комнате я и повешу эту акварель.

— Я отвезу ее туда. — Наконец я смогла произнести хоть что-то внятное.

— Тогда я сейчас же ее сниму.

Он приставил стремянку поближе к картине и стал подниматься. Вот уже Матвей стоит на последней ступеньке, еще мгновение, и он начнет ее снимать. Но тут по галерее стал разгуливать неизвестно откуда взявшийся сквозняк. Рука Матвея дрогнула, и вместо «Ландышей» он ухватился за портрет графини. Стремянка покачнулась, я кинулась к Матвею и постаралась удержать лестницу, чтобы она не грохнулась на пол. И если стремянка устояла, то «графине» повезло меньше: картина покачнулась, и старый шнур, на котором она висела, лопнул. Портрет с грохотом рухнул на пол.

Я подошла к нему, следом за мной — спустившийся вниз Громов. Мы наклонились над картиной. Рама раскололась пополам, но сам портрет, кажется, не пострадал. Матвей поднял «графиню».

— Нужно будет отвезти ее к реставраторам.

— Смотри… — показала я на то место, где рама отошла от холста.

— Вот это да! — воскликнул Громов.

И действительно, мы совершенно отчетливо увидели, что за портретом графини художник спрятал еще одну картину.

— Давай посмотрим, что там! — предложила я.

— Нет… Мы можем повредить картину.

— Перестань, я это проделывала сотни раз в мастерской у отца. Мне только нужны тонкие щипцы…

— Кажется, у нас такие есть, — сказал Громов. — Сейчас принесу.

Когда Матвей принес инструменты, мне пришлось изрядно повозиться, чтобы достать еще одно творение Васина, которое он спрятал от посторонних глаз. Наконец мои усилия увенчались успехом… Я постепенно извлекала на свет божий полотно, где Артемий изобразил графиню в стиле ню. Но по мере того как я отделяла холст от рамы, изображение менялось…

И вот перед нами предстало творение Васина целиком и полностью. Черноволосая обнаженная красавица расчесывала свои прекрасные волосы перед зеркалом. И в том же зеркале отражалась еще одна фигура — обнаженного молодого человека, лежащего на кровати. Это и был сам Васин. И я вспомнила… тот самый, недостающий фрагмент. Несколько листов, которые я прочитала еще во время болезни. Это были обрывки дневника графини.

— С ума сойти, — прошептал Громов. — Так они были любовниками! Граф узнал и поэтому…

— Нет, — ответила я. — Все было совсем не так… Граф вообще никого не убивал.

Наши взгляды встретились.

— Лера, — произнес Громов, — что ты узнала?

— Правду, Матвей, правду. Представь себе, как в этом огромном прекрасном доме

живет молодая красивая женщина. Ее муж очень богатый и очень занятой человек, занимающий блестящее положение в обществе. Он души не чает в жене, но… постоянно занят. А она находится здесь, отрезанная от прошлой, привычной жизни, где остались все ее подруги и родня. О, она, безусловно, довольна своим браком и ни за что не согласилась бы отказаться от него. Ведь сейчас у нее есть все, о чем прежде она могла лишь мечтать.

Но… несмотря на столько плюсов, есть один, но весьма существенный минус. Женщине невыносимо скучно. Наряды, экипажи, драгоценности уже не приносят ей такой бурной радости, как поначалу, и кажутся чем-то само собой разумеющимся. Графиня замечает, что и любовь мужа, вначале пламенная и страстная, становится все более спокойной… Конечно, она понимает, что так и должно быть. Люди привыкают друг к другу. Но куда же ей деть себя? Она не может, как раньше, проводить время так, как ей нравится. Ведь положение, которое она занимает в обществе, столь высоко, что каждый ее шаг точно рентгеном просвечивается.

И вот в дом такой женщины приезжает молодой художник, который к пятилетнему юбилею семейной жизни должен написать портрет графа и графини. Граф позирует первым, времени у него совсем немного, и тратить его на художника он не собирается. Зато графиня… Она рада обществу молодого человека. С ним она может беседовать, не вызывая ничьих пересудов. Думаю, она пожаловалась ему, что ее жизнь вовсе не так прекрасна, как может показаться на первый взгляд. Васин, который уже и так был тайно влюблен в прекрасную графиню, теперь воспрянул духом,

увидев перед собой призрачную надежду. Раз она несчастлива в браке, значит… Да! Она ответит на его чувства. И действительно, графиня все больше и больше увлекается этой любовной игрой. Она подогревает чувства молодого человека и…

— …становится его любовницей, — подсказал Громов.

— Да. Но в отличие от Васина, сгорающего от любви, она его не любит. Нет, для нее он всего лишь лекарство от скуки.

Но вот портреты закончены. Художник должен покинуть имение графа. Он приходит к графине, чтобы предложить ей уехать вместе с ним. Но женщина встречает его довольно холодно. К тому времени он ей порядком надоел.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Матвей.

— Отрывки из ее дневника. Она писала, что «В» стал невыносим. Она не знает, как его образумить, и не дождется, когда он оставит их. Я тогда подумала, что она пишет о каком-то своем поклоннике, человеке их круга… А потом поняла, что нет. Она писала о художнике.

А Васин, пьяный от счастья, уверенный во взаимности, расписывает женщине, как прекрасно они будут жить. Пусть бедно, но счастливо. Она с ужасом слушает его, понимая, что юноша слишком далеко занесся в своих мечтах. Гораздо дальше, чем она могла предположить. Графиня оказалась в сложной ситуации. Как ему объяснить, что, конечно, он милый славный мальчик, но… их роман давно уже закончился.

Тем временем Артемий все больше и больше входит в раж. Картина их будущей жизни целиком захватила его воображение, и он уже не отличает реальность от фантазии. Графиня пытается убедить его, что продолжение невозможно. Она слишком дорожит своим браком и не собирается его разрушать. Он в недоумении: как же так? Они ведь любят друг друга. Тогда женщина довольно резко обрывает его и называет вещи своими именами. Он спускается с небес на землю. Пытается ее разжалобить, просит подумать о нем… Потом угрожает и признается, что нарисовал картину, которая докажет мужу ее неверность.

Графиня дает ему пощечину. Он приходит в ярость и… Думаю, что в итоге он ее ударил. Она упала и ударилась головой о край стола или другого острого предмета. Васин приходит в себя. Бросается к женщине, но она уже мертва. Конечно, он испугался. Ведь теперь ему грозит каторга. И он начинает спасать ситуацию. Я спрашивала местного краеведа Гостюхина, не пропало ли что-либо из гостиной после убийства? Оказалось, что пропало покрывало.

— В которое он завернул труп? — догадался Матвей.

— Да. Именно так он и поступил. Но здесь есть еще интересная деталь. В тот день, по записям дознавателей, слуги слышали ссору графини с графом. А потом графиня отпустила слуг. Почему? Думаю, что графиня, предчувствуя непростой разговор с художником, попросила мужа самого уладить с ним «дела». Муж, собираясь уезжать, злился, что его хотят втянуть в какие-то домашние разборки. И они действительно повздорили. Граф все-таки уезжает. А когда возвращается вечером, жены уже нет. Он обращается в полицию. Слуги дают показания, и заводится уголовное дело… Более того, в гостиной находят следы крови на полу, на мебели… Выводы очевидны, и графа арестовывают.

— Но куда Васин спрятал труп?

— Это совсем просто.

Я положила перед Матвеем золотую пудреницу.

— Вот… Она принадлежала графине. Я ее нашла возле болот. Помнишь, слуг-то в доме не было. И пользуясь тем, что его никто не увидит, Васин отнес труп к болотам и там его утопил. Поэтому графиню и не нашли. Так что твой предок не виновен. Пусть и поздно для него, но мы смогли узнать истину.

— Лера, ты настоящий Шерлок Холмс. Ты просто сняла камень с моей души. Спасибо тебе, — задумчиво сказал Громов.

Мы молча сидели в галерее. Уже совсем стемнело. Но нам не хотелось уходить. Матвей держал меня за руку, и мне было сказочно хорошо. И вдруг я увидела, что на том месте, где висел портрет графини, появились очертания женского лица. Его тончайшие контуры были почти бесцветны. Я сжала руку Матвея. Он обнял меня крепко-крепко.

— Что ты?

— Смотри! Графиня!

И я показала на то место, где появилось женское лицо. Но по изумленному взгляду Матвея я поняла, что он ничего не видит. Я же, наоборот, видела настолько отчетливо, что не могла отвести взгляда от этого лица. И тогда оно мне улыбнулось. А я… Я улыбнулась ему в ответ. И в этот момент лицо рассыпалось на тысячу мельчайших осколков и… исчезло уже навсегда.

— Лер, ты действительно кого-то видела? — настороженно спросил Матвей.

Я отрицательно покачала головой.

— Мне показалось. Просто привиделось. Но ты знаешь, я думаю, если бы графиня появилась здесь, она хотела бы попросить меня об одной вещи.

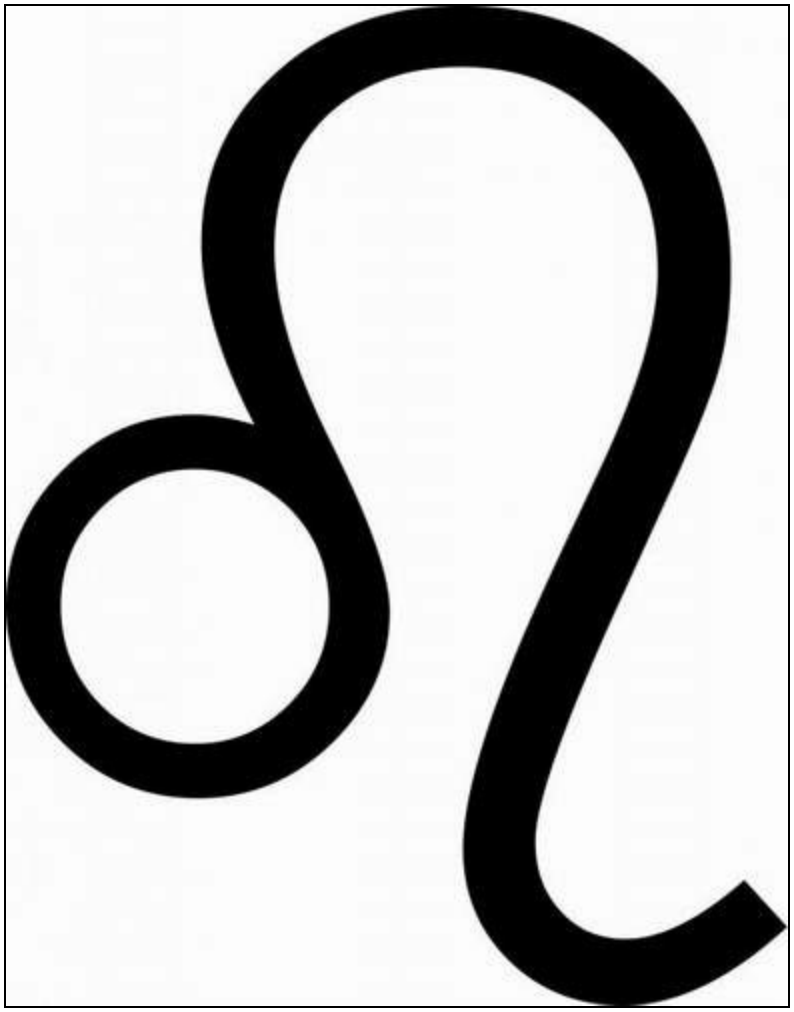
— О чем, родная?

— Чтобы я сделала программу об этой истории. И доброе имя графа и его репутация были бы восстановлены.

Матвей улыбнулся, потянулся, расправляя затекшую спину, а потом нежно погладил по волосам.

— Мне очень нравится твоя идея, — мечтательно произнес он.

— Да? Тогда я сегодня же позвоню Жене и скажу, что возвращаюсь на работу.
Матвей смотрел на меня и улыбался.
— Пойдем ужинать, любимая — сказал он мне.
Больше книг на сайте - Knigolub.net



ГОРОСКОП ЛЬВА

Женщина, родившаяся между 22 июля и 23 августа, подобно льву — царю зверей, любит повелевать всеми, кто окружает ее. Она горда, самолюбива и властна. Природа наградила ее умом, живостью характера и сексуальной привлекательностью.

У женщины, появившейся на свет под солнечным знаком Льва, мягкая поступь, царственные повадки, кажется, что ей некуда спешить. Женщина-Лев грациозна, как кошка, но в любой момент готова выпустить когти и броситься на того, кто ей угрожает. Ленивый взгляд ласковых и спокойных глаз обманчив: в любой момент они могут вспыхнуть опасным огнем, и тогда — держитесь!

Несмотря на чувство превосходства, в глубине души Львица ранима и обидчива, если окружающие не способны оценить ее щедрость и мудрость по достоинству.

Она оптимистична, жизнерадостна и, как ни странно, не любит сосредоточиваться на самой себе, хотя и несколько эгоистична. Ее сильная натура не пасует перед настоящими испытаниями — Львица не сгибается под ударами судьбы. Она редко полагается на других — скорее, сама стремится быть кому-нибудь опорой. Как правило, она получает в жизни то, чего хочет.

Женщина-Лев — исключительно верный друг, под чьим внешним эгоцентризмом и тщеславием скрывается истинно золотое сердце. Она без труда находит общий язык со многими людьми, легко становится другом не только мужчин, но и женщин.

Львица — творческая натура, у нее прекрасное чувство юмора. Она очень любит смеяться — но только не над собой! К ее отрицательным чертам можно отнести то, что она не приемлет критики во всех ее проявлениях — для этого она слишком уверена в себе, — а также неспособность идти на компромиссы.

В финансовом плане редкая женщина-Лев бережлива, но даже испытывая денежные затруднения, ни за что не станет брать в долг, а постарается как-то выкрутиться. Она любит шикарно одеваться и никогда не жалеет денег на удовольствия и развлечения. Не поскупится она и дать в долг. Женщина-Львица никогда не позволит себе опуститься, ходить дома в грязном халате и бигудях. Она тратит прорву времени и денег на прическу, макияж и все остальное, но мужчина никогда не будет допущен к самому процессу — он увидит только результат. Львицы часто тратят на внешность и туалет больше, чем предусмотрено семейным бюджетом, но результат превосходит все ожидания. Из женщины-Льва получится превосходная жена и прекрасная хозяйка, но она не собирается посвятить семье и дому всю свою жизнь. Даже выйдя замуж и родив детей, она обычно сохраняет за собой право работать, так как большое значение придает своей работе и карьере.

Женщина-Львица невероятно тщеславна и может преуспеть на любом поприще — от театра до операционной, при этом она великолепно сумеет совмещать работу с домашними и материнскими обязанностями. Многие женщины-Львы становятся педагогами, психотерапевтами и даже политическими деятелями. Их отличают организованность, хваткость и реальное видение ситуации.

Женщина-Львица станет преданной и нежной матерью своим детям, но никогда не будет чрезмерно опекать их. Она справедлива по отношению к детям: если они ведут себя плохо, она будет строга с ними, если они делают успехи, она будет гордиться ими и баловать. И самое главное: она всегда видит в них личность и не влезает с головой в их

жизнь.

Женщина-Лев ценит мужчин, увлеченных ею. Она благосклонно принимает восторженные комплименты, при этом сама она не всегда влюблена. Женщина-Лев нуждается в восхищении, как в воздухе, но завоевать ее сердце нелегко — она всегда окружена толпой поклонников.

Несравненное чувство гордости порой служит причиной многих разрывов, но без любви женщина-Лев не умеет жить долго. Она довольно отходчива и быстро прощает обиды, примирения в ее жизни так же часты, как и ссоры. Она не только должна занимать важное место в жизни партнера, она должна быть единственной. Львица необыкновенно ревнива — горе мужчине, бросившему случайный взгляд на чьи-то симпатичные ножки! К ней самой подобные ограничения не относятся — широкая натура женщины-Льва требует размаха и свободы выбора.

Она сексуальна и где-то на уровне инстинкта чувствует, как эмоционально реагируют на нее мужчины. Стоит ей пошевелить мизинцем — и они уже у ее ног.

Партнер должен постоянно испытывать восхищение, особенно в сексе. Поэтому женщина-Лев всегда тщательно выбирает себе нижнее белье, стараясь выбрать самое соблазнительное.

В постели Львица уверена в себе на все 200 %. Королева кошачьих джунглей знает, что она здоровое, сладострастное животное, она получает огромное удовольствие от секса — и дарит такое же удовольствие партнеру. Она очень отзывчива в любовных играх и никогда не торопится, чтобы дать возможность мужчине — а главное, себе самой — насладиться процессом. Женщина-Лев великолепно разбирается в искусстве, театре, литературе, обожает зрелищные шумные мероприятия. Повстречать ее можно скорее всего там, где много развлечений, музыки и света, — Львица не любит находиться в одиночестве.

СОВМЕСТИМОСТЬ

ЛЕВ — ОВЕН

Сходство этих двух огненных знаков Зодиака столь велико, что поражает воображение: это эксцентричные, энергичные, страстные характеры. Но в столь сильной похожести кроются и проблемы: желание мужчины-Овена командовать сталкивается с потребностью женщины-Льва повелевать. При взаимных уступках и лояльном отношении к недостаткам друг друга прекрасная, яркая связь.

ЛЕВ — ТЕЛЕЦ

Несмотря на земное притяжение, мужчина-Телец необычайно романтичен, и эта особенность не может не привлечь женщину-Льва. К тому же оба знака обожают искусство, музыку. Терпение и, как правило, финансовое благополучие мужчины-Тельца поможет сгладить проблемы, связанные со взрывным, необузданным нравом женщины-Льва.

ЛЕВ — БЛИЗНЕЦЫ

Краеугольный камень этого союза — непостоянство мужчины-Близнеца: ревнивая женщина-Лев не потерпит измен и даже легкого флирта. Зато с Близнецом не бывает скучно — он прекрасный собеседник, имеет утонченный вкус и, точно так же, как и женщина-Лев, не терпит одиночества.

ЛЕВ — РАК

Если мужчина-Рак уверен в своей избраннице, он готов склониться перед ней в уважении и почитании — это как раз и требуется женщине-Львице. Закрытый, сдержанный нрав мужчины-Рака и общительный, открытый характер женщины-Львицы могут дать неплохие стабильные отношения, основанные на свойстве противоположностей сходиться.

ЛЕВ — ЛЕВ

Фейерверк эмоций, ярких красок и проблем в этих отношениях поджидают огненных Львов. Оба сентиментальны, ревнивы и желают, чтобы жизнь вращалась вокруг них. В постели имеет место отличная сексуальная совместимость. Дело за малым — каждый из этого тандема должен быть готов время от времени не только блистать самому, но и уметь находиться в тени.

ЛЕВ — ДЕВА

Мужчину-Деву хлебом не корми — дай покомандовать и почитать нравоучения, и женщине-Льву такое положение вещей придется ох как не по нраву! В свою очередь, несколько вызывающее поведение Львицы способно вызвать непонимание трезвого и холодного мужчины-Девы. Но его ровная постоянная любовь может свести на нет все противоречия этого союза — и женщина-Лев обретет свое счастье, если станет более терпима и… аккуратна.

ЛЕВ — ВЕСЫ

Мужчина-Весы обладает легким, приятным характером и способен на страсть. Перед его очарованием трудно устоять, и женщину-Льва могут прельстить такие несомненные плюсы мужчины-Весов, как обаяние и веселый жизнерадостный нрав. Что касается принятия решений, с каковым у мужчины-Весов постоянные проблемы, то здесь помощь женщины-Льва будет как нельзя более кстати!

ЛЕВ — СКОРПИОН

Глубокая, страстная натура мужчины-Скорпиона влечет к себе жадную до эмоций женщину-Львицу. Но она всегда должна помнить: даже если внешне ее партнер спокоен, внутри него бушуют бури. Беда в том, что оба знака неуемно, ненормально ревнивы, и здесь обоим необходимо быть начеку. Мужчина-Скорпион — собственник до мозга костей, и если в этом вопросе знаки придут к консенсусу, интересный союз вполне ожидаем.

ЛЕВ — СТРЕЛЕЦ

Оба — и женщина-Львица, и мужчина-Стрелец — обожают экзотику, приключения, и занятия любовью также относятся к одному из их любимых занятий. В спальне пару ждет полный успех, а что касается честности и верности Стрельца — здесь женщина-Лев может быть вполне спокойна.

ЛЕВ — КОЗЕРОГ

Замкнутый, молчаливый мужчина-Козерог — романтик в душе, и жизнерадостность и энергия женщины-Львицы могут серьезно зацепить его. Мужчина-Козерог — сильный мужчина с нежным любящим сердцем, и если женщина-Львица сможет разглядеть эти черты за внешней холодностью и даже напыщенностью, то обретет верного, преданного партнера и — друга.

ЛЕВ — ВОДОЛЕЙ

Оба знака Зодиака достаточно легкомысленно относятся к деньгам, оба не выносят скуки и однообразия в жизни, оба яркие, непредсказуемые натуры. Отношения обещают быть увлекательными и многообещающими, но Львица должна помнить: ему интересны все люди, его окружающие, и он не привык посвящать себя одному человеку. Женщина-Львица должна оставаться непреходящей загадкой для мужчины-Водолея, и тогда он будет рядом с ней.

ЛЕВ — РЫБЫ

У мужчины-Рыбы неисчерпаемый кладезь возможностей, к тому же он почти не имеет предрассудков. Такого мужчину следует грамотно направить в нужное русло — женщина-Львица может превосходно справиться с этой задачей. Обоим знакам требуется постоянное подтверждение того, что их любят и понимают — и здесь мужчине-Рыбе и женщине-Льву понадобится вся их житейская мудрость.

Филолог по образованию, редактор крупного издательства. Азартна, обаятельна, амбициозна. Увлечения: литература, астрология, эзотерика. Знает о таинстве любви не понаслышке. Доверяет звездам. На вопрос: «Автобиографичны ли ваши книги?» — отвечает загадочной улыбкой.

профессий: секретарша, гувернантка, бизнес-леди, писатель... Они бесконечно разные, но объединяет их стремление к женскому счастью. Как сложились их судьбы? Об этом — истории, рассказанные 10 лет спустя, на чудесной заснеженной вилле в Рождественскую ночь.

Лера Стрелкина, талантливая журналистка, родившаяся под знаком Льва, дала себе зарок не связываться с женатыми мужчинами. Но влюбилась. Он — сложный и скрытный человек, банкир, хозяин роскошной усадьбы, в которой Лера разбирает старые архивы. Как и положено дворянскому особняку, здесь водится призрак несчастной графини... Прошлое повторяется: жена банкира пропала без вести, как когда-то графиня. Влюбленная Лера пытается разобраться в загадочных исчезновениях, чтобы понять, не станет ли она новой женщиной Синей Бороды...

+ гороскоп!

Зодиакальный Декамерон

НЕВА Худ Лит

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.